

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пензенский государственный университет» (ПГУ)
Педагогический институт им. В. Г. Белинского
Управление Федеральной миграционной
службы по Пензенской области
Уполномоченный по правам человека
в Пензенской области

Электронное издание

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Материалы

III Международной научно-практической конференции

г. Пенза, 11–12 марта 2016 г.

Ответственный редактор В. В. Константинов

Пенза
Издательство ПГУ
2016

УДК 316.6
ББК 88+60.5
С 69

**Социально-психологическая адаптация мигрантов
С69 в современном мире** [Электронный ресурс] : материалы
III Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. В. Констан-
тинов. – Электрон. текстовые дан. (8042 Кб). – Пенза : Изд-во
ПГУ, 2016. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем.
требования: ПК с процессором 486+ ; оперативная память
256 Мб ; внешняя память 15 Мб ; Windows XP SP3 и выше,
Linux при использовании Wine ; дисковод CD-ROM, PDF-
редактор

ISBN 978-5-94170-999-1

Сборник содержит материалы участников III Международной
научно-практической конференции «Социально-психологическая
адаптация мигрантов в современном мире», которая состоялась
в г. Пензе 11–12 марта 2016 г.

Издание адресовано специалистам в области психологии, ми-
грациологии, педагогики и социальной политики.

**УДК 316.6
ББК 88+60.5**

ISBN 978-5-94170-999-1

© Пензенский государственный
университет, 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогие коллеги! Искренне рад представить вашему вниманию сборник материалов участников III Международной научно-практической конференции «Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире». В третий раз в стенах Пензенского государственного университета ученые и практики обсуждали остроактуальные проблемы этнопсихологии адаптации мигрантов на постсоветском пространстве и в Европе, методологии социально-психологической адаптации личности в новых условиях жизнедеятельности, оказания психолого-педагогической помощи мигрантам и т.д.

Ставшая традиционной работа нашего научного форума наверняка будет способствовать научному развитию ученых-участников конференции, интеллектуальному взаимодействию специалистов в области психологии, миграциологии, педагогики, социальной политики и всех, кому не безразличны проблемы адаптации мигрантов. В сборник включены статьи ученых из Российской Федерации, Украины, Азербайджана, Казахстана, Литвы, Швеции и др.

В материалах сборника читатели смогут найти актуальные и интересные подходы к решению проблем, связанных с адаптацией мигрантов в современном мире.

Уверен, что материалы III Международной научно-практической конференции «Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире» будут интересны широкому кругу читателей и найдут свое развитие в дальнейших исследованиях.

Ответственный редактор В. В. Константинов,
заведующий кафедрой «Общая психология»
ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет»
(г. Пенза, Россия)

ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ ИЗ СЕМЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ НА ИСТОРИЧЕСКОЙ РОДИНЕ

*Т. И. Алиева (г. Мингечаур, Азербайджан),
И. А. Бучилова (г. Череповец, Россия)*

По причине того, что в России разразился кризис в связи с санкциями, падением курса рубля, ужесточением миграционной политики многие эксперты прогнозировали массовый исход трудовых мигрантов. Опыт показывает, что прогнозы себя оправдали (<http://echo.az>). Так, А. Аллахверанов указывает на то, что с 2008 г. количество приезжающих из России в Азербайджан превысило численность людей, выезжающих из страны в направлении РФ, и связывает данный факт с улучшением социально-экономического положения в Азербайджане (<http://echo.az>).

Директор Миграционного центра Азербайджана А. Алиев отмечает, что в 2013 г. из России в Азербайджан по приблизительным данным вернулось свыше 50 000 азербайджанцев. Возвращаются даже те, кто имеет российское гражданство. Однако, проблема в том, что в Азербайджане нет государственной программы возвращения соотечественников на родину, которая принята многими странами. Нет государственной поддержки данной категории граждан.

Многие мигранты возвращаются с семьей на историческую родину. Распространен вариант, когда родители (либо один отец) остаются на заработке, а дети отправляются на место постоянного жительства. Некоторые из этих детей родились в России или приехали туда в раннем возрасте и прожили там несколько лет, посещая российские образовательные учреждения. В связи с переменой привычных условий жизни и необходимостью приспособиться к новым, незнакомым условиям на исторической родине, дети переживают трудный адаптационный период. Существенной проблемой является отсутствие во многих школах и детских садах классов и групп с обучением на русском языке. Статистические данные свидетельствуют о том, что в большинстве стран – партнеров России по СНГ сокращается число русскоязычных школ. Так, если в 1994 г. в Азербайджане общеобразовательных школ с русским

языком обучения было 399, то в 2012 г. таких школ осталось 300. Отмечается также снижение уровня преподавания русского языка (Джурицкий, 2016, с. 100). В связи с этим некоторым детям приходится обучаться на родном языке. В силу низкого уровня владения им, школьникам трудно бывает настроиться на полноценное восприятие знаний. Дети теряют веру в свои способности, интерес к обучению.

С целью изучения социально-психологической адаптации детей из семей мигрантов на исторической родине мы провели обследование младших школьников, прибывших в Азербайджан из других стран, в частности из России и с Украины с использованием таких методов как беседа и тесты.

Рассмотрим основные результаты диагностики социально-психологической адаптации детей из семей мигрантов.

Краткая характеристика семей детей:

Все 10 детей воспитываются в полных семьях. Одна семья многодетная, семь семей двухдетных, две семьи однодетные. Шесть детей родились в Азербайджане, четверо – в России, из них шесть детей являются гражданами РФ. Четыре семьи возвратились на историческую родину в полном составе. В двух семьях родители остались в России, а дети воспитываются бабушкой и дедушкой и другими родственниками. В четырех семьях главы семей остались работать в России, а дети и матери приехали жить на родину.

В ходе беседы с преподавателями русского и азербайджанского языков выяснилось, что дети допускают много ошибок при письме и в устной речи как при использовании родного языка, так и русского. У них выявляются не достаточный запас слов, неправильное произношение, аграмматизмы, незнание латинского алфавита.

Учителями отмечается, что эти школьники испытывают сложности в адаптации к новым условиям, часто замыкаются в себе, стеснительны, иногда проявляют агрессивность, трудно идут на контакт с учителями и сверстниками.

Такие же проблемы, как выяснилось в ходе беседы с родителями, дети испытывают и дома при общении с родственниками, соседями. Непривычные условия жизни, обычаи, нормы поведения их стесняют, они часто вспоминают свою жизнь на прежнем месте, вспоминают своих одноклассников, друзей.

С детьми был проведен тест школьной тревожности Филлипса. На основании данных проведенной диагностики можно говорить о повышенной школьной тревожности у всех испытуемых. Наиболее выраженными оказались следующие страхи: страх не соответствовать ожиданиям окружающих, страх проверки знаний, а также страхи, связанные с переживанием социального стресса.

На детей из семей мигрантов также были заполнены карты экспертной оценки социально-психологической адаптации (методика Д. Стотта) Дадим краткую характеристику полученных результатов. Так, недоверие к новым людям, вещам, ситуациям достаточно сильно выражены у четырех испытуемых; у пяти детей наблюдаются разного рода перепады активности, смена настроения; еще у пяти – склонность к раздражению и физиологическому истощению. У всех испытуемых обнаружены проблемы в общении: трое ни с кем не здороваются, мечтают и занимаются чем-то иным вместо школьных занятий (живут в другом мире); двое не реагируют на приветствия; еще двое не проявляют интереса к коллективным занятиям, не проявляют дружелюбия и доброжелательности к другим людям; двое детей проявляют беспокойство в общении, сбиваются с темы разговора; один ребенок избегает разговоров, производит такое впечатление, как будто совершенно не замечает других людей. Тревожность по отношению к взрослым; беспокойство и неуверенность в том, интересуются ли им взрослые, любят ли его выявлены у всех испытуемых. Тревога по отношению к детям, тревога ребенка за принятие себя другими детьми в той или иной форме также наблюдается у всех школьников данной группы: двое детей стараются занять ответственный пост, но опасаются, что не справятся с ним; хвастаются перед другими детьми; любят быть в центре внимания; пять детей заботятся о том, чтобы всегда находиться в согласии с большинством; навязываются другим; ими легко управлять; трое детей склонны к паясничеству; шумно ведут себя, когда учителя нет в классе. Недостаток социальной нормативности (асоциальность) проявляется у испытуемых в следующих формах: у семерых детей отмечается отсутствие стараний понравиться взрослым; безразличие и отсутствие заинтересованности в хороших отношениях с ними; у двух детей наблюдается отсутствие моральной щепетильности в мело-

чах; один ребенок считает, что взрослые недружелюбны, вмешиваются в его дела, не имея на это права.

Шесть школьников сильно отстают в учебе от своих сверстников. Четверо из обследуемых детей часто опаздывают, не организованы, не собраны, ведут себя в классе как посторонние, отверженные.

Показательны результаты и по методике «Диаграмма: хорошее и плохое». У большинства детей окрашены черным цветом класс, школа, город. У четырех испытуемых черным цветом окрашена семья.

По мнению педагогов, основная проблема социально-психологической адаптации детей-мигрантов заключается в том, что учащиеся включается в учебный процесс не с первого класса, могут появиться в середине учебного года, а также любое время покинуть образовательное учреждение. Среди этих детей есть такие, которые один год получают образование в России, следующие учебный год – в Азербайджане. И такая ситуация может повторяться несколько раз. Так как школьные программы разные, ребенок отстает в учебе, чувствует себя как гость. Возникает проблема форсирующей адаптации ребенка мигранта, которая ставит школу, учителя и самого ученика в экстремальную ситуацию. Соответственно, актуальным направлением миграционной педагогики является разработка программ поддержки, социально-психологической адаптации детей из семей мигрантов, возвратившихся на историческую родину. Успешная реализация таких программ возможна при условии построения общего культурно-образовательного пространства в рамках СНГ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Азербайджанцы возвращаются на родину // Эхо. Общественно-политическая газета [Электронный ресурс]. – 2012. – 29 нояб. – URL: <http://echo.az> (дата обращения: 12.02.2016).

2. В Азербайджан возвращаются даже граждане России // Социум [Электронный ресурс]. – 2014. – 11 апр. – URL: www.vesti.az (дата обращения: 12.02.2016).

3. Джуринский, А. Н. Поликультурное образование в многонациональном социуме / А. Н. Джуринский. – М. : Юрайт. – 2016. – 257 с.

4. Продолжается отток азербайджанских мигрантов из России // Эхо. Общественно-политическая газета [Электронный ресурс]. – 2015. – 14 нояб. – URL: <http://echo.az> (дата обращения: 12.02.2016).

БИЛИНГВИЗМ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Б. С. Алишев (г. Казань, Россия)

Представлены основные результаты исследования, в котором изучалась связь между религиозностью и уровнем удовлетворенности жизнью в этнических группах русских и татар. Показано, что у татар в целом удовлетворенность жизнью выше, чем у русских, а среди верующих татар (мусульман) этот показатель повышается еще более.

В некоторых исследованиях, проведенных зарубежными авторами (см. Dewaele, 2013; Ely, 1989; Grac, 1998 и др.) было показано, что билингвизм способствует более выраженной межкультурной толерантности личности и, в целом, более высокому уровню ее толерантности к неопределенности. Эти результаты выглядят совершенно логичными и вряд ли могут вызвать желание опротестовать их. Действительно, знание двух и более языков расширяет внутренний мир личности, ее культурный диапазон, позволяет ей понимать не только речь представителей другого народа, но и лучше понимать ту картину мира, которая существует в их сознании. Тем самым она научается принимать разнообразные проявления иной культуры, быть более толерантной к ним.

Тем не менее, существует такой аспект моно- и билингвизма, который, возможно, не согласуется с указанной выше тенденцией. Рассмотрим, в частности, два отличающихся друг от друга варианта соотношения моно- и билингвизма. В первом варианте мы можем анализировать представителей крупного этноса, образующего большинство населения некоего государства. Представим себе, что большая их часть знает только родной язык, а некоторые знают, кроме того, еще и язык другого народа (например, часть русских знает только родной язык, а часть еще какой-то иностранный: английский, немецкий, французский и др.). Именно такого типа ситуация чаще всего и становится объектом изучения в большинстве научных исследований, в том числе упомянутых выше.

Возможна и достаточно часто встречается, однако, совершенно иная лингвистическая ситуация, типичная не для крупных этносов, а для национальных меньшинств. Подавляющее большинство представителей таких меньшинств, как правило, характе-

ризуется билингвизмом, причем, начиная с очень раннего возраста. Монолингвизм среди них часто вообще невозможно обнаружить, или же он встречается, но, если можно так выразиться, «с противоположным знаком», т.е. имеются представители национального меньшинства, которые владеют только одним языком, но он не является их родным, а их этническая идентичность не соответствует языковой. Например, такая ситуация характерна для части городских татар, считающих себя татарами, но знающих только русский язык.

Являются ли две описанные ситуации идентичными друг другу в психологическом плане? По-видимому, нет, так как в первом случае моноязычие соответствует большей этнокультурной замкнутости личности, а во втором – все обстоит с точностью наоборот. Моноязычие личности в этом случае означает более выраженный ее «выход» за границы своей национальной культуры и более широкий, разнообразный контакт с иной культурой. Как ни странно, во втором варианте билингвизм будет означать большую привязанность личности к своей родной культуре. В обоих вариантах второй язык, казалось бы, выполняет одну и ту же функцию, но на самом деле это не совсем так. Во втором варианте его роль оказывается намного выше. Знание его становится жизненной необходимостью, и все же это обстоятельство может никак не влиять на этническое самосознание личности и на ее этническую картину мира.

В связи с изложенными соображениями нами было проведено небольшое исследование, в котором сравнивались по ряду психологических параметров, включая толерантность к неопределенности, две группы татар: говорящих как минимум на двух языках: татарском и русском, – и говорящих только на одном русском языке. Что касается татар, говорящих только на татарском языке, то таковые вряд ли где-то в мире существуют.

Выборку исследования составили 186 студентов татарской национальности (обозначившие себя в качестве татар) в возрасте от 18 до 20 лет мужского и женского пола (с небольшим преобладанием девушек), обучающихся на гуманитарных специальностях (социологи, историки, филологи, экономисты и др.). Из них 134 студента владели двумя языками, 52 только одним, русским (следует учитывать, что эти числа не соответствуют реальному соотношению моно- и билингвальных татар).

Результаты исследования показали, что по целому ряду психосоциальных характеристик между этими двумя группами студентов нет статистически достоверных различий. В частности они не отличаются друг от друга по уровню тревожности, самооценки, удовлетворенности жизнью, по выраженности полнезависимого или полнезависимого когнитивных стилей и др. Только по двум из измерявшихся параметров между этими группами обнаружилось достоверные различия по *t*-критерию Стьюдента.

Во-первых, в группе русскоговорящих татар был выявлен более чем вдвое меньший по абсолютной величине индекс религиозности. Если билингвальные татары в большинстве своем обозначали себя как верующих (около 30 % атеистов) и за двумя исключениями как мусульман, то среди монолингвальных (русскоязычных) татар верующими-мусульманами себя называли чуть менее 40 %, а остальные были атеистами. Во-вторых, в группе татар, говорящих только на русском языке, был обнаружен более высокий уровень толерантности к неопределенности (использовалась методика GAS в русскоязычной версии А. Г. Солдатовой) нежели среди билингвальных татар. Различие между группами по данному параметру статистически достоверно по *t*-критерию Стьюдента на уровне $\alpha \leq 0,05$.

Первое из обнаруженных различий, по-видимому, не содержит в себе ничего удивительного, так как татары, не знающие родного языка, безусловно, в меньшей степени идентифицируют себя и с некоторыми другими элементами национальной культуры. Надо также учесть, что зачастую они являются детьми, родившимися в смешанных браках, что в случае с религиозной идентификацией ставит их в ситуацию непростого выбора. Поэтому многие из них пользуются возможностью вообще не совершать этот выбор: атеизм становится для них психологически наиболее комфортным решением проблемы. По всей видимости, такая же картина должна наблюдаться в подобных ситуациях не только у татар, но и в других этнических группах.

Гораздо менее очевидной является интерпретация второго из обнаруженных различий. Как можно видеть, билингвизм вовсе не обязательно повышает уровень толерантности к неопределенности у личности. В начале статьи уже была сделана попытка объяснить, почему такой результат возможен. Итак, с моей точки зрения, как монолингвизм, так и билингвизм (полилингвизм), нельзя рассмат-

ривать как всегда одну и ту же ситуацию. На самом деле существуют очень разные с точки зрения психологии и с точки зрения социального восприятия личности ситуации, как монолингвизма, так и билингвизма, которые оказывают разное влияние на психологическую структуру личности, на ее мировосприятие и мироощущение. Наличие таких нюансов подталкивает к более детальным и более изощренным психологическим исследованиям в данном направлении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Dewaele, J.-M. The link between Foreign Language Classroom Anxiety, Second Language Tolerance of Ambiguity and Self-rated English proficiency among Chinese learners / J.-M. Dewaele, I. Tsui Shan // SLLT. – 2013. – Vol. 3 (1) – P. 47–66.
2. Ely, C. M. Tolerance of ambiguity and use of second language strategies / C. M. Ely // Foreign Language Annals. – 1989. – Vol. 22 (5). – P. 437–446.
3. Grac, C. Personality type, tolerance of ambiguity, and vocabulary retention in CALL / C. Grac // CALICO Journal. – 1998. – Vol. 15 (1). – P. 19–45.

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПСИХОСОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

М. Р. Арпентьева (г. Калуга, Россия)

Проблемы координации взаимоотношений различных этнокультурных групп поставили перед государством вопрос создания специальных служб и обучения специалистов вновь создаваемых и уже существующих служб, так или иначе обращенных к работе с проблемами кросс-культурного взаимодействия. Одной из таких служб является служба социальной поддержки населения, сотрудники которой работают с представителями самых разных культур и наций, оказывают помощь мигрантам и, в том числе, беженцам и вынужденным переселенцам, которая так или иначе обращена на формирование отношений взаимопомощи и толерантности между представителями разных этнических групп. Интра- и интерсоци-

альные различия этнокультурных групп естественны и сказываются на различиях стратегий социальной помощи (Арпентьева, 2015; Минигалиева, 2002, 2012; Brislin, Yoshida, 1994). В кросс-культурной ситуации, когда субъект сталкивается с иными ценностями, образом жизни, способами поведения и общения, контакт может быть источником фрустрации, внешнего и внутреннего конфликта (агрессии). Особенно затруднительными кросс-культурные контакты бывают в случаях, когда у человека мало знаний о других культурах и нет развитых умений выявления и изучения их отличий, но в силу различных обстоятельств он вынужден контактировать с представителем инокультурной среды. Термин «аккультурация» выступает как структура (рамка) для описания процесса адаптации человека или группы к новой культуре. Аттитюды (установки) и представления об аккультурации различны у доминантной культуры и культуры, подвергающейся аккультурации (dominant culture, acculturating culture). Центральный показатель включения (перехода) субъекта в другую культуру – степень, в которой субъект считает и хочет считать себя принадлежащим ей (размер субъективного вклада в культуру страны-хозяина). Другие факторы – широта контактов субъекта со своей и инокультурной группой, желание и степень свободы этих контактов. Выделяется несколько стратегий аккультурации (acculturation strategy): стратегия обособления (separationism) собственной группы, стратегия ассимиляции (following the assimilation track) собственной группы и культуры в культуру большинства, стратегия интеграции (integration strategy) своей и чужой культур и маргиналы (marginalization) характеризуются низким интересом к контактам с членами всех: как своей, так и чужой культуры (Арпентьева, 2015; Минигалиева, 2002, 2012). Термин «аккультурационный стресс» – используется для описания поведения, ассоциирующегося со стрессом, который переживает человек в процессе аккультурации. Хотя Дж. Берри полагает, что культурные изменения (изменения культуры) не всегда приводят к стрессу, и многие взаимодействия культур приводят скорее к позитивным, чем деструктивным, эффектам, существует взаимосвязь между характером аккультурации и уровнем стресса (Raniagua, 1994). Неудача адаптации к инокультурной среде нередко проявляется в целом комплексе психосоматических симптомов и расстройств, заставляя субъекта искать не только социально-психологической, но и медицинской помощи. Особое внимание нужно уделять обучению клиентов адекватному осмыс-

лению особенностей построения интимно-личностных и деловых контактов, принятых в данной культуре: нужна профилактика шока аккультурации, предполагающая процедуры кросс-культурного обучения и обучение клиента специальным навыкам совладания со стрессовыми и дистрессовыми воздействиями. Особенно уместными здесь оказываются такие техники как «культурные ассимиляторы», позволяющие сравнить и выделить особенности поведенческого выражения одинаковых состояний и желаний в разных культурах. Среди личностных особенностей, оказывающих наиболее значительное влияние на формирование реакции на стресс и выбор способа выхода из него, выделяется также сложность интегрированности личности больного. П. Линвайл утверждает, что тип «Я»-концепции может влиять на нашу реакцию на стрессовые ситуации и, следовательно, на наше здоровье. Сложность «Я»-концепции обеспечивает защиту против связанных со стрессом депрессий и заболеваний. Множественная личность (*over-seatype*) испытывает наименьшее количество сложностей в процессе адаптации к инокультурной среде. Поэтому терапевтам необходимо поощрять людей развивать различия и устанавливать связи между разными аспектами «Я», сосредоточиваясь на тех аспектах «Я», которые связаны с положительными чувствами и мыслями (Минигалиева, 2012).

Социально-психологическая помощь оказывается, исходя из двух основных гипотез. Согласно гипотезе «соответствия» (*cultural compatibility hypothesis*), взаимодействие со специалистом может быть эффективно, если культурные барьеры между ним и клиентом минимальны (Brislin, Yoshida, 1994; Paniagua, 1994). Тогда клиент находится в безопасной, знакомой и привычной для себя ситуации взаимодействия. Проверка этой гипотезы показала, что взаимодействия пациентов и специалистов разных этнокультурных групп не сказывается на результатах помощи, особенно в случае ориентированных на действие, непосредственное изменение и фокусированное обучение поведенческих и когнитивно-поведенческих форм психотерапии. С одной стороны, эти данные дают повод несколько переоценить и увидеть новые возможности этих форм психологической помощи, особенно если учесть, что многие исследования проводились на группах с близкими ценностями, жизненным стилем и опытом. Однако, другим результатом стало понимание необходимости различать этническую (определяющую наличие специфической системы ценностей и жизненного стиля у

представителей данной группы) и расовую принадлежность. Взаимодействие людей одной расы, различающихся по степени аккультурации может приводить к весьма существенным конфликтам. Если понятие «раса» относится к социальным определениям группы, основывающимся на убеждении в существовании различных физических характеристик людей, то «культура» – это то, что связано с поведением, привычками, ценностями, образом жизни и обычаями. «Универсалистская» гипотеза (universalistic argument) предполагает, что эффективная помощь во взаимодействии людей разных этнокультурных групп не связана прямо и не зависит от этнической/расовой принадлежности терапевта и пациента. Она связана с наличием у специалиста желания понять своего клиента.

Многие исследователи практик оказания социально-психологической помощи отмечают, что понимание другого человека и самого себя выступает как важная профессиональная задача социального работника. С другой стороны, в связи с невозможностью «полного понимания» иной культуры и другого человека отмечается важность осознания того, что, всякое понимание – это непонимание. То есть, оно заранее ограничено ценностным и культурным кругозором понимающего и допускает осмысление чуждого опыта и ценностей клиента как имманентно и непреодолимо отличных от опыта и ценностей специалиста. Установка на непонимание и принятие недопонимания помогают специалисту избежать психологического сгорания и ошибок профессиональной деятельности. Важным для специалиста оказывается высокий уровень толерантности к неопределенности и исследование интенциональной логики симптомов (intentional logic of symptoms) (Brislin, Yoshida, 1994; Paniagua, 1994).

Особенно много сложностей связано со сложностями языкового выражения проблем и описания болезненных симптомов (cross-cultural pragmatic failure). Здесь также есть несколько типов ошибок, связанных для одного из говорящих: а) со специфическим контекстом осмысления произнесенной фразы (особая значимость, болезненность ситуации), б) субъективным нарушением дистанции и правил общения в целом, в) предубеждениями о культуре врача или пациента в целом. Осмысление этих ошибок предполагает формирование более гибких и легко адаптируемых к новым ситуациям стратегий взаимодействия. «Культурное вознаграждение» (brokerage) – термин, используемый для описания стратегий взаимодействия, позволяющих преодолеть противоречия (барьеры) и

стать более открытыми в кросс-культурном взаимодействии. Применительно к взаимодействию специалиста и его клиента в рамках службы социальной помощи, культурное вознаграждение означает ознакомление обоих участников общения об особенностях каждой культуры и особенно тех ее аспектах, которые касаются проблем здоровья и болезни. М. Фицджеральд описывает ряд способов, позволяющих достигнуть социального вознаграждения в контактах с инокультурным клиентом: а) исследование и использование опыта других специалистов, работающих в тех же условиях, обзор (отслеживание) развития осознания происходящего разными членами сообщества, повышение уровня осознания различий; б) анализ собственных внутренних ресурсов, возможностей; в) внимание к более точным оценкам и объяснениям вербального и невербального поведения в конкретном контексте. Эффективный терапевт должен обладать двумя качествами: 1) культурной сензитивностью – осознанием культурных вариантов и особенностей представителей разных групп и специфических коррекционно-диагностических подходов, которые могут эффективно использоваться в терапии; 2) культурной компетентностью – уметь транслировать это сознание в процессе организации продуктивного взаимодействия с пациентом (Brislin, Yoshida, 1994; Paniagua, 1994).

К. Муллейви-О'Бирн выделяет ряд важных областей проблемы профессиональной компетентности: 1) роль плюрализма в медицине и психологии данной культуры, ее понимании болезней и способов лечения, отношении к ним; 2) объяснительные модели болезни и проблем пациента, их причин; 3) стиль общения врача и больного (Арпентьева, 2015; Bates, Linaer-Pelz, 1990). Выделяется также ряд факторов, влияющих на выбор систем поддержания здоровья и помощи в плюралистических сообществах: 1) ориентация оздоровительной помощи на профилактику, ознакомление семей со способами поддержания здоровья; 2) ознакомление семей со способами диагностики и распознавания заболеваний, периодические обследования; 3) включение альтернативных (в том числе культурно-специфичных) систем поддержания здоровья в доминантную систему.

Основной альтернативой осмысления происходящего с клиентом психологом или врачом является видение происходящего самим клиентом, обретающее в случае кросс-культурного контакта, ряд дополнительных измерений. Как отмечают К. Хелман и некоторые другие исследователи, представления о здоровье и болез-

ни у врачей и их пациентов различны даже если восходят к одинаковым культурным традициям. Эти различия приводят к трудностям общения в клинических ситуациях. Как отмечает А. Клейман различия объясняющих моделей болезни (explanatory model) у пациентов и врачей касаются пяти измерений: причины (этиологии), симптомов (их характера и значения, того, что именно считать симптомом), связанными с нею патофизиологическими изменениями (патофизиологическим процессом), типа болезни, динамики ее развития, способа лечения. Со временем внутренняя картина болезни все более дифференцируется, происходит создание концепции болезни, ощущения превращаются в симптомы, формируется внутренне непротиворечивая внутренняя картина болезни, личностный смысл болезни – жизненное значение для человека обстоятельство болезни в отношении к мотивам его деятельности. Адекватная внутренняя картина болезни соответствует внешней картине болезни и поведением больного: признанию факта болезни, принятию к сведению заключений врача, сотрудничеству больного с врачом. В процессе достижения взаимопонимания с пациентом, от терапевта требуется умение быть гибким в отношении клиента, его внутренних картин здоровья и болезни, быть сензитивным к его потребностям, некатегоричным, уметь доходчиво объяснять и приспособляться к иной точке зрения. Эффективное лечение подразумевает исследование терапевтом тех метафор, которыми оперирует клиент. Существование большой дистанции между клиентом и терапевтом ведет, например, к тому, что то, что терапевт относит к нормам профессионального взаимодействия, клиент может отнести на счет кросс-культурных различий. Специалисту важно учитывать различное представление клиентов разных этнокультурных групп о сути медикопсихологической, социальной и психиатрической помощи: о специалисте по психическому и физическому здоровью (как о психиатре, социальном работнике, враче, медицинском психологе, консультанте, знахаре (folk healer) и т.д.), о различных подходах к организации медико-психологической и социальной помощи. Обычно выбор формы помощи, например, в психотерапии: индивидуальной, семейной или групповой, – связан с оценкой формы и степени аккультурации клиентов, особенностями ее проявления в «клинической картине» (Cassel, 1976; Chrisman, 1976; Helman, 1990; Kleiman, 1980). В работе с клиентами иной этнокультурной группы важно учитывать (Минигалиева, 2012; Paniagua, 1994):

– типичные ярлыки, приписываемые представителям той или иной группы, характер, степень выраженности расистских установок по отношению к той социальной общности, к которой принадлежит пациент, основные специфические религиозные убеждения и обыденные представления (folk beliefs), бытующие в данной этнокультурной группе, их роль и содержание;

– различия языковые и различия невербальной коммуникации: непереводаемая игра слов, логика построения предложений, смысловые многозначности вербальных и невербальных высказываний, их конгруэнтность; специфические культурные «паранойи», навязчивые страхи (типа страха болезни у афроамериканцев – healthy cultural paranoia phenomenon), имплицитные теории здоровья и болезни, психических нарушений, специфические формы типичных психопатологических синдромов, особые симптомокомплексы;

– «фамилизм» (familism) – общее значение семьи как смыслового центра жизни человека, клановость или индивидуализм (individualism), забота о собственном благополучии, карьере, здоровье, индивидуальном продвижении и интересах (различие self- and other-oriented persons);

– ориентация культуры на личность (personalism), открытость, или на формальные отношения (formalism), ритуалы и нормы;

– распространенное в данной культуре представление о судьбе (fatalism), типы фатализма, понятие о справедливости, его роль, тип личностной зрелости, свойственный большинству людей данной культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арпентьева, М. Р. Ксенологический подход: метаязыковые стратегии понимания / М. Р. Арпентьева // Многомерные миры языка : кол. моногр. – М. : РУДН, 2015.

2. Минигалиева, М. Р. Кросс-культурные аспекты социально-психологической помощи: понимание и толерантность / М. Р. Минигалиева. – Калуга : Манускрипт, 2002. – 190 с.

3. Минигалиева, М. Р. Толерантность и мультикультурализм / М. Р. Минигалиева. – Калуга : КГУ им. К. Э. Циолковского, 2012. – 332 с.

4. Bates, E. Health care issues / E. Bates, S. Linaer-Pelz. – Sydney : Allen&Unwin, 1990. – 310 p.

5. Cassel, E. J. The healer's art / E. J. Cassel. – New York : Lippincott, 1976. – 350 p.

6. Chrisman, N. J. The health seeking process / N. J. Chrisman // Culture, Medicine and Psychiatry. – 1977. – V. 1. – P. 351–357.
7. Helman, C. Culture, health and illness / C. Helman. – Oxford, UK : B. Hein, 1990. – 300 p.
8. Improving intercultural interactions: Modules for cross-cultural training programs / Eds. R. W. Brislin, T. Yoshida. – N. Park, CA : Sage, 1994. – 360 p.
9. Kleiman, A. Patients and healer in the context of culture / A. Kleiman. – Berkeley, CA : Univ. of California Press, 1980. – 290 p.
10. Paniagua, F. A. Assessing and treating culturally diverse clients: A practical guide / F. A. Paniagua. – London : Sage Publ., 1994. – 140 p.

МЕДИТАЦИЯ В КОРРЕКЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК КЛЮЧЕВОГО ФАКТОРА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ

С. В. Афанасьев (г. Барнаул, Россия)

Проблемы миграции особенно остро стоят на повестке дня в общественном обсуждении в условиях глобализации. Отдельного внимания заслуживает миграция в контексте социально-психологической адаптации мигрантов, так как нерешенные психологические проблемы адаптации, возникающие в процессе миграции, несут в себе массу угроз, как для самих мигрантов, так и для общества в целом. Лица, контактирующие с новой культурой, могут объективно рассматривать эту ситуацию как весьма сложную и напряженную, особенно в начальной стадии. Уровень стресса, возникающего на фоне культурных и религиозных различий, может быть особенно высок, когда культура страны происхождения мигранта в значительной степени отличается от таковой в принимающей стране. Мигранты с одной стороны испытывают острую необходимость в успешной и эффективной социализации в новом для них обществе и культуре. С другой стороны на первый план выступает потребность в поддержании психологического благополучия, так как психика и эмоциональная сфера в процессе миграции испытывает высокие нагрузки.

В связи с вышесказанным, проблема социально-психологической адаптации мигрантов представляется весьма актуальной в

культурном, социальном, психологическом аспектах, что в свою очередь не может не отражаться на деловой и государственной сферах. Особую значимость тема проведенного исследования получает в контексте отсутствия исследований, касающихся изучения влияния медитации на эмоциональный интеллект как ключевой фактор социально-психологической адаптации мигрантов.

Целью нашего исследования явилось изучение роли медитации в развитии эмоционального интеллекта как ключевого фактора социально-психологической адаптации мигрантов.

Общей гипотезой проведенного исследования выступило предположение о наличии зависимости между практикой медитации и динамикой эмоционального интеллекта мигрантов как ключевого фактора их социально-психологической адаптации. На основании общего предположения автором были сформулированы следующие гипотезы:

1. Медитация влияет на динамику эмоционального интеллекта.
2. Динамика эмоционального интеллекта, возникающая вследствие практики медитации, является положительной.
3. Практика медитации способствует усилению ключевых внутриличностных и межличностных компетенций эмоционального интеллекта, обуславливающих эффективность процесса социально-психологической адаптации мигрантов.
4. Выбор конкретной техники медитации не оказывает существенного влияния на масштаб динамики эмоционального интеллекта.

Проработка гипотез исследования была сосредоточена на трех ключевых областях:

– медитация, которая для целей данной работы понимается как практика духовного развития и саморегуляции, фокусирующаяся на тренировке внимания и осознанности (Walsh and Shapiro, 2006);

– эмоциональный интеллект как способность осознавать, понимать, управлять и контролировать собственные эмоции в разнообразных сложных социальных ситуациях (Bar-On, 2006), способствующая адаптации в различных областях жизни, и рассматривается как ключевой внутренний фактор социально-психологической адаптации;

– социально-психологическая адаптация как процесс преодоления проблемных ситуаций личностью, в ходе которого она использует приобретенные на предыдущих этапах своего развития навыки социализации, что позволяет ей взаимодействовать с групп-

пой без внутренних или внешних конфликтов, продуктивно выполнять ведущую деятельность, оправдывать ролевые ожидания, и при всем этом, самоутверждаясь, удовлетворять свои основные потребности (Налчаджян, 1988) и рассматривается применительно к мигрантам, как одной из наиболее психологически уязвимых групп современного общества.

Теоретико-методологическая основа нашего исследования представлена теоретическими положениями и концептуальными моделями эмоционального интеллекта (R. Bar-On, P. Salovey, D. R. Ciaruso, J. D. Mayer, D. Goleman, Д. В. Люсин), современными и классическими концепциями социального, множественного и когнитивного интеллекта (D. Wechsler, E. Thorndike, S. Stein, H. Gardner, W. Payne), актуальными теоретическими и эмпирическими обоснованиями эффективности медитативной практики (J. Kabat-Zinn, Maharishi Mahesh Yogi, J. Teasdale, Dharma Singh Khalsa, A. Weintraub, N. Rosenthal), а также ключевыми положениями социально-психологического подхода к исследованию адаптации личности (R. Lazarus, S. Folkman, J. Zhang, M. Goodson, В. С. Агеев, В. Н. Мясищев, А. А. Налчаджян, Т. Г. Стефаненко).

В качестве основных методов исследования, подбор которых был обусловлен теоретико-методологической основой, а также сформулированными гипотезами исследования, выступали тематический анализ, интерпретативный феноменологический анализ, интервью как качественный метод научных исследований, а также количественная методика оценки уровня эмоционального интеллекта «Опросник «ЭмИн» Д. В. Люсина (Люсин, 2009).

Эмпирическую базу исследования составили данные диагностики показателей эмоционального интеллекта по выборке, состоявшей из сорока восьми русскоязычных мигрантов, выехавших на постоянное место жительства из Российской Федерации в Германию и находящихся в первичной стадии миграции (до 5 лет пребывания в принимающей стране). Выбор данной группы мигрантов в качестве целевого сегмента обусловлен с одной стороны особыми трудностями социально-психологической адаптации, характерными для мигрантов с территории бывшего СССР, а с другой – наличием у представителей данной группы типичных проблем адаптации мигрантов. Кроме того, нахождение в первичной стадии миграции, способствующее наибольшей нагрузке на психику мигрантов и уровень их эмоционального интеллекта, позволило учесть наиболее острые психологические проблемы. Также следу-

ет отметить, что ограничение фокуса текущего исследования русскоязычными мигрантами, с территории бывшего СССР на территорию Германии обусловлен, помимо названных критериев, целью достижения большей глубины анализа данных (Smith, 1996), что также соответствует выбранным методам исследования. Таким образом, выборку составляли мигранты, находящиеся в ситуации коренного изменения жизненных установок и социального окружения и испытывающие значительные нагрузки на психику в связи с объективными жизненными обстоятельствами. Из участников было сформировано две группы: экспериментальная, состоящая из 32 человек и включающая две подгруппы практиковавших двадцатиминутную трансцендентальную медитацию и медитацию осознанности той же продолжительности ежедневно, и контрольная, состоящая из 16 человек. Таким образом, все участники исследования фактически были разбиты на 3 подгруппы по 16 человек в каждой (9 женщин и 7 мужчин), что в целом репрезентирует возрастные и половые характеристики целевой группы. Представители контрольной группы не обучались медитации (что было подтверждено устным опросом) и не практиковали какой-либо вид медитации, что периодически контролировалось на протяжении исследования, и были подвергнуты контрольным измерениям эмоционального интеллекта по выбранной методике аналогично с участниками экспериментальной группы.

Было осуществлено два диагностических среза: первый – до проведения эмпирической части исследования, второй – после окончания двухмесячного эксперимента. Интерпретация данных, полученных в ходе исследования, позволила сделать следующие выводы.

На основании данных, полученных в результате практической части исследования, их анализа и интерпретации было выявлено, что медитация влияет на динамику эмоционального интеллекта. Полученные в результате применения качественных (интервью) и количественных (опросник эмоционального интеллекта «ЭмИн») методик результаты наглядно демонстрируют заявленную динамику в экспериментальной группе. Дополнительное подтверждение факторного воздействия медитации на эмоциональный интеллект было получено в рамках измерений эмоционального интеллекта и интервью с участниками контрольной группы исследования, не практиковавших медитацию и продемонстрировавших относительную стабильность ключевых показателей эмоционального интеллекта.

Динамика эмоционального интеллекта, возникающая вследствие практики медитации, является положительной. Результаты анализа первичных и повторных измерений межличностного и внутриличностного компонентов эмоционального интеллекта у участников экспериментальной группы, а также интерпретация их интервью также продемонстрировали значительные положительные изменения указанных параметров в сравнении с данными, полученными в контрольной группе. Респонденты определенно указали, что медитация помогает привнести чувство порядка и стабильности, позволяет повысить способность к концентрации и сосредоточенности на реальности с одновременным подавлением негативных мыслеформ, что позволяет повысить общий позитивный настрой. Кроме того, субъективное осознание медитативного опыта респонденты описывали в категориях сознания, подсознания и спокойствия. Основные концепции эмоционального интеллекта, понимающие его как способность к пониманию собственных и чужих эмоций, а также к управлению ими, базируются фактически на том же принципе осознания мыслей, чувств и действий, чему способствует практика медитации.

Практика медитации способствует усилению ключевых внутриличностных и межличностных компетенций эмоционального интеллекта, обуславливающих эффективность процесса социально-психологической адаптации мигрантов. В рамках эмпирической части настоящего исследования была показана значительная положительная динамика уровня межличностной компетенции эмоционального интеллекта участников при одновременной положительной тенденции в динамике внутриличностного компонента эмоционального интеллекта у участников экспериментальной группы. Кроме того, анализ интервью с респондентами показал определенную субъективно оцениваемую связь между уровнем эмоционального интеллекта и эффективностью процесса социально – психологической адаптации мигрантов. Большинство участников экспериментальной группы отметили, что медитативная практика помогает дисциплинировать ум и стать более сознательным в проявлении и выражении чувств и эмоций. Позитивное воздействие медитации выражается также в снижении уровня стресса, адекватной оценке собственных сил и объективных ограничений, что опосредует более эффективную социально-психологическую адаптацию.

Выбор конкретной техники медитации не оказывает существенного влияния на уровень динамики эмоционального интеллекта. Данный вывод подтвержден интерпретацией измерений в экспериментальной группе в разрезе конкретного практикуемого вида медитации. В рамках данной работы, в качестве предложенных участникам видов медитации выступили медитация осознанности и трансцендентальная медитация. Анализ интервью с участниками показал некоторые отличия в оценке индивидуального опыта медитации (большая сосредоточенность на внутренних факторах в случае с трансцендентальной медитацией и упор на внешние проявления воздействия медитации осознанности). Данная тенденция была показана при аналогичных показателях динамики эмоционального интеллекта в обеих частях экспериментальной группы и данных интерпретации субъективной оценки респондентами медитативного опыта и его влияния на эмоциональный интеллект в контексте социально-психологической адаптации.

Таким образом, в рамках данного исследования было подтверждено, что медитация является эффективным инструментом положительного воздействия на эмоциональный интеллект мигрантов, опосредующим успешность и эффективность процесса их социально-психологической адаптации, что интегрированно выражает научную новизну настоящей работы. Полученные данные о положительном воздействии медитации на эмоциональный интеллект мигрантов являются особенно важными в современных условиях глобализации и растущего числа кросс-культурных контактов. Кроме того, результаты настоящего исследования позволяют рассматривать медитацию как эффективный метод влияния на эмоциональный интеллект, в том числе и для целей практической консультативной психологии и психотерапии при работе с мигрантами, являющимися одной из групп современного общества, испытывающей наибольшие психологические нагрузки. Внедрение техники медитации в консультативную психологическую практику, безусловно, требует дальнейших глубоких исследований медитации в качестве фактора влияния на эмоциональный интеллект, но вместе с тем данные настоящего исследования позволяют начать работу по практической апробации медитации в психотерапии и консультировании мигрантов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Люсин, Д. В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные / Д. В. Люсин. – М. : Институт психологии РАН, 2009.
2. Налчаджян, А. А. Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии) / А. А. Налчаджян. – Ереван : Изд-во АН Армянской ССР. – 1988.
3. Bar-On, R. (2006). The Bar-On model of emotional-social intelligence / R. Bar-On // *Psicothema*. – 2006. – № 18. – P. 13–25.
4. Smith, J. Beyond the divide between cognition and discourse: Using Interpretive Phenomenological Analysis in Health Psychology / J. Smith // *Psychology & Health*. – 1996. – № 11. – P. 261–271.
5. Walsh, R. The meeting of meditative disciplines and Western psychology: a mutually enriching dialogue / R. Walsh, S. Shapiro // *The American Psychologist*. – 2006. – № 61(3). – P. 227–239.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ, ВОЛЕВОЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАТИВНОСТИ ГРУППЫ ПРИ ПРИНЯТИИ ГРУППОВЫХ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ АДАПТАЦИИ ПОДРОСТКОВ К РАЗВИВАЮЩЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Н. Г. Бабкина (г. Курск, Россия)

Развитие и формирование личности происходит в малых социальных группах, поэтому содержание и динамика жизнедеятельности этих групп является важным условием социализации личности. В изменяющихся социальных условиях современной России важную роль играют социальные, политические, экономические решения, которые принимаются малыми группами. Известно, что в результате совместной деятельности несколько человек могут достичь результатов, которых никогда бы не смог индивид. Совместные действия позволяют минимизировать ошибки и более эффективно решать возникающие задачи. Мы полагаем, проблема принятия решения малой социальной группой недостаточно разработана в отечественной социальной психологии.

Теоретические основы программы. Отечественные психологи рассматривали малую группу преимущественно как субъект совместной деятельности. Совместная деятельность опосредует групповые психологические процессы и складывающиеся в ней межличностные отношения. В отечественной социальной психологии эта идея разработана в рамках стратометрической концепции А. В. Петровского и параметрической концепции Л. И. Уманского, А. С. Чернышева и др. (Сидоренков и др., 2011).

В параметрической концепции малая социальная группа описывается посредством нескольких блоков и включенных в них компонентов. «Общественный блок» – направленность и организованность группы, подготовленность индивидов к групповой деятельности. Где направленность группы – социальная ценность целей и мотивов деятельности, нормы и ценности группы как коллективного субъекта, организованность – самоуправляемость и эффективность управления, координация взаимодействия, (Сидоренков и др., 2011, с. 25–31) подготовленность группы – это знания, навыки, привычки и умения группы в осуществлении групповой деятельности, опыт, который накопила данная группа в том или ином виде совместной деятельности. Организационное единство группы предполагает ее способность к деловой интеграции для оптимального решения общегрупповой практической задачи (Чернышев, Сарычев, 2009).

«Личностный» блок – интеллектуальная, эмоциональная и волевая коммуникативность, Интеллектуальное единство группы – это способность группы находить решение различных задач, приходиться к одинаковым мнениям по различным вопросам интрагрупповой и интергрупповой деятельности. Данный параметр отражает коллегиальность выработки общего мнения, динамический баланс между интеллектуальной самостоятельностью членов группы и их конформностью. Эмоциональное единство группы проявляется в общегрупповом эмоциональном настрое, во взаимной симпатии и взаимном тяготении членов группы друг к другу, в сопереживании, в наличии, характере и уровне эмоциональных связей, эмоциональной коммуникативности. Эмоциональное единство группы – это оценка ее по критерию эмоциональной совместимости, интегративности чувств, стеничности их проявления. Волево единство группы выражается в ее способности создавать высокий уровень напряжения всех духовных и физических сил при преодолении больших трудностей и препятствий, возможности со-

здавать групповое волевое усилие. Указанный параметр включает групповую настойчивость, решительность, групповую выдержку и смелость (Чернышев, Сарычев, 2009).

Блок «социально-психологических качеств группы» включает в себя интегративность, референтность, лидерство, интрагрупповую активность и интергрупповую активность (Сидоренков и др., 2011, с. 26).

Эмпирическая база исследования. Исследование планируется осуществить на базе образовательного учреждения дополнительного образования детей «Детский оздоровительно-образовательный (профильный) центр имени Ульяны Громовой», выборку составят подростки от 12 до 16 лет. Мы предполагаем провести сравнительный анализ особенностей принятия групповых решений в группах социально дезадаптированных подростков (на базе социально-психологического сбора «Спасатель») и группах одаренных детей (летняя профильная смена «Созвездие талантов»).

Основным направлением деятельности социально-психологического сбора «Спасатель» является осуществление мероприятий по социализации и реабилитации несовершеннолетних (здоровьесбережение, повышение правовой культуры, трудовая реабилитация и адаптация, профориентация и профподготовка, военно-патриотическое воспитание, включение в социокультурную деятельность, реабилитация посредством физической культуры и спорта, другое), оказание им высококвалифицированной своевременной и эффективной правовой, педагогической, социальной, психологической помощи. Создание условий для включения несовершеннолетних в социализирующую совместную деятельность, способствующую расширению кругозора, развитию интереса к продолжению учебы, самореализации в профессиональной деятельности и творчестве, занятиям спортом, привитию навыков здорового образа жизни и правильного поведения в обществе.

Основной состав смены «Созвездие талантов» – активисты детских объединений дворцов и центров детского творчества города Курска, имеющие стабильные результаты в конкурсах и фестивалях творческой направленности. Целью лагерной смены было создание оптимальных условий для социального обучения – формирования знаний, умений и навыков конструктивного взаимодействия с людьми на межличностном и социальном уровнях, направленного на социально-позитивных целей (Чернышев и др., 2007). Развивающая среда профильной смены побуждает подростков

конструктивно вступать в контакт, налаживать гибкий диалог со сверстниками и взрослыми, определять собственную позицию во взаимоотношениях.

Мы предполагаем, что у этих двух групп подростков психологическое содержание и динамика процесса принятия групповых решений будет отличаться по эмоциональным, интеллектуальным и волевым компонентам (Сарычев, Бабкина, 2015).

Методы исследования. Мы считаем, что для решения совокупности задач исследования наиболее адекватным методом исследования будет социально-психологический эксперимент, в процессе которого мы можем создать условия, необходимые для измерения интересующих нас причинно-следственных связей между зависимыми и независимыми экспериментальными переменными. Вслед за К. Левиным мы считаем, что эксперимент в психологии должен давать объяснительную характеристику, объяснять причины, детерминацию человеческого поведения, а не ограничиваться только установлением факта (Сарычев, 2007). Анализ публикаций по проблеме исследования позволяет предположить, что существенным условием принятия решения группой является лидерство, как воздействие наиболее влиятельных членов группы на совместную деятельность, общение и взаимоотношения (Чернышев и др., 2007).

В процессе исследования процесса принятия группового решения закономерно возникает вопрос конформности членов группы. Ведь нередко в группе можно наблюдать ситуацию, в которой один или несколько участников группы не согласны с мнением большинства. Конформность констатируется там и тогда, – отмечает Г. М. Андреева, – где и когда фиксируется наличие конфликта между мнением индивида и мнением группы и преодоление этого конфликта в пользу группы (Андреева, 1988). Конформизм тесно связан со значимостью ситуации, в которой осуществляется воздействие группы на индивида, и с референтностью группы для индивида и степенью групповой сплоченности. Чем выше степень выраженности этих характеристик, тем выраженнее эффект группового давления. Феномен же негативизма личности по отношению к группе, т.е. выраженное постоянное сопротивление группе и противопоставление себя группе, является не противоположностью конформизма, а частным проявлением зависимости от группы. Противоположностью конформизму является самостоятельность индивида, независимость его установок и поведения от

группы, устойчивость к групповому воздействию (Журавлев и др., 2002).

При изучении процесса принятия групповых решений следует изучить конформность каждого из членов группы как личностное качество, которое проявляется в тенденции демонстрировать сильную зависимость от группового давления в различных ситуациях. Результаты этого исследования позволяют говорить о специфике принятия решений группой в зависимости от количества состоящих в ней личностей с разным уровнем конформности.

Важным условием принятия групповых решений нам представляется уровень социально-психологической зрелости группы. Исследования процесса принятия групповых решений следует предварять определением уровня социально-психологической зрелости, так как он объективируется в процессе принятия и осуществления группового решения (Сарычев, Мирошниченко, 2013).

Формой организации исследования особенностей принятия групповых решений нами избрано сочетание лабораторного и естественного эксперимента. В качестве главного метода организации исследования целесообразно избрать естественный эксперимент, позволяющий изучить реальные группы в реальных напряженных ситуациях. Его необходимо дополнить лабораторным экспериментом, что позволит выделить изучаемые психологические явления «в чистом виде» и уточнить данные, полученные в естественном эксперименте (Сарычев, Логвинов, 2011). Для лабораторного эксперимента мы считаем возможным использовать аппаратную методику «Арка» (Чернышев и др., 2005).

В качестве методики естественного эксперимента будет использована программа «Тропинка» суть которой состоит в последовательном прохождении группой пяти этапов:

Геометрия. Группа становится лицом в круг, все берутся за руки, закрывают глаза, у командира глаза открыты, ведущий общается, что им нужно построить квадрат, треугольник, пятиконечную звезду, по команде «начали» участники должны не сговариваясь поочередно построить все фигуры. После того, как построят одну, капитан говорит «готово», затем строят следующую и так далее. Все люди с закрытыми глазами могут разговаривать, командир – нет, он может только говорить «готово». С открытыми глазами группа выстраивается в шеренгу, не сговариваясь они должны вместе (это задание дается сразу целиком) сделать шаг в лево, шаг вправо, присесть, встать, прыгнуть вперед.

Отбросить лишнее. Группа стоит по кругу, держат натянутое покрывало, на котором лежат ручка, заколка, спички, пробка от бутылки и т.д. Ведущий называет предмет, который команда должна выбросить с покрывала, для этого они должны чуть-чуть потрясти покрывало или опустить один из углов. Если падает не тот предмет, то начинаем заново. До последнего предмета. На время.

Сантиметр. С закрытыми глазами молча построится по росту, по цвету глаз, по дате рождения, по размеру ноги. Все на время.

Ковер-самолет. Группа становится на коврик. Нужно перевернуть коврик на другую сторону. Если кто-то наступил на пол, начинаем сначала. На время.

Лабиринт. Команда располагается по кругу вокруг лабиринта. Один человек с завязанными глазами движется по лабиринту, руководствуясь командами товарищей, которые могут говорить только по одному слову и строго по очереди. Ошибся или заступил за линию лабиринта – на старт. На время.

В «Тропинке» будут принимать участие команды из шести человек от каждого отряда. Основным критерием оценки успешности выступления команды является время, затрачиваемое на преодоление каждого из этапов «Тропинки», а также оценка организованности и сплоченности, даваемая судьями на каждом этапе по 10-балльной шкале. Кроме того, оцениваются ошибки в выполнении заданий на отдельных этапах, за ошибки начисляется штрафное время.

В ходе прохождения испытаний с помощью программы наблюдения можно будет отметить, проанализировать и сделать соответствующие выводы о уровне эмоционального, интеллектуального и волевого единства группы и его влияния на принятие групповых решений.

Кроме того, мы считаем необходимым использовать включенное наблюдение за процессом подготовки каждого из отрядов к вечерним мероприятиям, традиционно проводимым в лагере (выбор идей и способов осуществления задуманного). Также важны беседы с обучающимися и их воспитателями и вожатыми.

Ожидаемые результаты реализации программы исследования. На основании результатов эмпирического исследования планируется разработать концептуальную модель группового принятия и осуществления решений, касающихся совместной жизнедеятельности группового. Для этого предполагается исследовать влияние каждого из компонентов личностного блока на принятие и осуществление групповых решений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреева, Г. М. Социальная психология / Г. М. Андреева. – Москва : Изд-во МГУ, 1988. – 432 с.
2. Социальная психология / А. Л. Журавлев, Е. Н. Резников, В. П. Позняков [и др.]. – М. : ПЕР СЭ, 2002. – 351 с.
3. Сарычев, С. В. Методика исследования ориентировочной части совместной деятельности малой группы / С. В. Сарычев, И. Н. Логвинов // Социальная психология малых групп : материалы II Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. А. В. Петровского (Москва, 25–26 октября 2011 г.). – М., 2011. – С. 560–563.
4. Сарычев, С. В. О динамическом подходе к исследованию многоуровневого группового субъекта / С. В. Сарычев, О. А. Мирошниченко // Актуальные проблемы исследования массового сознания : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 14–15 марта 2013 г.). – Пенза, 2013. – С. 181–186.
5. Сарычев, С. В. О методах изучения малых групп в напряженных и экстремальных ситуациях совместной деятельности / С. В. Сарычев // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2007. – Т. 3, № 2. – С. 78–86.
6. Сарычев, С. В. Социально-психологические аспекты принятия группового решения / С. В. Сарычев, Н. Г. Бабкина // Пензенский психологический вестник. – 2015. – Вып. 2 (5). – С. 2–13.
7. Сидоренков, А. В. Социально-психологические теории малой группы / А. В. Сидоренков, Н. А. Захарченко, И. И. Сидоренкова. – М. : Вузовская книга, 2011. – 174 с.
8. Чернышев, А. С. Аппаратурные методики психологической диагностики группы в совместной деятельности / А. С. Чернышев, С. В. Сарычев, Ю. А. Лунев. – М. : Изд-во «Ин-т психологи РАН», 2005. – 190 с.
9. Чернышев, А. С. Параметрическая теория коллектива: история создания и тенденции развития [Электронный ресурс] / А. С. Чернышев, С. В. Сарычев // Ученые записки : электрон. науч. журнал Курск. гос. ун-та. – 2009. – № 11. – 12 с. – URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/011-15.pdf>.
10. Чернышев, А. С. Социально одаренные дети: путь к лидерству (экспериментальный подход) / А. С. Чернышев, Ю. Л. Лобков, С. В. Сарычев, В. И. Скурятин. – Воронеж : Кварта, 2007. – 210 с.

ЭТАПЫ И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Е. В. Беляева (г. Курск, Россия)

В последнее десятилетие во многих городах России с традиционным преобладанием русского населения произошли существенные изменения этносоциальной ситуации: повысилось число иностранных граждан, приезжающих на работу или учебу, увеличился приток трудовых мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья, появилась такая категория граждан, как «вынужденные переселенцы». В связи с этим в России отмечается рост радикализма национальных движений, наблюдаются факты национальной нетерпимости. В эти процессы оказываются вовлеченными дети: будь то беженцы или члены молодежных националистических организаций. Поскольку именно в детстве закладываются основы отношений к своей собственной и к другим этническим группам, особую значимость приобретает формирование этнической идентичности в младшем школьном возрасте.

Чтобы ответить на вопрос, когда и каким образом ребенок начинает считать себя представителем определенного этноса, необходимо рассмотреть этапы становления этнической идентичности, принятые в психологии.

В процессе своего становления этническая идентичность, как утверждает Т. Г. Стефаненко, проходит ряд этапов, соотносимых с этапами психического развития ребенка.

В психологической науке выделяют следующие стадии формирования этнической идентичности (Кац, Гудман, Портер, Эбод):

1) от рождения до 3-х лет у ребенка наблюдается первичное восприятие этнических черт (Кац);

2) от 3-х до 4-х лет происходит осознание неизменности идентичности (Кац), появляются этнические знания (Гудман), осознание разницы цвета кожи, зарождение расовых аттитюдов (Портер). Ребенок накапливает знания о разных группах, что ведет к социальному сравнению, но на этом этапе пока еще отсутствуют этнические чувства (Ф. Эбод). Таким образом, этнические знания носят нейтральный характер;

3) от 4-х до 8-ми лет формируются этнические ориентации (Гудман), социально-обусловленные предпочтения (Портер), про-

исходит осознание групповой привязанности, возникают этнические чувства (Ф. Эбод);

4) от 8-ми до 10-ти лет этнические аттитюды уже сформированы (Гудман, Кац), появляется осмысленный интерес к другим этническим группам (Ф. Эбод).

Г. Чепели утверждает, что первоначально возникают когнитивные элементы, связанные с явными внешними признаками (национальность родителей, место рождения), затем – когнитивные элементы, связанные с коммуникацией (родной язык, понимание друг друга) и, наконец, – элементы, связанные со знанием собственной страны (представления о величине территории, природных условиях, благосостоянии населения).

Одним из первых концепцию развития у ребенка осознания принадлежности к своей этнической группе предложил Ж. Пиаже. Он выделяет три этапа в формировании этнической идентичности:

1) в 6–7 лет ребенок приобретает первые фрагментарные и несистематичные знания о своей этнической принадлежности. На данном этапе пока еще отсутствуют этнические чувства. В этом возрасте наиболее значимыми для ребенка являются семья и непосредственное социальное окружение, а не страна и этническая группа;

2) в 8–9 лет ребенок уже четко идентифицирует себя со своей этнической группой, выдвигает основания идентификации – национальность родителей, место проживания, родной язык. Просыпаются этнические чувства;

3) в младшем подростковом возрасте (10–11 лет) этническая идентичность формируется в полном объеме, в качестве особенностей разных народов ребенок отмечает уникальность истории, специфику традиционной бытовой культуры. Появляется осмысленный интерес к другим этническим группам.

К настоящему времени во всем мире проведено большое количество исследований, в которых уточняются и конкретизируются возрастные границы этапов развития этнической идентичности. Первые проявления диффузной идентификации с этнической группой большинство исследователей (Т. Г. Стефаненко) обнаруживают у детей 3–4 лет, есть даже данные о первичном восприятии ярких внешних различий – цвета кожи, волос – детьми до трех лет. Но практически все психологи согласны с Пиаже в том, что «реализованной» этнической идентичности ребенок достигает в младшем подростковом возрасте, когда рефлексия себя имеет для человека первостепенное значение.

На последующих этапах развития этнической идентичности формируется как этническая осведомленность, включающая в себя знания о своей и чужой группах, так и этническое самоназвание. Этническая осведомленность возрастает с опытом, получением новой информации и развитием когнитивных способностей. Первоначально она основывается на очевидных показателях – цвете кожи, внешности, языке, элементах материальной культуры (еде, одежде), обычаях. Постепенно повышается способность ребенка воспринимать, описывать, интерпретировать этнические признаки. Он включает в их комплекс все новые элементы – общность предков, общность исторической судьбы, религию. В младшем школьном возрасте наблюдается значительный рост этнических знаний, не простое повторение, а систематизация информации, полученной от взрослых. Подростки делают еще более четкие и конкретные замечания о существующих между народами различиях культуры, исторических судеб, политического устройства и т.п.

Рост этнической осведомленности о групповых различиях неизбежно связан с восприятием своего сходства с членами одной из национальных групп и своего отличия от других групп, со способностью стабильно давать себе правильное этническое самоназвание. Исследования показывают, что 5–6-летние и даже более старшие дети не всегда правильно называют собственную национальность, национальность родителей, не могут установить логическую связь между такими фактами, как национальность родителей, страна проживания, язык общения, собственная национальность. И только подростки, у которых сформировалась система представлений об этнических явлениях, четко идентифицируют себя с этнической общностью на основе значительного набора этнодифференцирующих признаков.

Когнитивный компонент этнической идентичности отвечает за способность ребенка структурировать информацию об этнических характеристиках. Но дети пытаются и оценивать национальные группы. Среди современных исследователей нет единства в вопросе о последовательности возникновения когнитивного и аффективного компонентов идентичности. Одни авторы считают, что этнические предпочтения формируются лишь к 9–10 годам на основе достаточно значительных этнических знаний. Но в других исследованиях было обнаружено, что детские предпочтения этнических групп не всегда коррелируют с информированностью о них, предубеждения могут предшествовать какому-либо знанию,

хотя и в этом случае они становятся более дифференцированными и интегрированными с возрастом.

Есть данные, что более старшие дети показывают себя менее предубежденными, но вполне возможно, что они просто знают социально желательные ответы. По другим данным, если установки (позитивные или негативные) сформировались, именно эта их направленность сохраняется в дальнейшем.

Американская исследовательница Дж. Финни представила модель стадийного формирования этнической идентичности (Phinney, 1993, p. 61–79). Первая стадия названа Финни непродуманной (диффузной) идентичностью и характеризуется отсутствием интереса к исследованию этнических корней и членству в этнической группе. Индивиды просто не интересуются своей этнической принадлежностью и не задумываются о ней. На этой стадии находятся как дети, так и взрослые, не имеющие проблем с этнической идентичностью. Вторая стадия – поиски этнической идентичности – характеризуется исследованием своей идентичности, стремлением понять ее значение в собственной жизни. Личный опыт, значимые события в жизни этнической группы могут стимулировать этническое пробуждение. Происходящий на второй стадии интенсивный процесс погружения в культуру своего народа осуществляется через такие виды деятельности как чтение, беседы, посещение музеев, активное участие в событиях культурной жизни. Для третьей стадии – реализованной этнической идентичности – характерно ясное, четкое и устойчивое ощущение незыблемости своих этнических особенностей, привязанность к этнической культуре и этнической общности.

Таким образом, в процессе развития этническая идентичность ребенка проходит ряд этапов от диффузной до реализованной, а результатом этого процесса является формирование в подростковом возрасте эмоционально-оценочного осознания принадлежности к этнической общности.

Этнический статус чаще всего остается неизменным на протяжении всей жизни человека. И все-таки этническая идентичность не статичное, а динамичное образование. Во-первых, процесс ее становления не заканчивается в подростковом возрасте. Человек в любом возрасте может переосмыслить роль этнической принадлежности в своей жизни, что может привести к трансформации этнической идентичности. Во-вторых, даже у детей последовательность стадий развития этнической идентичности и их

временные границы не являются универсальными для всех народов и социальных ситуаций. В зависимости от социального контекста они могут ускоряться или замедляться.

В процессе формирования этнической идентичности есть, по мнению исследователей, несколько опорных точек:

1. Рождение личности в той или иной среде (город, село; природа, климат, архитектура).

2. Язык (родителей, первый язык владения, язык мышления).

3. Воспитание в соответствии со сложившимися традициями нации.

4. Получение субъектом информации о своей национальной принадлежности, которая в сочетании с социально-политической обстановкой может быть эмоционально окрашенной или нейтральной.

5. Получение информации об особенностях национального характера из традиционного фольклора и бытовой культуры.

6. Осознание собственной принадлежности к той или иной этнической группе.

7. Усвоение и воспроизведение норм и правил поведения.

На формирование и проявление этнической идентичности индивидов влияет целый ряд факторов, обусловленных особенностями их социального окружения (как ближайшего, так и более широкого), этнических групп, к которым они принадлежат, и межгрупповых отношений. Среди самых существенных факторов, влияющих на формирование этнической идентичности, психологи выделяют:

1) особенности этнической социализации в семье, школе и ближайшем социальном окружении. Исследователями установлена связь между особенностями этнической идентичности детей и практикой семейного воспитания (соблюдение обычаев, обрядов, наличие в доме традиционных предметов быта, беседы о родной культуре и т.д.);

2) особенности этноконтактной среды. Большое значение для формирования этнической идентичности имеет то, живет ли человек в полиэтнической или моноэтнической среде. Свою этническую принадлежность раньше осознает ребенок, живущий в широкой полиэтнической среде. Ситуация межэтнического общения дает человеку больше возможностей для приобретения знаний о своей и других этнических группах, способствует развитию коммуникативных навыков;

3) статусные отношения между этническими группами. Формирование этнической идентичности во многом зависит и от того, к какой группе принадлежит ребенок – группе большинства или меньшинства. Исследования показали, что члены этнического большинства часто даже не задумываются о своей этнической принадлежности, тогда как для членов этнического меньшинства проблемы, связанные с идентичностью становятся жизненно важными (Белинская, 2000, с. 91).

Формирование этнической идентичности во взаимодействии с различными факторами происходит с помощью ряда механизмов. Рассматривая этническую идентичность как часть социальной идентичности личности, мы сочли возможным выделить механизмы формирования этнической идентичности. К социально-психологическим механизмам можно отнести следующие.

Подражание – следование какому-либо примеру, образцу. В нашем случае – это один из путей произвольного, а чаще всего непроизвольного усвоения человеком социального и этнического опыта.

Экзистенциальный нажим – овладение языком и усвоение норм социального поведения, обязательных в процессе взаимодействия со значимыми лицами. Значимыми лицами могут быть родители, уважаемые взрослые, друзья-сверстники. Естественно, что значимые лица могут быть членами той или иной этнической группы, с которой человек взаимодействует или членом которой является.

Рефлексия – внутренний диалог, в котором человек рассматривает, оценивает, принимает или отвергает те или иные ценности, свойственные различным институтам общества, семье или, как в нашем случае, этнической группе.

Отождествление – процесс соотнесения человеком себя с другим человеком, этнической группой, образцом (Мудрик, 2000, с. 12).

Обособление. Для нашего исследования является продуктивной идея В. С. Мухиной (Мухина, 1985) о неразрывной связи механизма отождествления (идентификации) с механизмом обособления. Единым с процессом отождествления, а также противоположным и дополняющим его является обособление. В межэтнических отношениях потребность в личном обособлении трансформируется в потребность дифференциации своей этнической общности от других, реализация которой способствует поддержанию этнической идентичности.

К социально-педагогическим механизмам можно отнести следующие.

Традиционный механизм представляет собой усвоение человеком норм поведения, взглядов, стереотипов, которые характерны для его ближайшего окружения (семья, группа сверстников). Это усвоение происходит, как правило, на неосознанном уровне с помощью запечатления господствующих стереотипов (в том числе, и этнических).

Институциональный механизм функционирует в процессе взаимодействия человека с различными институтами и организациями (производственными, учебными, общественными, а также средствами массовой информации). Следует иметь в виду, что средства массовой коммуникации как социальный институт (печать, радио, кино, телевидение) влияют на формирование идентичности человека не только с помощью трансляции определенной информации, но и через представление определенных образцов поведения героев книг, кинофильмов. Вот почему важно, чтобы эти персонажи являлись носителями позитивного этнического опыта, культурных традиций, положительных образцов поведения и моральных норм. Люди в соответствии с возрастными и индивидуальными особенностями склонны идентифицировать себя с теми или иными героями, воспринимая при этом свойственные им образцы поведения, стиль жизни. Для детей в младшем школьном возрасте образцом для подражания могут являться герои народных сказок с их положительными и отрицательными сторонами, подвигами и поражениями. Кроме того, через сказку дети могут овладевать все культурным наследием этноса, приобщаясь к историческому опыту своего народа.

В сказках черпается первая информация о взаимоотношениях между людьми. Мы рекомендуем использовать сказку для формирования этнической идентичности ребенка и ставим следующие задачи: формировать умение устанавливать контакты в различных ситуациях межэтнического общения (вступать в контакт, объединяться, обращаться с просьбой и т.д.), реализовывать способы поведения, приемлемые среди членов данного этноса, выражать свои чувства и эмоции (как позитивные, так и негативные).

В современном мире, когда наряду с процессами самоопределения наций происходят интеграционные процессы, принципиально важно, чтобы дети были воспитаны в духе культуры межэтнических контактов, сохраняя исторически обусловленную национальную неповторимость, национальное достоинство, этническую идентичность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белинская, Е. П. Этническая социализация подростка / Е. П. Белинская, Т. Г. Стефаненко. – М. ; Воронеж, 2000. – 159 с.
2. Мудрик, А. В. Социальная педагогика : учеб. для студентов пед. вузов / А. В. Мудрик ; под ред. В. А. Сластенина. – М., 2000. – 412 с.
3. Мухина, В. С. Возрастная психология / В. С. Мухина. – М., 1998. – 456 с.
4. Мухина, В. С. Проблемы генезиса личности / В. С. Мухина. – М., 1985. – 207 с.
5. Phinney, J. S. A three-stage model of ethnic identity development in adolescence / J. S. Phinney // Ethnic identity : Formation and transmission among Hispanics and other minorities. – Albany, 1993. – P. 61–79.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ ИЗ УКРАИНЫ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. Е. Блинова (г. Херсон, Украина)

Для анализа факторов и критериев успешности социально-психологической адаптации трудовых мигрантов Украины в стране трудоустройства, нужно очертить границы понятия «адаптация», поскольку научные работы достаточно многочисленны. Среди основных научных подходов следует отметить теоретические и экспериментальные исследования психической, психологической и социально-психологической адаптации Г. А. Балла, Ф. Б. Березина, М. С. Корольчука, А. А. Налчаджяна; работы по изучению адаптации в условиях общественных трансформаций К. А. Абульхановой-Славской, Л. И. Анцыферовой, Е. П. Головахи, О. А. Донченко, В. В. Константинова, Н. В. Паниной, Т. М. Титаренко.

Индикаторами успешной адаптированности мигрантов являются: психологическая удовлетворенность мигрантов своим положением в новой среде и свободная ориентация в ней, усвоение ценностей, норм, стандартов поведения и традиций принимающего общества, наличие жилья и работы, усвоение другого языка, паритетное общение и взаимодействие с представителями большинства, полноценное участие мигрантов в социальной и культурной жизни нового общества и др. (Н. Г. Лебедева, Г. У. Солдатова, Т. М. Стефаненко).

В эмпирическом исследовании приняли участие 87 человек, имеющих личный опыт трудоустройства за границей. Всего было опрошено 45 мужчин (51,7 %) и 42 женщины (48,3 %). Опрос проводился в Херсонской области. С целью проведения исследования нами разработана анкета, вопросы которой было условно разделены на тематические блоки:

1) демографические данные, образование, специальность и сфера занятости до выезда за границу;

2) мотивы выезда за границу с целью трудоустройства и общая оценка явления трудовой миграции для страны;

3) жизненный опыт мигрантов;

4) социально-психологическая адаптация мигрантов в стране трудоустройства, критериями которой нами определено трудоустройство, участие в социальной и культурной жизни страны пребывания; материальное благосостояние.

По результатам анкетирования нами получены следующие данные.

На основе анализа ответов на вопрос о виде работы, которую выполнял трудовой мигрант за границей, на какой должности он работал, мы старались определить меру совпадения той специальности и квалификации, которую он получил в Украине (на основе документа об образовании), и его должности и места работы за границей. Мы выяснили, что только каждый десятый респондент, что составляет 11,5 %, работает, условно говоря, по специальности – это были строители (штукатуры, каменщики и др.), работающие на стройке в России, швеи, работающие в Словакии, а также один человек, который выехал за границу по рабочей визе, был по профессии программистом. Все остальные (почти 90 %) нашли рабочее место, не совпадающее со специальностью, полученной человеком в учебном заведении. Среди женщин это преимущественно горничные, официантки, домашние работницы, сиделки по уходу за детьми, за больными людьми или людьми преклонного возраста, уборщицы, а также те, кто выезжает на сезонные сельскохозяйственные работы. Среди мужчин люди с разными специальностями работают прежде всего на строительстве, на промышленных предприятиях, получают работу водителей или барменов.

Поскольку подавляющее большинство респондентов выполняли разные виды неквалифицированной работы, и люди хорошо осознают то, что для трудовых мигрантов из Украины остаются те

ниши, которые не желают на рынке труда занимать жители страны, то можно предположить, что социальный статус мигранта, то есть условная «ступенька» социальной лестницы, снижается (относительно статуса, который он имел (или имел бы) в Украине). Данные показывают, что «статус стал ниже» считают 37,9 %, это люди с высшим образованием, занимающиеся неквалифицированным трудом, «статус стал выше» – 14,9 %, еще 47,2 % указывают, что их статус «не изменился». Мигранты поясняют причины своего ответа, например: «Что считать «статусом»? Если я в Украине «врач», «учитель» или «инженер», это высокий статус? Как я могу жить и содержать семью на эту зарплату? Здесь я тяжело работаю на стройке, но чувствую себя лучше, и с точки зрения материального положения – мне легче». Возможно, это проявление «защитной реакции», что особенно свойственно людям с высоким статусом в Украине (с объективной точки зрения), которые вынуждены работать за границей кем-нибудь, чтобы только заработать деньги.

Значительная часть опрошенных трудовых мигрантов (74,7 %) считает, что у украинских трудовых мигрантов нет никакой возможности устроиться за границей на работу по своей специальности, еще 13,8 % поддерживают мнение, что «это очень сложно», а 11,5 % все же отмечают, что такая возможность существует.

Ответы на вопрос «Удовлетворены ли Вы тем, что работаете именно за границей? Почему?» распределились следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов трудовых мигрантов относительно удовлетворенности работой за границей (в %)

Удовлетворены ли Вы тем, что работаете именно за границей?	%
а) да, это единственная возможность заработать деньги для семьи	65,5
б) да, это все равно лучше, чем работать сейчас в Украине	40,2
в) да, это возможность посмотреть, как надо работать и жить	48,3
г) да, это возможность приобрести новый опыт в работе	36,8
д) нет, потому что отношение к украинцам только как к «дешевой рабочей силе»	28,7
е) нет, очень скучаю по своей семье и близким людям, которые остались в Украине	74,7
ж) нет, это вынужденная мера, но надо терпеть ради семьи	33,3

*Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Оказалось, что для трудовых мигрантов сложно однозначно определиться по этому поводу, незначительная часть респондентов

представили четкий ответ «да, удовлетворяет» или «нет, не удовлетворяет», подавляющее большинство испытуемых показывают амбивалентное отношение к этой проблеме, т.е. в определенных моментах – «да, это хорошо» (например, «действительно можно заработать деньги»), но в другом – «нет, это плохо». Мы видим, что наибольший процент имеет вариант ответа «да, удовлетворяет, это единственная возможность заработать деньги для семьи» (65,5 %).

Вторым критерием социально-психологической адаптации является участие в социальной и культурной жизни страны пребывания. Мы исходим из того, что человек, который не только изнурительно работает, чтобы получить деньги, но и имеет возможность полноценно отдыхать, общаться с друзьями, имеет хороших знакомых не только среди «своих», т.е. таких же мигрантов, а еще и среди местных жителей, показывает лучший уровень адаптации к другим социальным и культурным условиям. На основе анализа ответов мигрантов мы определили, что подавляющее большинство респондентов среди вариантов предложенных ответов выбрали «у меня нет свободного времени» (75,9 %), это может свидетельствовать, с одной стороны, о действительной загруженности на работе (по данным социологических опросов, украинские трудовые мигранты работают от 10 до 14 часов в день, не отказываются от любой дополнительной работы и возможности заработать деньги), с другой стороны, об отсутствии заинтересованности музеями, театрами, выставками и т.п., что может быть и не связано с пребыванием за границей (по нашим данным, например, человек, который работал в Италии несколько лет, ни разу не был в Риме, Ватикане, объясняя «это мне не интересно»). Варианты ответов «посещаю музеи, выставки, театры, концерты» и «участвую в туристических путешествиях с целью знакомства с культурой страны» выбрало совсем незначительное количество мигрантов (6,9 % и 8,0 % соответственно), также очень низкий процент украинских трудовых мигрантов участвовал в работе политических партий, клубов или кружков по интересам, волонтерских организации и т.п. – 4,6 % респондентов. Около 40% опрошенных в свободное время встречается с друзьями или хорошими знакомыми, или принимает участие в праздниках, в том числе по традициям страны пребывания (28,7 %), мы можем констатировать, что наличие личных контактов, неформального общения дает человеку, прежде всего, эмоциональную поддержку, которая способствует лучшей адаптации.

Следующим критерием социально-психологической адаптации нами определено материальное благосостояние. Мы старались оценить уровень удовлетворенности трудовых мигрантов уровнем оплаты труда, условиями работы и условиями проживания – когда человек чувствует себя комфортно, это свидетельствует о лучшей адаптации. В целом мигранты осознают, что они вынуждены работать на низкооплачиваемых рабочих местах и получать за работу несколько более низкую плату, чем местные жители, но часто это уже не вызывает негативных оценок, а воспринимается как своеобразная «норма». Приведем примеры высказываний мигрантов: «Ниже оценивается работа только потому, что ты не гражданин того государства, в котором работаешь», «Условия работы более или менее нормальные, очень мало времени на отдых, отсутствует карьерный рост, но зарабатываю больше, чем в Украине», «Тяжелая, изнурительная работа обычной офисной уборщицы и жизнь в кредит». Конечно, есть и позитивные ответы: «Если едешь от компании, то она делает все возможное для того, чтобы жить было комфортно», «Хорошие перспективы, хорошие условия для жизни. Люди там более приветливые, более простые, не концентрируют свое внимание только на финансах, а живут в свое удовольствие. За границей можно приобрести новый опыт, реализовать свои планы в жизни, найти спутника жизни», «Там легче и интереснее, человек обеспечен, может достичь высокого уровня, увидеть мир, но мало связи с семьей и хочется быть дома, на родной земле. Много перспектив, но мало украинского тепла». По анкетным данным 33,3 % оценили условия проживания как «очень хорошие, имею все необходимое для жизни (удобства, бытовая техника и т.п.)», 57,5 % – как «достаточные по уровню комфортности», остальные мигранты, что составляет 9,2 %, считают, что условия проживания «скорее являются плохими, нет даже самого необходимого».

На основе результатов социально-психологического опроса трудовых мигрантов Украины, можно сделать следующие выводы:

Среди трудовых мигрантов Украины преобладают люди продуктивного возраста, что обедняет трудовой потенциал нашей страны, больше половины трудовых мигрантов имеют семью, это вызывает проблемы ее сохранения и полноценного воспитания детей. Каждый третий трудовой мигрант имеет высшее образование, что является проявлением оттока высококвалифицированных специалистов из страны.

Основным мотивом трудоустройства за пределами страны является стремление заработать деньги, причем подавляющее большинство трудовых мигрантов планирует их израсходовать на текущие нужды семьи.

Большая часть трудовых мигрантов Украины выезжают за границу по туристической или гостевой визе, не оформляя трудового соглашения, в результате чего снижаются возможности правовой и психологической защиты в стране трудоустройства, повышается опасность стать жертвой торговли людьми.

Последствия трудовой миграции для Украины в целом трудовые мигранты большей частью оценивают как «плохие», замечая, что хотя благодаря работе за границей действительно есть возможность заработать деньги, но происходит разрушение семьи и существенная потеря профессиональной квалификации. Нужно подчеркнуть наличие острого противоречия: трудовой мигрант едет за границу ради семьи и, вследствие этого рискует потерять эту семью из-за разрыва семейных связей.

Подавляющее большинство украинских трудовых мигрантов за границей снижает свой социальный статус, выполняет низкоквалифицированную непрестижную работу, которая оплачивается ниже, чем аналогичная работа, выполняемая представителями титульного населения страны пребывания.

Противоречивые оценки мигрантов относительно удовлетворенности работой за границей позволяют сделать вывод о вынужденности принятия решения относительно трудоустройства за пределами своей страны, обусловленной блокированием базовых потребностей.

В оценке удовлетворенности работой за границей подавляющее большинство трудовых мигрантов ориентируется на возможность заработать деньги, достаточно сдержанно оценивая приобретение социального статуса в обществе, уважение окружающих, престижность работы, повышение профессиональной квалификации, профессиональный рост. Для украинских трудовых мигрантов наилучшим путем сохранения профессиональной идентичности является профессиональная самореализация в Украине, т.е. если деньги, которые зарабатывает человек за границей, определенные профессиональные знания и умения, используются потом в Украине для приобретения или повышения профессионального статуса, например, для открытия собственного дела.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Анцыферова, Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита / Л. И. Анцыферова // Психологический журнал. – 1994. – Т. 15, № 1. – С. 3–18.
2. Балл, Г. А. Понятие адаптации и его значение для психологии личности / Г. А. Балл // Вопросы психологии. – 1989. – № 1. – С. 99–100.
3. Донченко, Е. А. Социетальная психика / Е. А. Донченко ; НАН Украины. Ин-т социологии. – Киев : Наукова думка, 1994. – 208 с.
4. Константинов, В. В. Адаптационный процесс и трудовая миграция / В. В. Константинов // Пензенский психологический вестник. – 2014. – № 1. – С. 60–72.
5. Лебедева, Н. М. Социально-психологические закономерности аккультурации этнических групп / Н. М. Лебедева // Этническая психология и общество ; под ред. Н. М. Лебедевой. – М. : Старый сад, 1997. – С. 271–289.
6. Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис идентичности : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений, обучающихся по направлениям и специальностям психологии / Г. У. Солдатова, Л. А. Шайгерова, В. К. Калинин, О. А. Кравцова. – М. : Смысл, 2002. – 479 с. – (Теория и практика психологической помощи).
7. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология : учеб. для вузов / Т. Г. Стефаненко. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Аспект-Пресс, 2008. – 368 с.
8. Титаренко, Т. М. Життєвий світ особистості: у межах та за межами буденності : наук. вид. / Т. М. Титаренко. – Киев : Либідь, 2003. – 376 с.

ПЕРЕЖИВАНИЕ ЛИЧНОСТЬЮ ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ И ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ К НЕЙ

Ю. С. Бузыкина (г. Пенза, Россия)

В настоящее время одно из актуальных направлений исследований социальной психологии связано с проблемой адаптации личности в сложных жизненных ситуациях, которые в разных случаях могут быть и стрессовыми, и травмирующими. Одним из видов травматической ситуации является террористическая угроза, которая все более усиливается в связи с социально-политическими

и социально-экономическими изменениями, происходящими в современном обществе. В свою очередь, интенсивность переживания трудных жизненных ситуаций определяется личностной и эмоциональной включенностью человека в них.

Как подчеркивает один из ведущих исследователей феномена переживания Ф. Е. Василюк (Василюк, 1984), переживание следует рассматривать, как субъективно значимое отражение отношения личности к окружающим явлениям с точки зрения возможностей удовлетворения ею актуальных и наиболее значимых потребностей. Исходя из этого, переживание террористической угрозы связано с субъективными отношениями, предполагающими значимое для личности отражение и оценку возможности удовлетворения ею потребностей в условиях кризисной ситуации, что обуславливает изменения в поведении, предполагающие поиск ресурсов и стратегий преодоления возникших трудностей. Угроза терроризма способна вызвать психическую дезадаптацию в разных формах, охватывая не только жертв терактов, но и косвенных свидетелей произошедшего (Быховец, Тарабрина, 2010).

Каждый человек по-своему реагирует на изменившиеся условия окружающей действительности – либо нападением, либо уходом от угрожающей ситуации. К неадаптивным реакциям на жизненные трудности можно отнести подавленность, депрессию, активизацию психологических защит, а также агрессию и фиксацию. К конструктивным реакциям относится направленность на решение проблем, четкое представление о целях, осознанность поведения, а также учет требований социальной среды.

В результате эмпирического исследования, проведенного среди 130 студентов вузов Волгограда и Пензы в возрасте от 20 до 22 лет (младшее поколение) и 130 человек в возрасте от 43 до 45 лет (старшее поколение), были описаны пять типов переживания террористической угрозы – деструктивный, принимающий, адаптивный, отрицающий и дискомфортный типы (Бузыкина, 2015, с. 3774–3776).

Самым многочисленным из них является адаптивный тип, предполагающий не просто принятие произошедших событий, связанных с угрозой терроризма, но и активное движение вперед. При адаптации к новым условиям жизни представители данного типа стараются жить полноценной жизнью, учитывая свой прошлый опыт, и ставить перед собой конкретные цели на будущее.

Близким с данным типом выступает принимающий тип. Однако его представители (преимущественно младшее поколение женского пола и старшее поколение мужского пола) предпочитают жить настоящим и будущим, не оглядываясь на негативные события прошлого, а также считают, что большинство важных событий в жизни является результатом их собственных действий. Такое реалистическое переживание соотносится с принятием случившегося и попытками поиска вариантов для удовлетворения потребностей (через совладающее поведение).

Деструктивный тип переживания террористической угрозы (представители младшего поколения мужского пола) характеризуется низким уровнем осмысленности жизни, восприятием ее как однообразной и не вызывающей эмоционального отклика реальности. В целом они не удовлетворены самореализацией и не строят четких планов на будущее, а также характеризуются высокой агрессивностью и нечувствительностью к переживаниям других людей.

Представители отрицающего типа прибегают к использованию механизма психологической защиты – отрицанию, считая, что ничего не произошло и не изменилось. При этом формируется иллюзия благополучия. Главными для них являются события, происходящие в настоящем, а также характерна низкая степень целеполагания.

Представители дискомфорта типа (преобладает у младшего и старшего поколений женского пола) характеризуются самой высокой степенью переживания террористической угрозы и низкой осмысленностью жизни.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что переживание террористической угрозы, вызывающее эмоциональный стресс, может негативно воздействовать на оценку представителями разных поколений своих ресурсов, способствующих адаптации к кризисной ситуации. Поэтому работу с людьми, пережившими травматический опыт, необходимо проводить с учетом их индивидуальных реакции и социально-психологических характеристик, на основе которых возможна разработка более эффективных направлений по оказанию помощи в адаптации личности в сложных жизненных ситуациях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бузыкина, Ю. С. Роль социально-психологических характеристик в переживании личностью экстремистско-террористической угрозы / Ю. С. Бузыкина // В мире научных открытий. Серия социально-гуманитарные науки». – 2015. – № 3.8 (63). – С. 3766–3781.

2. Быховец, Ю. В. Психологическая оценка переживания террористической угрозы : руководство / Ю. В. Быховец, Н. В. Тарабрина. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. – 85 с.

3. Василюк, Ф. Е. Психология переживания : анализ преодоления критических ситуаций / Ф. Е. Василюк. – М. : Изд-во МГУ, 1984. – 200 с.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СТУДЕНТА ИЗ ИРАКА, ОБУЧАЮЩЕГОСЯ В РОССИИ

*С. С. Гоголь, Е. А. Дубовицкая,
Л. А. Кузьмичева (г. Саратов, Россия)*

Международные студенческие обмены в настоящее время становятся основной характеристикой системы высшего образования во всем мире. В наши дни растет спрос на выпускников, подготовленных к работе в поликультурной среде, в межнациональных компаниях.

Присоединение России к Болонской декларации обозначило новые задачи, стоящие сегодня перед системой высшего образования – первостепенную важность для российских вузов приобрели стратегии, направленные на интернационализацию их деятельности, привлечение студентов из-за рубежа. Количество иностранных студентов, обучающихся в вузе, стало одним из основных показателей его успешности на рынке образовательных услуг. Участие вуза в программах академической мобильности выступает неотъемлемой частью процесса интеграции в международное образовательное пространство.

Программы академической мобильности студентов дают исключительную возможность для личного развития и профессионального роста, но вместе с этим каждый участник непременно сталкивается с трудностями, связанными с необходимостью решения жизненных ситуаций с позиции не только собственной, но и «чужой» культуры. Иностранные студенты имеют определенные установки, систему ценностей, жизненную позицию, сформировавшиеся в иной культурной среде. Оказавшись в другой стране,

каждый из них неизбежно сталкивается с необходимостью усваивать новые модели поведения, часто несвойственные их родной культуре, преодолевать трудности, обусловленные языковым барьером, бытовыми и климатическими условиями, различием менталитетов. Именно поэтому особую актуальность приобретают исследования, направленные на изучение адаптационных и аккультурационных стратегий иностранных студентов, особенностей их межличностных отношений и применяемых стратегий самопрезентации. Цель данного исследования – составить социально-психологический портрет иностранного студента, обучающегося в России (на примере студентов из Ирака).

Для реализации поставленной цели были использованы следующие методики: «Адаптация личности к новой социокультурной среде» Л. В. Янковского (цит. по Сонин, 2004); «Шкала социальной дистанции» в модификации В. Н. Павленко и С. А. Таглина (цит. по Татарко, Лебедева, 2011); «Диагностика принятия других» по шкале В. Фейя (цит. по Фетискин, Козлов, Мануйлов, 2002); опросник «Стратегии самопредъявления личности» (Шкуратова, 2005); «Типы этнической идентичности» С. В. Рыжовой и Г. У. Солдатовой (Солдатова, 1998); «Опросник межличностных отношений» А. Рукавишника (русскоязычная адаптация тест-опросника FIRO-B (В. Шутца), Финькевич, 2002). В исследовании принимали участие студенты из Ирака, обучающиеся в Саратовском государственном университете в гетерогенной по этническому составу группе магистрантов-экономистов, все испытуемые мужского пола, старше 30 лет, женаты, имеют стаж успешной профессиональной деятельности и осознанный выбор профиля получаемого высшего образования, больше года находятся в России.

Результаты диагностики адаптационных стратегий иракских студентов представлены на рис. 1.

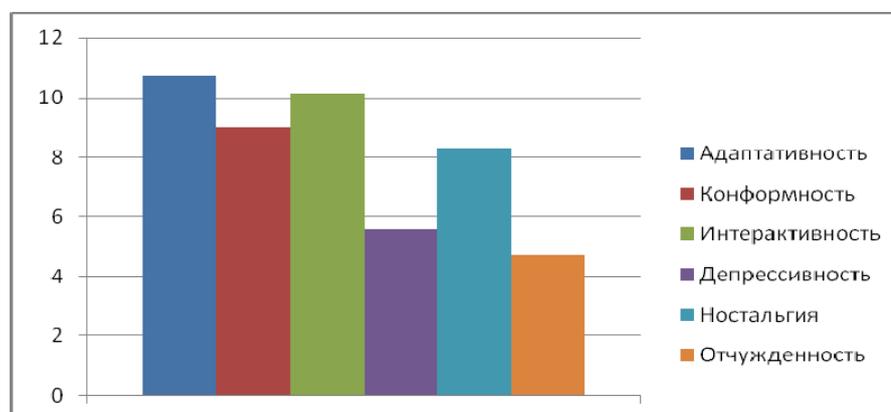

Рис. 1. Результаты диагностики типов адаптационных стратегий

Приведенные данные свидетельствуют о принятии иракскими студентами новой социо-культурной среды, положительном отношении к миру, другим людям, себе, поведенческом контроле в рамках новых норм и социальных установок, активности и инициативности. Средние результаты по шкале ностальгия и низкие показатели по шкалам депрессивности и отчужденности указывают на то, что эмоциональный фон исследуемых студентов устойчив, отсутствует ощущение того, что они здесь лишние и занимают чужое место, что считается хорошим показателем психологической адаптации.

Подтверждением успешной психологической и социально-психологической адаптации являются данные диагностики этнической идентичности (табл. 1).

Таблица 1

Средние значения типов этнической идентичности

×	Типы этнической идентичности					
	Этнонигилизм	Этническая индифферентность	Позитивная этническая идентичность	Этноэгоизм	Этноизоляция	Этнофанатизм
	7,14	11,57	15,42	9,28	7,14	13,43

Полученные результаты указывают на то, что для исследуемой выборки свойственна положительная этническая идентичность: наличие позитивного образа как собственной, так и других этнических групп, позитивное представление о своей культуре и доброжелательное отношение к другим народам, гордость и преданность своему этносу. Мы объясняем это тем, что студенты, принимающие участие в программах академической мобильности, скорее позитивно относятся к другим культурам и их представителям, демонстрируют открытость к межэтническому взаимодействию, уважение к представителям как собственной, так и другой культуры. Относительно высокие значения по шкале этнофанатизма мы трактуем, вслед за Г. У. Солдатовой, как проявление определенной степени национализма (Солдатова, 1998), сопряженного с ингрупповым фаворитизмом, патриотизмом и этноцентризмом. Мы полагаем, что это отчасти связано с потребностью в позитивной социальной идентичности и фасилитацией эмоциональной привязанности к своей этнической группе в условиях инокультурного окружения. Косвенно на это же указывает отрицательная связь между отчуждением как адаптационной стратегией и этнофанатизмом ($r = -0,805^*$).

Результаты диагностики межличностных отношений свидетельствуют о том, что иракские студенты предпочитают малый круг общения, не стремясь проявлять инициативу в его расширении, не активно включаются в различные группы, осторожны в выборе лиц, с которыми устанавливают близкие отношения, пытаются контролировать ситуацию, но при этом предпочитают не брать на себя ответственность (рис. 2).

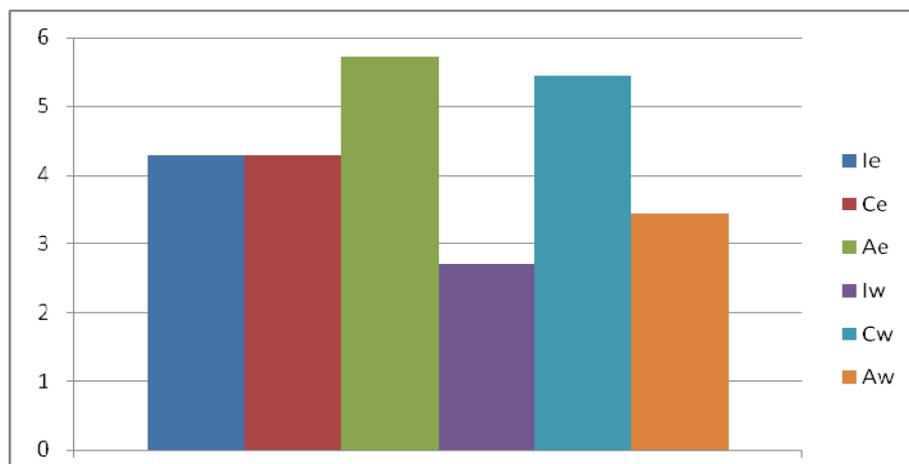

Рис. 2. Результаты диагностики межличностных отношений

Они избирательны и осторожны в выборе партнеров по коммуникации, однако с теми, с кем установлен контакт и доверительные отношения, стремятся быть открытыми, проявляя доброту и глубокие отношения. Вместе с тем результаты диагностики социальной дистанции свидетельствуют о достаточно близкой дистанции между иностранными студентами из Ирака и принимающим большинством. Заслуживает внимание выявленная связь между ностальгией как адаптационной стратегией и социальной ролью «сосед» ($r = -0,828^*$), которая подчеркивает, что чем больше иностранные студенты чувствуют тоску по своей родине и осознают временную разьединенность с традиционными ценностями, тем более важна для них национальность соседа. Выявленный факт вполне согласуется со значимой для иракской культуры социальной практикой соседства. Более того обнаружена взаимосвязь между шкалой ностальгия и шкалой Aw ($r = -0,794$; $p \leq 0,05$), которая означает, что чем выше проявляется ностальгия, тем ниже стремление устанавливать доверительные отношения, т.е. наблюдается осторожность, о которой мы уже упоминали.

Взаимосвязь между интерактивностью и шкалой Ce ($r = 0,846$; $p \leq 0,05$) означает, что чем выше чувство уверенности в своих воз-

возможностях, принятие новой социальной среды, контроль над поведением с учетом норм, тем выше стремление контролировать и влиять на окружающих и принимать решение за себя и других. Выявленная взаимосвязь между шкалой принятия других и шкалой Ae ($r = 0,774$; $p \leq 0,05$) означает, что чем выше показатель принятия другого, тем выше стремление человека быть в близких, доверительных отношениях с другими. Также выявлена взаимосвязь между принятием других и шкалой Iw ($r = 0,782$; $p \leq 0,05$), которая указывает на то, что чем выше принятие других, тем выше стремление к усилению собственной социальной референтности. Взаимосвязь между шкалой принятия других и шкалой Aw ($r = 0,840$; $p \leq 0,05$) может быть проинтерпретирована в контексте эмоциональной близости и эмпатии.

Интересные данные получены относительно стратегий самопредъявления: наиболее предпочитаемыми являются стратегия «Самопродвижение», основанная на демонстрации компетентности, желании казаться компетентным, и стратегия «Вариативность поведения человека», связанная со способностью личности гибко и эффективно адаптироваться к ситуациям межличностного взаимодействия. По нашему мнению, это обусловлено той социальной ситуацией, в которой находятся иностранные студенты (инокультурное окружение, языковые и семантические трудности, коммуникативные барьеры).

Обнаружено, что адаптивность отрицательно коррелирует со стратегиями «Запугивание» ($r = -0,757^*$) и «Самопродвижение» ($r = -0,805^*$). Опираясь на этот результат, можно утверждать, что чем выше у испытуемых уровень личной удовлетворенности, степень доброжелательного отношения к окружающим, осознание принадлежности к данному обществу и сопричастность с ним, чем больше они социально и психологически защищены, и тем меньше демонстрируют силу, заставляя окружающих подчиняться и испытывать чувство страха и тревоги. Аналогичная по знаку корреляция выявлена между шкалой интерактивности и стратегией «Самопродвижение» ($r = -0,814^*$), что свидетельствует о том, что иракские студенты, адаптируясь к новой социокультурной среде, склонны к активному вхождению в эту среду, настроены на сотрудничество с другими, чувствуют уверенность в своих возможностях, готовы к саморазвитию, конструктивному межличностному общению.

Установлено, что шкала отчужденности положительно связана со стратегией «Вариативность поведения человека» ($r = 0,768^*$).

Из этого следует, что люди, сопротивляющиеся интеграции в новый социум, но придающие большое значение аутентичности и статусу, находящиеся под влиянием внешнего контроля, в значительной мере варьируют свое поведение, действуют более гибко в зависимости от партнера, или ситуации межличностного взаимодействия. Было выявлено, что уровень принятия других отрицательно коррелирует с такими стратегиями самопредъявления как «Отслеживание производимого впечатления» ($r = -0,915^{**}$) и «Примерность» ($r = -0,759^*$). Это означает, что чем ниже у респондентов уровень принятия других, тем больше они контролируют собственное поведение и ответные реакции партнеров, стремясь при этом производить определенное впечатление на окружающих, склонны к демонстрации духовного превосходства и осуждению других людей.

Проведенное эмпирическое исследование позволяет схематично описать социально-психологический портрет студента из Ирака, обучающегося в Саратовском государственном университете. Это студент, который достаточно успешно психологически и социально-психологически адаптирован к новой социо-культурной среде. Для него характерно уважение к представителям своей культуры и культуры принимающего общества, гордость и преданность своему этносу, умение контролировать свое поведение в рамках новых норм и социальных установок, активность и инициативность, позитивная этническая идентичность. Что касается межличностных отношений, то он предпочитает малый круг общения, избирателен и осторожен в выборе партнеров по коммуникации, однако с теми, с кем установлены доверительные отношения, стремится проявлять открытость и доброту. В ситуациях межличностного взаимодействия пытается усиливать собственную социальную референтность и демонстрировать компетентность; способен гибко и эффективно адаптироваться к ситуациям межличностного общения, ориентирован на сотрудничество с другими, чувствует уверенность в своих возможностях, готов к саморазвитию и личностному росту.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Солдатова, Г. У. Психология межэтнической напряженности / Г. У. Солдатова. – М., 1998.
2. Сонин, В. А. Психодиагностическое познание профессиональной деятельности / В. А. Сонин. – СПб., 2004. – С. 206–211.

3. Татарко, А. Н. Методы этнической и кросс-культурной психологии : учеб.-метод. пособие / А. Н. Татарко, Н. М. Лебедева. – М., 2011. – 240 с.

4. Фетискин, Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. – М., 2002. – С. 157–158.

5. Финькевич, Л. В. Диагностика межличностного взаимодействия : психодиагностический практикум / Л. В. Финькевич. – Минск, 2002.

6. Шкуратова, И. П. Официальный сайт, посвященный проблемам социальной психологии личности / И. П. Шкуратова. – URL: <http://irshkuratova.ru/> (дата обращения: 17.01.2016).

СООТВЕТСТВИЕ ДОМИГРАЦИОННЫХ ОЖИДАНИЙ РЕАЛЬНЫМ УСЛОВИЯМ ПРОЖИВАНИЯ КАК ФАКТОР УСПЕШНОСТИ АДАПТАЦИИ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ ИЗ УКРАИНЫ И КАЗАХСТАНА¹

***В. В. Гриценко (г. Смоленск, Россия),
Т. Н. Смотрова (г. Балашов, Россия)***

Среди приоритетных направлений развития российского государства, со слов Президента Российской Федерации В. В. Путина, является «привлечение на постоянное жительство в Россию наших соотечественников, проживающих в ближнем и дальнем зарубежье, квалифицированных иностранных специалистов, перспективной молодежи...» (Официальный сайт ФМС РФ). Самыми многочисленными группами соотечественников, переселившихся в последние несколько лет по Государственной программе «Оказание содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом», являются выходцы из Украины, в основном из Луганской и Донецкой областей, и Казахстана. Так, по данным ФМС РФ, от всех переселившихся в Российскую Федерацию в 3 квартале 2015 г. участников государственной программы и членов их семей 57,7 % составляют

¹ Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Свои или чужие: особенности социально-психологической адаптации соотечественников в России», № 15-06-10188.

граждане Украины и 15,0 % – граждане Казахстана (Мониторинг..., 2015).

Массовое переселение и связанные с ним проблемы адаптации возвращающихся на историческую родину соотечественников, несомненно, актуальны с точки зрения анализа социально-психологических последствий миграции, как для населения принимающих территорий, так и для самих мигрантов (Гриценко, Смотров, 2015). В этой связи на повестку дня встают следующие вопросы: Каков личностный и адаптационный потенциал возвращающихся соотечественников из постсоветских республик? Какие трудности испытывают они в процессе адаптации к новым условиям проживания? Подтвердились ли и в какой степени их домиграционные ожидания при переезде в Россию?

Данная статья представляет собой попытку ответить на некоторые из этих вопросов, опираясь на результаты качественного анализа данных эмпирического исследования соотечественников из Украины и Казахстана. В пилотажном исследовании приняло участие 24 мигранта, имеющих статус участника программы либо члена семьи участника Госпрограммы, которые поселились на территории Смоленской и Саратовской областей.

Анализ данных, полученных в ходе интервьюирования, показал, что ожидания большинства соотечественников, поселившихся в Саратовской области, относительно погодно-климатических условий нового места жительства, в целом оправдались. Тогда как среди мигрантов, кто избрал местом своего постоянного жительства Смоленскую область, наряду с ответами *«оправдались полностью»*, встречались и такие ответы, как *«затрудняюсь сказать»*, *«скорее оправдались, чем не оправдались»*, *«скорее не оправдались, чем оправдались»*. «Новые жители» Смоленщины сетовали на небольшое количество солнечных дней в году, непродолжительное и нежаркое лето. *«Напрягает постоянная серость, бесконечная пасмурность. Все время хочется спать. Не понимаю, как люди живут и работают в таких условиях. Солнца совсем нет. Лето очень короткое и совсем не жаркое. Я никогда не думала, что на мое самочувствие так будет влиять климат и погода»* (женщина из Украины, 48 лет). *«Да, климат здесь (в Смоленской области) немножко другой, но мягкий, умеренный. Я не люблю сильную жару, но солнышка побольше не помешало бы. Однако здесь меня приятно удивило то, что летом очень светлые и короткие ночи, в отличие от темных ночей на Украине. Я думала, что белые ночи бывают только в Питере»* (женщина из Украины, 53 года).

В то же время среди мигрантов, поселившихся в Смоленской области, особенно в Вязьме и Гагарине – городах, расположенных на магистральном направлении Смоленск-Москва, практически все были довольны пристольным географическим положением места своего поселения. Пристольное географическое положение Вязьмы и Гагарина рассматривается поселившимися в них мигрантами как важное конкурентное преимущество этих городов (Яськова, 2006). «Смоленская область – как пишет специалист по миграции, доктор географических наук, профессор А. П. Катровский, – судя по предыдущим исследованиям, рассматривалась как регион близкий к столице – емкому и диверсифицированному рынку труда, – который может, в конечном итоге, выступить в качестве «региона-трамплина» для последующего переезда в столичный регион. За последние пятнадцать лет заметно улучшилась транспортная связь Смоленщины и столичного региона. Вязьма и Гагарин имеют устойчивое пригородное железнодорожное сообщение с Москвой. Ярцево, Сафоново, Десногорск, Дорогобуж и другие населенные пункты помимо железнодорожного сообщения связаны с Москвой многочисленными автобусными рейсами. Открытие скоростного железнодорожного сообщения между Смоленском и Москвой не просто заметно улучшило транспортно-географическое положение городов, расположенных на железнодорожной магистрали между ними, но и повысило миграционную привлекательность прилегающей к ним сельской местности» (Катровский, 2015, с. 200–201). В нашем исследовании также несколько человек в качестве достоинств географического положения Смоленщины назвали ее близость к столице, хорошую транспортную инфраструктуру или утвердительно ответили на вопрос о том, рассматривалось ли соседство Смоленской и Московской областей на этапе принятия решения как аргумент переезда в данный регион. Интересно, что соотечественники, переселившиеся в Саратовскую область, в качестве веского аргумента выбора данного региона местом своего проживания, отмечали скорее не географические его преимущества, а то, что они либо сами были родом из Саратовской области, либо здесь живут родственники или друзья.

Что касается материального положения соотечественников, независимо от региона исхода и региона поселения, то здесь наблюдается наибольшее несоответствие миграционных ожиданий и российской действительности, наибольший разрыв между образом того, «как могло бы быть» с образом того, «как на самом

деле оказалось». Прежде всего, мигранты, наслышанные о том, как хорошо живут люди в России, рассчитывали на более высокую заработную плату при устройстве на работу: «Из моего родного города многие ездили на заработки в Москву и говорили, что в России зарплаты в 3–5 раз выше, чем в Украине. Но когда я приехал по программе, мне предложили зарплату в 15 тыс. руб. – это очень мало, чтобы содержать семью из 4-х человек. Тем более что в России и цены на все очень высокие» (мужчина из Украины, 38 лет). Второй переселенец заявил еще жестче: «Это хорошо, что мы сейчас живем в центре временного размещения и нам не надо платить за жилье, но, когда мы станем полноценными гражданами РФ, то мы не сможем пользоваться поддержкой российского государства. И тогда мы должны будем снимать жилье, и отдавать за него практически все деньги, которые я сейчас зарабатываю. Но помилуйте, а на что жить мы будем? Мы поставлены в такие условия, что вынуждены всяческими способами оттягивать получение гражданства или вовсе его не получать?» (мужчина из Украины, 42 года).

Наш опрос показывает, что наряду с неудовлетворенностью материальным положением и решением жилищной проблемы, неудовлетворенность у соотечественников вызывает также уровень реализации своих профессиональных возможностей, положение в обществе, работа не по специальности. Учитывая, что опрошенные нами переселенцы в основном были горожанами, в большинстве своем жителями областных центров, поселение их в городах районного масштаба сужает шансы многих из них найти работу по специальности. Не говоря уже о том, что стремление региональных властей направить соотечественников в сельскую местность, вопреки желанию самих переселенцев, не способствует реализации ими своего профессионального потенциала. Иными словами, в профессиональной сфере в наибольшей степени зафиксирована нереализованность ожиданий и представлений соотечественников об участии общества и государственных служб в оказании им помощи в жизненном устройстве, пусть и временном. Примечательно, что данный факт был также зафиксирован А. А. Нестеровой и Т. Ф. Сусловой в группе трудовых мигрантов из Украины, приехавших в Москву на заработки (Нестерова, Сулова, 2015).

Домиграционные ожидания, касающиеся отношений с принимающим близкородственным по культуре русским населением,

оправдались частично. Большая часть соотечественников отмечает доброжелательность и радушие, сострадание и помощь со стороны местных жителей и в тоже время называет такие характеристики местного населения, как равнодушие, индивидуализм: «Каждый русский человек, по отдельности, – очень душевный, отзывчивый, готов любому помочь в беде и отдать нищему последнюю рубашку. Но когда я вижу людей вместе, то это какая-то серая безликая масса, изначально враждебно настроенная к миру, которая в случае даже какого-то небольшого проступка (например, кто-то без очереди хочет пройти к врачу), готова нарушителя порядка разорвать в клочья. В таких ситуациях я смотрю на людей и думаю, откуда столько агрессии, злобы, ненависти друг к другу. Хочется кричать: люди, остановитесь, мы же все братья!» (женщина из Казахстана, 45 лет).

Особенно отмечают присущий российским людям индивидуализм соотечественники из Саратовской области: «В целом люди как люди. Но мало улыбаются, все зациклены на своих проблемах, абсолютно нет дела до других, не знают и не хотят знать, что рядом живет нуждающийся в помощи сосед».

Как видим, домиграционные ожидания соотечественников, вернее не столько сами ожидания, сколько тот факт, в какой степени они совпали с российской реальностью, определенным образом способен задавать вектор их адаптации в позитивную или негативную сторону. Здесь мы согласимся с мнением О. Г. Мокрецово́й о том, что «совпадение ожиданий и реальности может стать значимым ресурсом для процесса адаптации, поскольку мигранту не приходится сталкиваться с непредвиденной, неопределенной ситуацией, которая могла бы дестабилизировать его состояние. Несовпадение, напротив, может фрустрировать, демотивировать, потребовать дополнительных усилий, т.е. несовпадение ожиданий и реальности будет требовать гораздо больше энергетических затрат, что может затруднить процесс адаптации к новым условиям» (Мокрецова, 2015, с. 109).

Итак, на основе ответов на вопросы о том, оправдались ли ожидания соотечественников, связанные с приездом на территорию России, мы условно выделили две группы. Одна группа респондентов отметила, что их ожидания практически оправдались, или заявила о том, что условия их жизни в России оказались легче ожидаемых. Представители другой группы заявили, что реальность оказалась сложнее ожидаемого, они не рассчитывали на то,

что столкнутся с большим количеством трудностей, бюрократических препятствий и даже высказывали намерение вернуться назад. Это, прежде всего, относится к соотечественникам из Украины, переезд которых в большей степени имел вынужденный характер, чем переезд соотечественников из Казахстана.

В группе, для которой условия российской действительности оправдали ожидания или оказались легче ожидаемых, отмечается терпеливо-оптимистичный взгляд на жизнь, вера в будущее, самих себя и свои силы. Для ее респондентов характерно позитивное отношение к принимающему русскому населению, способность поддерживать конструктивные межличностные отношения, открытость новому опыту и получению новых знаний, построение жизненных планов не только на близкую, но и на дальнюю перспективу: *«Я рада, что мы в России. Есть возможность дать детям хорошее образование»* (женщина из Казахстана, 35 лет); *«Я планирую построить дом на берегу Волги»* (мужчина из Казахстана, 39 лет). Все это свидетельствует о наличии у представителей данной группы определенных ресурсов для успешной адаптации и позволяет говорить о благоприятном прогнозе их интеграции в новый социум.

В беседе с соотечественниками, для которых условия оказались тяжелее ожидаемых, можно отметить наличие депрессивно-ностальгических и фаталистических ноток, пронизывающих обсуждение практически всех их сегодняшних проблем. Они в большей степени склонны возлагать вину за неприятности в своей жизни на других людей, обстоятельства, судьбу. *«Что поделаешь, от судьбы не уйдешь. Раз суждено нам так жить, значит, так тому и быть. Жаль, что все хорошее осталось в прошлой жизни»* (женщина из Украины, 48 лет). Они более критично и менее позитивно относятся к принимающему населению, что не может не сказаться на конструктивности их взаимоотношений с другими людьми. Возможно, это защитная реакция в ответ на собственную неспособность справиться с новой ситуацией, ситуацией разъединения со своей родной культурой. В то же время члены этой группы не зациклены на себе и своих переживаниях, проявляют активность, стремятся найти поддержку у других людей, и, несмотря на сниженный адаптационный потенциал, они также стремятся использовать имеющиеся ресурсы для успешного вхождения в новую среду.

Безусловно, на дальнейшие отношения и поведение соотечественников в сложившихся обстоятельствах, а значит и на благоприятность прогноза их адаптации, наряду с реалистичностью ожиданий будут оказывать влияние и другие факторы, к примеру, их индивидуально-личностные характеристики, а также характеристики самой жизненной ситуации. Какова степень влияния этих факторов на успешность адаптации нам предстоит выяснить в ходе основного исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гриценко, В. В. Теоретические основы исследования социально-психологической адаптации соотечественников в России / В. В. Гриценко, Т. Н. Смотровая // Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. проф. д-ра геогр. наук В. С. Белозерова. – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2015. – С. 22–26.
2. Катровский, А. П. Географические аспекты адаптации / А. П. Катровский // Природа и общество: в поисках гармонии : сб. науч. ст. / отв. ред. Е. А. Бобров. – Смоленск : Универсум, 2015. – С. 196–207.
3. Мокрецова, О. Г. Социально-психологические особенности адаптации трудовых мигрантов из Узбекистана : дис. ... канд. психол. наук / Мокрецова О. Г. – СПб., 2015. – 225 с.
4. Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения субъектов Российской Федерации в III квартале 2015 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fms.gov.ru/upload/site1/document_file/_III_2015_.pdf (дата обращения: 10.02.2016).
5. Нестерова, А. А. Конструктивистский и социально-психологический подходы к изучению факторов жизнеспособности и адаптации мигрантов / А. А. Нестерова, Т. Ф. Сулова. – М. : Дашков и К°. – 219 с.
6. Федеральная миграционная служба России. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fms.gov.ru/about/compatriots> (дата обращения: 10.02.2016).
7. Яськова, Т. И. Факторы миграционной привлекательности столичного региона для населения малых городов Смоленской области / Т. И. Яськова // Малые города Смоленской области: от депрессии и стагнации к устойчивому развитию. – Смоленск : Универсум, 2006. – С. 220–226.

ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ВЫНУЖДЕННЫМ МИГРАНТАМ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ПСИХОЛОГА ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ)

И. И. Дроздова (г. Ростов-на-Дону, Россия)

В настоящее время во всем мире происходят интенсивные миграционные процессы. Одной из проблем, с которой сталкиваются мигранты, является проблема социокультурной адаптации, которую можно определить как процесс и результат активного приспособления к условиям другой социокультурной среды. Процесс этот является сложным, многоаспектным, длительным, он характеризуется переживанием резких перемен в привычном образе жизни, культурных различий, изоляции, возможно, дискриминации. Кроме того, ситуация вынужденной миграции, как правило, является последствием пережитых людьми травмирующих событий (социально-экономическая нестабильность, военные действия, угроза жизни и т.п.). Психотравмирующие события не проходят для человека бесследно, вызывая посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), при котором оказывается нарушенным нормальное протекание жизнедеятельности человека. Таким образом, люди, оказавшиеся вынужденными мигрантами, беженцами нуждаются в психологической помощи.

С 1999 г. в Ростовском региональном отделении Общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест», где реализовывались различные программы помощи вынужденным мигрантам: сначала это были жители бывших республик Советского Союза, затем, семьи, покинувшие места своего проживания во время конфликта в Чеченской республике, в последнее время – жители Востока Украины, накоплен большой опыт оказания помощи людям, пережившим травмирующие события. Значительная часть обратившихся за психологической помощью, люди, переживающие дистресс, кризис социальной идентичности.

Анализ работ по проблеме (Л. В. Миллер, 2011; Е. С. Калмыкова, Е. А. Миско, Н. В. Тарабрина, 2001; Г. У. Солдатовой, 2002), результаты проведенных нами исследований, показали, что наиболее уязвимыми к травмирующим воздействиям оказываются люди старшего возраста: 40–60 и более лет, женщины. Было также обнаружено влияние определенных качеств личности на возникновение

и течение ПТСР. С большей вероятностью психологическими жертвами травмирующих событий становятся люди тревожные, с высоким уровнем невротизма, интроверсии, ригидности, не высоким уровнем интеллекта. Степень травматизации, также, связана с этапом жизненного цикла, поскольку человек, наиболее уязвим в периоды кризисов. Проявление симптомов ПТСР определяется, также, рядом параметров социальной ситуации, таких как неблагоприятный семейный климат, отсутствие поддержки близких, социальной поддержки, низкий социально-экономический уровень. Особенно тяжелыми являются случаи, когда имеет место сочетание нескольких из названных факторов.

Психологическая помощь должна осуществляться в зависимости от симптомов и фазы ПТСР. В случае преобладания симптомов повторного переживания у ребенка или взрослого происходит постоянная фиксация на травмирующем событии, поэтому психологу необходимо дать возможность вербализовать переживания, максимально отреагировать сопровождающие их эмоции в безопасной психотерапевтической обстановке. Необходимо помочь клиенту провести оценку произошедших с ним событий, сфокусировать его внимание на положительных моментах, актуализировать позитивные образы.

При доминировании симптомов избегания, сложности могут возникнуть с установлением доверительного контакта с клиентом. Необходимо постараться актуализировать информацию о травмирующем событии, так как стратегия избегания не приводит к самостоятельному устранению симптомов ПТСР. В данном случае значительный эффект может дать простое разъяснение человеку связи между наблюдающейся симптоматикой и травмирующим событием. Важное условие оказания помощи в этом случае – принимать тот темп работы, который предлагает сам клиент.

Если же у клиента наиболее выражены симптомы повышенной возбудимости, то психологу следует уделить большее внимание обучению релаксационным техникам, позволяющим снимать психическое напряжение. В работе с детьми, подростками и взрослыми возможно применение различных сценариев релаксации. Упражнения на релаксацию лучше провести несколько раз совместно с клиентом, а также дать ему в письменном виде, разъяснив необходимость их выполнения в домашних условиях. Данные упражнения желательно выполнять с использованием релаксационной музыки и сочетать с дыхательной гимнастикой.

Помимо индивидуального консультирования весьма эффективной для людей, переживших травмирующие события, является групповая терапия. В имеющейся литературе не существует каких-либо специальных рекомендаций относительно того, какой вид групповой терапии является предпочтительным. В процессе нашей работы наиболее эффективным явилось так называемое «темоцентрированное взаимодействие» (Володина, Дроздова, 2001). Каким бы ни был групповой формат, групповая терапия направлена на достижение следующих целей: повторное переживание травмирующего события в безопасных условиях, разделенное с участниками группы; принятие, поддержка, избавление от чувства изолированности, несмотря на уникальность травматического опыта; прояснение общих проблем, обучение методам совладания с последствиями травмы; возможность быть в роли помогающего.

Перечислим основные направления деятельности психолога общественной организации в работе с вынужденными мигрантами.

1. *Психологическая поддержка вынужденных мигрантов.* Психологическая поддержка предполагает нейтрализацию негативного воздействия психотравмирующих факторов на человека, его соматическое и психическое здоровье, межличностные отношения. Ее цель - уменьшение эмоционального напряжения, агрессии; создание условий для переработки травмирующих переживаний. Эта работа предполагает, также, оказание экстренной психологической и допсихологической помощи (Миллер, 2011).

2. *Оценка психоэмоционального состояния вынужденных мигрантов.* Ситуация вынужденной миграции для человека является травмирующей, неординарной, поэтому эмоциональные реакции, переживания, действия людей нужно трактовать как нормальную реакцию на ненормальные обстоятельства. В этом случае граница между нормой и патологией становится менее определенной и размытой. Необходимо оценить состояние эмоционального благополучия, наличие болезненных психических проявлений, адекватность отражения и реагирования, уровень зрелости эмоционально-волевой и познавательной сфер личности, адаптивность в микро-социальных отношениях, способность управлять поведением и ставить жизненные цели, поддерживать необходимый уровень активности в их достижении.

3. *Коррекция нарушений в психоэмоциональном состоянии вынужденных мигрантов.* Анализ психологических проблем и

психических расстройств вынужденных мигрантов показывает, что они носят комплексный характер. Нарушения в различных сферах психического здоровья мигрантов, накладываясь одно на другое, могут привести к глобальным проблемам личности, поэтому важна своевременная психокоррекция аффективных, мотивационных, когнитивных и поведенческих нарушений вынужденных мигрантов.

4. *Развитие адаптационного потенциала вынужденных мигрантов.* Серьезные проблемы у вынужденных мигрантов обнаруживаются и в области межличностного общения: как во взаимодействии с представителями другой культуры, так и собственной, в супружеских отношениях и отношениях с детьми. Для интеграции в новую среду необходимо умение общаться, проявлять эмпатию и толерантность, умение принимать и оказывать поддержку, конструктивно разрешать конфликтные ситуации.

5. *Профилактическое направление деятельности психолога.* Ситуация вынужденной миграции предполагает необходимость взаимодействия мигрантов с множеством специальных государственных служб, призванных оказывать помощь (социальную, правовую, медицинскую и др.) перемещенным лицам. Сотрудники этих служб, непосредственно взаимодействующие с мигрантами, как правило, не имеют специальной подготовки к работе с этой категорией людей, не учитывают трудности, с которыми сталкиваются мигранты в процессе социальной адаптации, не берут во внимание особенности их психоэмоционального состояния, иногда проявляют недоверие, грубость. В связи с этим необходимо обучение психологической грамотности специалистов служб, задействованных в оказании помощи вынужденным мигрантам.

6. *Исследовательский аспект работы психолога.* В работе с вынужденными мигрантами следует учитывать специфику конкретной ситуации миграции, ее этнические, социальные, политические детерминанты, так как особенности психоэмоционального состояния мигрантов могут быть связаны со спецификой именно данной миграционной ситуации.

Реализация перечисленных направлений деятельности психолога общественной организации в работе с вынужденными мигрантами предполагает проведение индивидуального консультирования, индивидуальных и групповых методов психокоррекции, подготовку информационных материалов по психологической самопомощи, рекомендаций специалистам служб, задействованным

в оказании помощи вынужденным мигрантам, привлечение к работе волонтеров, обмен опытом в процессе оказания помощи.

Психологическая помощь вынужденным мигрантам должна быть своевременной, системной, квалифицированной, поскольку люди, получившие психологическую помощь (как минимум, доброжелательное внимание, возможность говорить о своих переживаниях), отличаются лучшим самочувствием, они быстрее интегрируются в новую систему отношений, возвращаются к нормальной жизнедеятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Володина, И. С. Психокоррекционные группы как одна из форм оказания помощи людям, перенесшим травмирующие события / И. С. Володина, И. И. Дроздова // Психологи о мигрантах и миграции в России : информационно-аналитический бюллетень. – М., 2001. – № 3.

2. Миллер, Л. В. Модель экстренной психологической помощи / Л. В. Миллер // Теоретические и прикладные аспекты деятельности Центра экстренной психологической помощи МГППУ. – М. : МГППУ, 2011.

3. Калмыкова, Е. С. Особенности психотерапии посттравматического стресса / Е. С. Калмыкова, Е. А. Миско, Н. В. Тарабрина // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22, № 4. – С. 70–80.

4. Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис идентичности / под ред. Г. У. Солдатовой. – М. : Смысл, 2002.

ИССЛЕДОВАНИЕ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ КАК ПОКАЗАТЕЛЯ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ ИЗ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ К УСЛОВИЯМ ВУЗА

Ж. М. Елисеева, И. В. Трошина (г. Пенза, Россия)

Период студенчества – это время адаптации студента к новой деятельности, а для «сельских» студентов еще и к новым условиям жизни. «Студенческий» возраст, – юношеский период развития человека – это начало самостоятельной, взрослой жизни Наряду с этим, в данном возрасте выделяются следующие возрастные периоды: 16–17 лет – ранняя юность, 17–20 – собственно юность, 20–21 – поздняя юность. Эти возрастные периоды имеют свою

специфику, но, при этом, обладают многими общими характеристиками.

В настоящее время считается, что понятие счастья или удовлетворенности жизнью – одно из важнейших направлений исследований в области психологии, социологии, экономики и государственного управления. Показатели удовлетворенности жизнью стали часто рассматриваться в качестве определенной альтернативы показателям экономического роста, так как в целом имеют больше общего с жизнью реальных людей, чем абстрактные экономические теории. При этом особый интерес представляют представители сельской местности, т.е. сельские жители, так как качество жизни людей данной категории в большинстве случаев оказывается значительно ниже. Также удовлетворенность жизнью рассматривается многими исследователями как один из показателей адаптации человека к новым условиям жизни. В связи со всем вышеперечисленным наше исследование можно считать весьма актуальным и своевременным.

Прежде всего, в данный возрастной период происходит становление системообразующих ценностей человека, вокруг которых выстраивается ценностно-нормативная система. Образ «Я» приобретает большую стабильность, происходят изменения самосознания, изменяется уровень и критерии самооценки. В студенческом возрасте люди активно строят планы на будущее. Все эти изменения позволяют считать это периодом, на протяжении которого человек наиболее активно занимается построением собственной жизни, как в профессиональном, так и более широком смысле. Одним из критериев успешности данной деятельности, может являться высокий уровень удовлетворенностью собственной жизнью. Смысло-жизненные ориентации, адекватная самооценка и объективное восприятие факторов, обуславливающих успехи и неудачи в процессе собственной жизнедеятельности, являются доминантами, оказывающих существенное влияние на уровень удовлетворенности жизнью.

Целью нашего исследования стало изучение показателей удовлетворенности жизнью студентов-психологов из сельской местности.

Объект нашего исследования – ценностно-смысловая сфера личности студентов-психологов из сельской местности.

Предметом нашего исследования стали показатели удовлетворенности жизнью студентов – психологов из сельской местности.

Гипотеза исследования: Между такими личностными показателями студентов-психологов из сельской местности, как смысло-жизненные ориентации, уровень субъективного контроля, самооценка и удовлетворенность жизнью существует взаимосвязь. Если у студентов адекватный уровень самооценки, интернальный локус контроля и высокие показатели осмысленности жизни, то они имеют высокий уровень удовлетворенности собственной жизнью.

Теоретико - методологической базой нашего исследования выступили положения, теории удовлетворенности жизнью, счастья, субъективного и психологического благополучия (М. Аргайл, И. А. Джидарьян), представления о психологии смысла Д.А. Леонтьева, о жизненном пути личности (Л. И. Анцыферова, Ш. Бюллер, А. А. Кроник).

Методы и методики исследования:

- анализ психолого-педагогической литературы;
- эмпирические методы: тестирование: тест «Смысло-жизненных ориентаций» (Д. А. Леонтьев), тест «Уровень субъективного контроля Дж. Роттера» (Адаптация Е. Ф. Бажина, С. А. Голынкиной, А. М. Эткинда), тест «Индекс жизненной удовлетворенности (ИЖУ)», адаптация Н. В. Паниной. Опросник общего психологического состояния человека, «методика исследования самооценки личности С. А. Будасси»;
- методы статистического и качественного анализа эмпирических данных: коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

В эмпирическом исследовании приняло участие 34 человека – студенты 2–3 курсов (родом из сельской местности) направления подготовки 37.03.01 «Психология» факультета педагогики, психологии и социальных наук Пензенского государственного университета.

Теоретический анализ литературы показал, что понятие «удовлетворенность жизнью» неоднозначно трактуется в научной психологии. Удовлетворенность жизнью часто рассматривается в науке в контексте качества жизни (Батурин, 2013, с. 6). В то же время удовлетворенность жизнью трактуется как обобщенное переживание своего бытия, синонимом которого выступает понятие «счастья», «субъективное благополучие». В связи с этим, можно говорить о том, что понятие удовлетворенность имеет в большей степени субъективный характер. При этом существуют объективные показатели благополучия и каждому человеку хотя бы некоторые из них известны (Шамионов, 2008, с. 45).

Представление о собственном благополучии или благополучии других людей, объективные критерии благополучия, успешности, показатели здоровья, материального достатка и т.п. В настоящее время существует ряд исследований, занимающихся изучением взаимосвязи отдельных компонентов психологического благополучия, в частности, связь смысложизненных ориентаций, осмысленности жизни, «Я» образом, толерантности, стратегий субъективного контроля, ценностных ориентаций и стратегий поведения личности с психологическим благополучием личности (исследования Р. М. Шамионова, Е. Е. Бочаровой, Л. В. Куликова).

Опираясь на личностный подход при изучении удовлетворенности жизнью, нами были рассмотрены и изучены три показателя, имеющих взаимосвязь с уровнем удовлетворенности жизнью, а именно: осмысленность жизни, самооценка и локус контроля.

На основании анализа литературы, мы предположили, что между такими показателями как смысложизненные ориентации, уровень субъективного контроля, самооценка и удовлетворенность жизнью существует взаимосвязь. Если у студентов адекватный уровень самооценки, интернальный локус контроля и высокие показатели осмысленности жизни, то они имеют высокий уровень удовлетворенности собственной жизнью. В результате эмпирического исследования, данная гипотеза была подтверждена частично.

В ходе проведенного исследования самооценки результаты показали, что в данной выборке преобладает адекватный уровень самооценки 79 %, неадекватно заниженную имеют лишь 11,7 % испытуемых. Более чем у половины студентов, 59 % получили средние баллы и 20,5 % высокие баллы, которые свидетельствует об осмысленности собственной жизни. Лишь 20,5 % испытуемых не в достаточной мере осознают актуальность проживаемой ими жизни. 76,4 % студентов имеют внутренний локус контроля, т.е. считают, что происходящие с ними события зависят, прежде всего, от их личностных качеств и лишь 23,5 % склонны перекладывать ответственность за собственную жизнь на различные внешние обстоятельства. По результатам исследования удовлетворенности жизнью студентов – психологов, можно сделать вывод о том, что большая часть имеет средний уровень удовлетворенности жизнью на имеющийся момент 55,8 % , 23,5 % удовлетворены в полной мере и лишь 20,5 % имеют неудовлетворенность имеющейся ситуацией и своей роли в ней.

С помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена, была обнаружена корреляционная связь между уровнем самооценки и удовлетворенностью жизнью. То есть подтвердилось предположение о том, что у студентов с адекватным или высоким уровнем самооценки индекс удовлетворенности жизнью выше, чем у студентов с низким уровнем самооценки. Так же, подтвердилось предположение о связи между смысловыми ориентациями и удовлетворенностью жизнью. То есть у испытуемых с высокими и средними показателями общей осмысленности жизни, показатели удовлетворенности жизнью выше, чем у испытуемых с низкими показателями осмысленности жизни (Елисеева, 2015, с. 34).

Не подтвердилось предположение о наличии связи между определенным локусом контроля и уровнем удовлетворенности жизнью. То есть предположение о том, что у студентов с интернальным локусом контроля, более удовлетворены собственной жизнью, чем студенты с экстернальным локусом контроля. Данная часть гипотезы могла быть не подтверждена из-за недостаточной выборки исследования.

Выявление взаимосвязи между определенными личностными показателями и уровнем удовлетворенности жизнью студентов – психологов из сельской местности, дает возможность для работы с этими показателями, с целью улучшения общего психологического состояния студентов. Сформированность ценностных ориентаций личности, адекватный уровень самооценки оказывает влияние на дальнейшее самоопределение и складывающееся профессиональное мировоззрение студентов-психологов, способствуя дифференциации его интересов, расширению сфер социальной активности и определяя в конечном итоге его самореализацию как профессионала.

Полученные нами результаты можно рассматривать лишь как своего рода тенденцию. Для более серьезного изучения необходимо большее количество испытуемых, более разнообразный набор методов и методик.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Анисимова, О. М. Самооценка в структуре личности студента : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Анисимова О. М. – Л., 1984. – 17 с.
2. Батулин, Н. А. Теоретическая модель личностного благополучия / Н. А. Батулин, С. А. Башкатов, Н. В. Гафарова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2013. – Т. 6, № 4. – С. 4–14.

3. Бочарова, Е. Е. Взаимосвязь ценностных ориентаций, стратегий поведения и субъективного благополучия личности : автореф. ... канд. психол. наук / Бочарова Е. Е. – Саратов, 2005. – 23 с.

4. Елисеева, Ж. М. Показатели удовлетворенности жизнью студентов-психологов / Ж. М. Елисеева // Современные тенденции развития науки и технологий : сб. науч. тр. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. 31 октября 2015 г. : в 10 ч. / под общ. ред. Е. П. Ткачевой. – Белгород : ИП Ткачева Е. П., 2015. – Ч. X, № 7. – 152 с.

5. Ковальская, О. С. Личность в период ранней юности: особенности ценностно-смысловой сферы и совладающего поведения / О. С. Ковальская // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2012. – № 2 (18). – С. 198–201.

6. Леонтьев, Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) / Д. А. Леонтьев. – 2-е изд. – М. : Смысл, 2000. – 18 с.

7. Шамионов, Р. М. Субъективное благополучие личности: этнопсихологический аспект / Р. М. Шамионов // Проблемы социальной психологии личности. – Саратов : Сарат. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 2008. – С. 45–52.

ДИНАМИКА ЦЕННОСТНЫХ ПРИОРИТЕТОВ КАК СТРАТЕГИЯ АДАПТАЦИИ К НОВОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СРЕДЕ¹

Н. А. Журавлева (г. Москва, Россия)

Радикальные преобразования общественного развития, процесс трансформации экономической, социальной, правовой, политической и культурной сферы, коснувшийся российское общество на рубеже XX–XXI столетий, отличались стремительностью. В результате реформы политической и экономической системы изменился каркас общества и основы его общественно-политического устройства. На смену практически полностью о государственной экономике пришла экономика многосекторная, включающая большое разнообразие форм собственности.

В связи с социально-экономическими трансформациями изменениям подвергаются различные социально-психологические

¹ Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-06-02137а.

феномены на уровне личности, малых и больших социальных групп, межличностных и межгрупповых отношений (Абульханова, 1997; Национальная программа..., 1997; Совместная деятельность..., 1997; Кочеткова, Журавлев, 1999; Позняков, 2001, 2013; Позняков, Журавлев, 2002; Воловикова, 2005, 2009, 2012; Константинов, 2005; Хашченко, 2007; Чернышев, Сарычев, 2008; Юревич, 2008, 2009; Журавлева, 2009; Гамова, Сарычев, 2010). Формирование различных структур сознания личности, в том числе и ценностной структуры, в большой степени детерминировано теми социально-экономическими условиями, в которых она осуществляет свою жизнедеятельность (Динамика..., 1996; Журавлев, 1999, 2007; Журавлева, 2005, 2009, 2012; Позняков, 2007; Елизаров, 2008; Психология человека..., 2009; Кольцова, 2011; Психологические исследования..., 2012; Юревич, Журавлев, 2012, 2013; Логвинов и др., 2014). Когда в обществе трансформируются социально-экономические условия, люди изменяют свои приоритеты в ценностных ориентациях, адаптируясь к новой социальной среде. На основе жизненного опыта личности, перестройки ее жизненных планов и взаимоотношений с окружающей социальной действительностью происходит переоценка человеком системы своих ценностей. В изменившейся социальной ситуации человек стремится выработать в себе и принять такие ценности, жизненные ориентиры, которые позволили бы ему найти свое место в различных системах взаимодействия.

Процесс приспособления к новым экономическим условиям представляет собой экономико-психологическую адаптацию личности. Экономико-психологическая адаптация проявляется в экономическом статусе и качестве жизни человека, в его ожиданиях и отношениях к экономическим реформам, рынку, деньгам, она связана с системой ценностей, экономическими мотивами, экономическими нормами и интересами (Дейнека, 1999). Добровольно адаптируется человек в том случае, если новые способы социального действия не противоречат ценностным ориентациям и соответствуют его личностным качествам. Вынужденная адаптация проявляется, когда, опираясь на свой прошлый жизненный опыт, социальное положение и др., человек подстраивается под обстоятельства, не пытаясь что-либо изменить в них или в себе.

Когда личность не успевает адаптироваться к быстро меняющимся условиям, разрушение сложившихся стереотипов и установок в той или иной степени сопровождается «культурным

шоком». Состояние культурного шока по отношению к собственной культуре человек может пережить, когда он из родной культуры попадает в абсолютно новое окружение, в иную социокультурную среду, где ему приходится мгновенно реагировать на множество совершенно новых представлений о чем бы то ни было: труде, религии, любви и т.п. (Гришина, 1998). Ситуация, в которой оказывается человек в условиях радикальных преобразований в обществе, напоминает ту, которая возникает при встрече с другим обществом, с другой культурой. Состояние «культурного шока» сопровождается удивлением по поводу необычных и непривычных норм и стандартов поведения, чувством дискомфорта от различий между «своей» и «чужой» культурой и др. В разных ситуациях люди с различной степенью остроты переживают культурный шок. Это зависит как от дистанции, которая существует между разными культурами, так и от индивидуальных особенностей человека (Андреева, 1999).

При этом, по результатам социально-психологических исследований, можно говорить о чрезвычайно дифференцированном влиянии новых социально-экономических условий на социально-психологические (личностные и групповые) феномены. Показано, что на одних участников совместной трудовой деятельности или на одни трудовые группы они воздействуют заметно, а на другие оказывают слабое воздействие или оно полностью отсутствует (Журавлев, 1998). Роль, в частности, экономических факторов трудовой деятельности трансформируется, преломляется или сводится к нулю через опосредствующие социально-психологические факторы, к которым можно отнести, например, социально-психологические типы личности, структуру ценностных ориентаций, мотивационные предпочтения.

Изменения социально-экономических условий трудовой деятельности (смена формы собственности) вызывает динамику в структуре ценностей не у всех опрошенных, более того, у части из них структура ценностей полностью сохраняется прежней. Особого внимания заслуживает вопрос о свойствах тех социально-психологических типов людей, у которых под воздействием новых социально-экономических условий не изменяются сложившиеся системы ценностей.

Ценности легче изменяются под влиянием новых социально-экономических условий у людей с неустойчивой, несложившейся или нечетко выраженной их системой. Изменения ценностей

наиболее характерны для тех, у кого они организованы не по типу «пирамиды» (есть что-то главное, что и выступает системообразующим фактором), а скорее по типу «трапеции» (есть много равнозначимых ценностей). Первый тип организации ценностей может быть более устойчивым к воздействиям различных факторов, в том числе и экономических, по сравнению со вторым (Журавлев, 1998).

В силу возрастных, психологических и социальных особенностей молодежь является наиболее сензитивной к происходящим в обществе изменениям, индикатором всех положительных и отрицательных процессов, происходящих в обществе. В период активного формирования устойчивого мировоззрения, нравственного сознания, становления ценностной иерархии молодежь с большей легкостью принимает и усваивает все «новое» в культуре, чем представители более старших поколений (Журавлева, 2011, 2013а, 2013б).

Неизбежно возникает вопрос, насколько устойчивыми могут оказаться возникающие «новые» ценностные приоритеты. Наряду с весомостью фактора внешних социально-экономических условий немаловажным является степень близости тех или иных ориентаций общему складу личности. А. Ф. Лазурский указывает на то, что в случае, если новая склонность, совершенно чуждая общему складу характера данного человека, тем не менее, возникает в нем благодаря интенсивному и продолжительному влиянию внешних условий, то такого рода «случайные приобретения» отличаются непрочностью и неустойчивостью (Лазурский, 1995). Будучи навязанными данному лицу внешними обстоятельствами, они постепенно ослабевают и могут совершенно утратиться в том случае, если эти внешние обстоятельства не будут их постоянно поддерживать.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абульханова, К. А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы / К. А. Абульханова // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. – М., 1997. – С. 7–37.
2. Андреева, Г. М. Социальное познание : проблемы и перспективы / Г. М. Андреева. – М. : МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 1999.
3. Воловикова, М. И. История, современное состояние исследований и перспективы развития психологии личности / М. И. Воловикова // Психологический журнал. – 2012. – Т. 33, № 1. – С. 20–29.

4. Воловикова, М. И. Нравственность в современной России / М. И. Воловикова // Психологический журнал. – 2009. – Т. 30, № 4. – С. 95–97.
5. Воловикова, М. И. Социальные представления о нравственном идеале в российском менталитете : автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Воловикова М. И. – М., 2005.
6. Гамова, Е. И. Социально-психологические аспекты мироощущения российских подростков и старшеклассников / Е. И. Гамова, С. В. Сарычев // Психолого-педагогический поиск. – 2010. – № 15. – С. 144–156.
7. Гришина, Н. В. Кризисы и конфликты в жизни человека / Н. В. Гришина // Психология : учеб. / под ред. А. А. Крылова. – М. : Проспект, 1998. – С. 356–365.
8. Дейнека, О. С. Экономическая психология: социально-политические проблемы / О. С. Дейнека. – СПб. : СПбГУ, 1999.
9. Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе. – М., 1996.
10. Елизаров, С. Г. Теоретические аспекты изучения мотивационно-ценностной включенности малой группы в социальную систему / С. Г. Елизаров. – Курск, 2008.
11. Журавлев, А. Л. Основные тенденции развития психологических исследований в институте психологии РАН / А. Л. Журавлев // Психологический журнал. – 2007. – Т. 28, № 6. – С. 5–18.
12. Журавлев, А. Л. Психология совместной деятельности в условиях организационно-экономических изменений : дис. ... д-ра психол. наук / Журавлев А. Л. – М., 1999.
13. Журавлев, А. Л. Взаимодействие социально-психологических и социально-экономических феноменов в изменяющемся обществе / А. Л. Журавлев // Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений. – М., 1998.
14. Журавлева, Н. А. Гуманизация ценностных ориентаций молодежи как актуальная научная проблема в современном российском обществе / Н. А. Журавлева // Духовно-нравственные потенциалы молодежного коллектива. – Курск, 2013а. – С. 22–31.
15. Журавлева, Н. А. Динамика ориентаций молодежи на морально-этические ценности – актуальная проблема современного российского общества / Н. А. Журавлева // Психологический журнал. – 2013б. – № 5. – С. 46–57.
16. Журавлева, Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в условиях макросоциальных изменений / Н. А. Журавлева // Макропсихология современного российского общества. – М., 2009. – С. 207–278.

17. Журавлева, Н. А. Ценностные ориентации личности в современном российском обществе / Н. А. Журавлева // Современная личность: Психологические исследования. – М., 2012. – С. 200–229.
18. Журавлева, Н. А. Экономическое сознание предпринимателей в современном российском обществе / Н. А. Журавлева // Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы. – Иркутск, 2009. – С. 278–283.
19. Журавлева, Н. А. Динамика ориентаций на экономические ценности представителей различных социальных групп в условиях экономических изменений / Н. А. Журавлева // Проблемы экономической психологии. – М., 2005. – Т. 2. – С. 401–432.
20. Журавлева, Н. А. Современные тенденции в ценностных ориентациях российской молодежи / Н. А. Журавлева // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2011. – № 3. – С. 139–146.
21. Кольцова, В. А. Историческая психология как комплексная отрасль знания: теоретико-эмпирический анализ / В. А. Кольцова // Психологический журнал. – 2011. – Т. 32, № 3. – С. 85–95.
22. Константинов, В. В. Адаптация личности: теория и диагностика : учеб.-метод. пособие / В. В. Константинов. – Пенза : Пенз. гос. пед. ун-т им. В. Г. Белинского, 2005. – 77 с.
23. Кочеткова, Н. В. Динамика социально-психологических качеств современного российского предпринимателя / Н. В. Кочеткова, А. Л. Журавлев // Социальная психология экономического поведения. – М., 1999. – С. 130–142.
24. Лазурский, А. Ф. Очерк науки о характерах / А. Ф. Лазурский. – М. : Наука, 1995.
25. Логвинов, И. Н. Ценностные ориентации представителей современных молодежных субкультур досуговой и учебно-профессиональной направленности / И. Н. Логвинов, М. И. Логвинова, Т. И. Логвинова // Концепт : научно-методический электронный журнал. – 2014. – Т. 20. – С. 2666–2670.
26. Национальная программа «Российская деловая культура». – М., 1997.
27. Позняков, В. П. Предпринимательство как ценность и ценности российских предпринимателей / В. П. Позняков // Россия в глобализирующемся мире. – М., 2007.
28. Позняков, В. П. Психологические отношения и деловая активность российских предпринимателей / В. П. Позняков. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2001.
29. Позняков, В. П. Социально-психологические характеристики российских предпринимателей с разным уровнем деловой активности / В. П. Позняков // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 4. – С. 212–220.

30. Позняков, В. П. Программа социально-психологического исследования российских предпринимателей / В. П. Позняков, А. Л. Журавлев // Современная психология: состояние и перспективы исследований. – М., 2002. – С. 90–110.
31. Психологические исследования нравственности. – М., 2012.
32. Психология человека в современном мире. Личность и группа в условиях социальных изменений / отв. ред. А. Л. Журавлев. – М., 2009. – Т. 5.
33. Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
34. Хащенко, В. А. Представление об экономическом благополучии в условиях трансформации российского общества / В. А. Хащенко // Тенденции развития современной психологической науки. – М. : ИП РАН, 2007.
35. Чернышев, А. С. Изучение динамики мироощущения подростков и юношей в изменяющейся России (на рубеже XX–XXI вв.) (основы теоретического и экспериментального подходов) / А. С. Чернышев, С. В. Сарычев // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2008. – № 3. – С. 85–93.
36. Юревич, А. В. Динамика психологического состояния современного российского общества / А. В. Юревич // Вестник Российской академии наук. – 2009. – Т. 79, № 2.
37. Юревич, А. В. Психология в современном обществе / А. В. Юревич // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29, № 6. – С. 5–14.
38. Юревич, А. В. Макропсихологическое состояние современного российского общества / А. В. Юревич, А. Л. Журавлев // Экономическая наука современной России. – 2012. – № 2. – С. 137–140.
39. Юревич, А. В. Психология нравственности как область психологического исследования / А. В. Юревич, А. Л. Журавлев // Психологический журнал. – 2013. – № 3. – С. 4–14.

КУЛЬТУРА МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ИЗ СЕМЕЙ МИГРАНТОВ КАК ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

***Е. В. Кирдяшова, Н. А. Пшеничникова,
В. М. Курков (г. Саранск, Россия)***

Актуальность данной проблемы определяется рядом факторов. Во-первых, тенденцией возрастания роли этничности при условии интернационализации социально-политических и эконо-

мических аспектов жизни государства. Данный фактор особенно актуален в полиэтнических, поликультурных государствах, каковым является наша Родина. Этничность в них основывается на комплексе культурных особенностей, по которым члены данной этнической группы отграничивают себя от всех других групп, даже если они близки в культурном отношении. Принцип этнической принадлежности – это наиболее ясный способ выражения истинного чувства групповой идентичности, ибо он помогает различать всех «нас» от «них». Этническая идентичность не может не сказаться на переосмыслении задач ведущих институтов социализации ребенка – семьи и школы. Во-вторых, во всем мире наблюдается увеличение миграционных процессов. В-третьих, наблюдается обострение межэтнической, этнокультурной и межконфессиональной напряженности, рост числа этнических конфликтов, требующих их изучения и путей и средств их профилактики (Н. Плющ, Басманова, Лисневская, 2014, с. 57).

Сегодня наша страна, как и многие мировые державы, переживает крупномасштабные миграции населения. Резкое изменение привычных условий жизни, вызванное переездом семьи в другую страну или регион с иными культурными традициями, языком, приводит к размыванию типичных форм культурной самоидентификации людей, серьезному дискомфорту, который переживают даже взрослые, не говоря уже о дезориентации детей всех возрастов. В этой связи все более актуальной для педагогики становится проблема социальной адаптации ребенка к новым условиям жизни, к изменившемуся социуму.

Очевидно, что особое внимание в проблеме миграции следует уделять решению вопросов психолого-педагогической адаптации как взрослых, так и детей. Дети дошкольного и младшего школьного возраста из семей мигрантов – особая группа, и учителям важно понимать их психологическое состояние. Многие из этих детей испытали на себе дискриминацию и ненависть населения в местах прежнего проживания и часто переживают неприязнь окружения, в которое попадают на новом месте. При этом дети уже имеют культурный опыт (акцент, манеры, взгляды, привычки) социальной среды, частью которой они являлись в прошлом.

Культурная дистанция между учащимися-мигрантами и местными детьми в некоторых случаях перерастает в культурный шок. Порой он имеет длительный характер, и его можно представить в виде кривой – то поднимающейся вверх (восторг, обожание

новой этнической культуры, желание говорить на новом языке), то опускающейся вниз (отторжение но вой этнической культуры, ностальгия по своей родине, культуре). Степень выраженности культурного шока и продолжительность адаптации ребенка в поликультурное образовательное пространство зависят от многих факторов. Можно объединить их в две группы: внутренние (индивидуальные) и внешние (групповые) (Волкова, 2013, с. 15).

В первой группе факторов важнейшим является возраст детей из семей мигрантов. Отмечено, что младшие школьники адаптируются быстрее и успешнее старшеклассников. Пол также влияет на процесс адаптации и продолжительность культурного шока: девочки труднее приспосабливаются к новому окружению, чем мальчики.

К внутренним факторам преодоления культурного шока относятся личностные характеристики детей. Если ребенок обладает такими качествами, как высокая самооценка, экстравертность, интерес к окружающим людям, склонность к сотрудничеству, самоконтроль, смелость и настойчивость, то ему легче адаптироваться в новой среде. Важное значение имеет и мотивация. Самая сильная обычно наблюдается у детей, чьи родители добровольно переехали на постоянное место жительства в другую страну. Намного хуже обстоит дело с вынужденными переселенцами, которые не хотели покидать родину и не желают привыкать к новым условиям жизни. От мотивации мигрантов зависит, насколько хорошо они знают язык, историю и культуру той страны, куда едут и везут своих детей. Наличие этих знаний, безусловно, облегчает адаптацию (Лобас, с. 17).

Среди внешних факторов необходимо отметить особенности культуры, к которой ранее принадлежал ребенок из семьи мигрантов.

Один из основных принципов работы с детьми из семей мигрантов – принцип равноценности культур. Теория и практика поликультурного воспитания требуют от учебного заведения, чтобы оно помогло детям пережить личностные различия, научиться решать проблемы межкультурного взаимодействия путем диалога и сотрудничества. Школьники должны понимать, что ни одна культура не может считаться лучше или хуже другой, поскольку обладает значимым для развития человечества ценностным содержанием.

Социализация ребенка из семьи мигрантов представляет собой, по мнению исследователей, процесс освоения личностью норм и ценностей новой для ребенка культуры, в том числе новой

детской субкультуры, воспитания доброжелательности, уважения и такта во взаимоотношениях с взрослыми и детьми. При этом социальная адаптация не исчерпывается только приспособлением к новой социальной среде, а предполагает педагогическую помощь и поддержку ребенка в творческой самореализации (Галоян, 2004, с. 12). Социальная адаптация при таком подходе должна строиться педагогами как деятельностная модель индивидуализации, ориентированная на позитивную идентичность ребенка со своим этносом (Я. Э. Галоян, А. В. Можейко, М. Ю. Сапрыкина и др.).

Детский сад, школа и семья – важнейшие институты первичной социализации. Именно там, в общении с педагогами и сверстниками дети из семей мигрантов осваивают пространство культуры, нормы поведения, приобретают жизненные навыки. Во взаимодействии взрослых с детьми, детей друг с другом происходит формирование и изменение мотивационноценностной системы личности ребенка из семьи мигрантов, возникает возможность для предъявления детям социально значимых норм и способов поведения. Все это позволяет предположить, что эмоциональное благополучие коллектива при интеграции в него ребенка из семьи мигрантов возможно прежде всего при условии взаимодействия взрослых участников образовательного процесса – педагогов и родителей воспитанников.

Появление в начальной школе ребенка из семьи мигрантов сразу обращает на себя внимание других детей, которые замечают, что «он не такой» (другой цвет кожи, разрез глаз, непривычная речь, одежда и т.д.). Практика показывает, что к детям из семей мигрантов относятся чаще всего с предубеждением, недоброжелательностью. Это создает некомфортную, напряженную, мешающую совместной детской жизни обстановку, обостряя проблемы воспитания. Поэтому одной из центральных задач, связанных с социальной адаптацией детей из семей мигрантов, становится обеспечение детям, их родителям и педагогам возможности спокойно жить и функционировать в условиях межнациональных контактов повседневного общения.

Важно, чтобы воспитательная работа с детьми в адаптационный период была ориентирована на приобретение ими положительного опыта эмоционально-нравственных переживаний посредством создания ситуаций успеха. Взаимодействие педагогов и родителей, которые лучше знают своего ребенка, при таком подходе обеспечат эффективность создания у детей эмоциональноположи-

тельной основы для проявления доброжелательного отношения друг к другу и установления взаимопонимания в общении и совместной деятельности (Корчагина, 2007, с. 31).

Педагогическое сопровождение процесса социализации должно ориентироваться на индивидуальные особенности ребенка. Кроме того, в этот период следует соблюдать принципы активной жизнедеятельности и субъективности, согласно которым социализация эффективна при условии активности ребенка как субъекта деятельности. Данные принципы ориентируют педагогов и родителей на взаимодействие в развитии у детей из семей мигрантов стремления и умения познать особенности новой среды обитания, влиять на отношения в ней, проявлять инициативу, активность в разрешении собственных проблем, в актуализации своей роли и значимости в системе межличностных отношений со сверстниками.

Практически всеми специалистами в данной области отмечается, что для процесса успешной адаптации детей мигрантов особое значение имеют речь, знание языка. Это позволяет ребенку адекватно изложить свое мнение и дать дополнительные разъяснения своей позиции; понять партнера по совместной деятельности и проявить готовность к поиску согласия или общего решения; поддержать диалог, выразить взаимное расположение и доброжелательность друг к другу. Как правило, дети из семей мигрантов с трудом осваивают новый для них язык в жизненной ситуации эмоциональной напряженности, тогда как в обстановке любви и отзывчивости проблем с развитием речи не наблюдается.

С психолого-педагогической точки зрения, адаптация и интеграция детей мигрантов означает необходимость учета в образовательном процессе индивидуальных особенностей учащихся, связанных с их культурной, социальной, этнической принадлежностью, организацию специализированного сопровождения, формирование толерантного сознания. Ведь ребенок, попадая в незнакомую ему среду, сталкивается со многими трудностями: культуры, языка, взаимоотношений со взрослыми, общения со сверстниками.

Резкое изменение привычных условий жизни, вызванное переездом семьи в другую страну или регион с иными культурными традициями, языком, приводит к размыванию типичных форм культурной самоидентификации людей, серьезному дискомфорту, который переживают даже взрослые, не говоря уже о дезориентации детей всех возрастов.

Миграционная педагогика – социально-педагогическая работа с детьми мигрантов.

Сейчас большинство иммигрантов – русскоязычные, среди них преобладают русские и представители других народов России. Главной причиной их иммиграции (репатриации) в Россию служат трудности адаптации к новым социально-политическим и экономическим реалиям в странах, где они оказались после распада СССР. С другой стороны, отсутствие языковых и культурно-бытовых проблем, общность менталитета, образования и другие факторы облегчают их адаптацию к российским условиям. Репатриация российских соотечественников из новых независимых государств, стала важнейшей компонентой миграционных процессов России конца XX – начала XXI вв.

В целом проблема иммиграции для России оказалась новой и неожиданной. Вряд ли ее удастся целиком решить только законодательными мерами. Потребуется участие местных властей и гражданского общества, потребуется время, для того чтобы привыкнуть к постоянным миграционным потокам. Однако решать проблему обязательно придется – Россия стала привлекательной страной для иммиграции, и это надолго.

2014–2015 гг. ознаменовались тем, что в Россию начали прибывать беженцы из Украины, а с ними дети, по причине военных действий в стране.

Дети-мигранты – одна из наиболее уязвимых категорий, нуждающаяся в особом содействии. В связи с этим встает вопрос об оказании ребенку-мигранту социально-педагогической поддержки, помощи в решении социальных, педагогических и психологических проблем. Дети-мигранты находятся в особенно трудных условиях: ребенок-мигрант отличен от среды своего нового местожительства по своей культуре; он является, как правило, выходцем из малообеспеченных слоев общества; социально не защищен, не знает или плохо знает школьную систему и в процессе интеграции рискует утратить родной язык и культурные особенности своей личности (Любезнова, 2010, с. 39).

По современным статистическим данным России из числа обучающихся от 30 до 50 % – дети из семей мигрантов ближнего и дальнего зарубежья: в основном это дети трудовых мигрантов со слабым знанием или незнанием русского языка; отсутствием достаточных знаний для социализации об основах российского законодательства, культуры, истории, традиций; все эти дети испытывают значительные трудности как в адаптации к новым условиям обучения, так и во взаимоотношениях в школьной среде.

Опыт работы с детьми-мигрантами позволяет выделить типичные психологические трудности этих детей.

Все проблемы можно подразделить на три основные группы:

- 1) проблемы, связанные с нарушением общения детей;
- 2) проблемы, связанные с эмоциональными нарушениями (детские страхи);
- 3) прочие проблемы, преимущественно связанные с нарушением здоровья детей.

Проблема общения наиболее распространена среди детей-мигрантов. Те, кто приступает к учебе, вынужден в школьной ситуации показывать свое умение общаться: с классным руководителем, с другими учителями, со школьной администрацией и, самое главное, с одноклассниками и другими учащимися. И вот здесь могут возникнуть и возникают различные сложности, которые в случае их несвоевременного решения могут перерасти в следующие проблемы: дети мигрантов часто испытывают трудности в общении с одноклассниками (прежде всего мешает недостаточная развитость навыков общения с детьми другой языковой культуры).

Многие дети к моменту поступления в начальную школу не умеют знакомиться со сверстниками, не знают, как вежливо обратиться к другому ребенку, как вежливо отказать. Плохо ориентируются в понятиях «мое», «твое», «общее», могут брать без разрешения чужие вещи. Кроме того, навыки взаимодействия, с которыми приходят в школу дети мигрантов, часто оказываются неадекватными в новой социальной среде (например, приезжие дети могут считать оскорбительными слова и выражения, которые не являются таковыми в местной детской культуре). В связи с этим все более актуальной для педагогики становится проблема социальной адаптации ребенка к новым условиям жизни, к изменившемуся социуму.

Дети младшего возраста из семей мигрантов – особая группа, и учителям важно понимать их психологическое состояние. Многие из этих детей испытали на себе дискриминацию и ненависть населения в местах прежнего проживания и часто переживают неприязнь окружения, в которое попадают на новом месте. При этом дети уже имеют культурный опыт (акцент, манеры, взгляды, привычки) социальной среды, частью которой они являлись в прошлом.

Специалисты отмечают глубокие изменения в видении мира, себя и своего будущего даже у самых маленьких детей. Эмиграция, потеря родины и привычного окружения, чужая языковая

среда – это группа факторов, большой степени предопределяющих запуск противоправных форм поведения у подростков.

Именно формирование толерантности как важной социально-нравственной характеристики современного человека начинается в период дошкольного и младшего школьного периода. Поэтому несомненна ведущая роль образовательных учреждений в процессе формирования значимых структурных компонентов личности.

Психолого-педагогическое сопровождение включает ряд аспектов:

1) психолого-педагогическое сопровождение детей, которое обеспечит максимально комфортное вхождение в новую среду, поможет снизить тревожность детей, уровень агрессивности, раскрыть индивидуальные особенности;

2) языковая адаптация, предусматривающая изучение русского языка в дополнение к обязательным урокам;

3) социокультурная адаптация (знакомство с людьми, средой проживания, социальными условиями, культурными нормами, культурно-историческими традициями, менталитетом, литературой).

Выделим основные воспитательные задачи в работе с детьми мигрантов:

– формировать у детей доброжелательное отношение к людям другой социальной принадлежности;

– быть готовыми к обсуждению проблемных ситуаций, связанных с нарушением общения людей;

– организовывать совместную деятельность;

– уметь находить конструктивные решения, удовлетворяющие все конфликтующие стороны;

– развивать потребность к познанию нового малознакомого социума.

Формы работы педагогов с родителями детей-мигрантов могут быть следующие:

– индивидуальные консультации с детьми мигрантов (по запросу);

– выявление интересов и склонностей ребенка;

– вовлечение во внеурочную деятельность, в секции, контроль их посещения;

– индивидуально-групповые занятия с детьми мигрантов по русскому языку;

– профилактика асоциального поведения и проблем в обучении, общении;

- занятия – тренинги, направленные на сплочение коллектива (по необходимости);
- проведение недели толерантности;
- привлечение детей мигрантов к участию в классных и школьных мероприятиях (Фомичева, Хухдаев, 2013, с. 57).

Сделаем некоторые выводы. Прежде всего, стоит отметить, что для своевременного выявления проблем детей-мигрантов в школах, необходимы научные исследования в этой сфере на систематической основе. Такой мониторинг, итоги которого будут обсуждаться в СМИ и профессиональном сообществе, позволит диагностировать проблемы по мере их возникновения и избежать последствий, которые могут представлять собой реальную угрозу российскому обществу, в том числе в очень долгосрочной перспективе, по мере вхождения в жизнь бывших школьников – детей мигрантов (Чибисова, 2013, с. 9).

Создание положительного отношения к сотрудничеству. Нужно убедить детей, что работать вместе с другими детьми интересно, сама работа часто позволяет сделать то, чего не сделаешь в одиночку, а теплые чувства к партнерам сохраняются и после окончания общего дела.

Чувствовать эмоциональное состояние детей, своевременно реагировать на их слова, жесты, мимику и т.п., адекватными средствами выражать собственные чувства и обсуждать предполагаемое эмоциональное состояние подростков.

Все вышесказанное способствует установлению контакта с детьми мигрантов и их родителями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Волкова, Т. Как слово наше отзовется. Особенности работы с билингвами (дети-мигранты) / Т. Волкова, Е. Кудрявцева // Классное руководство и воспитание школьников. – 2013. – № 10. – С. 14–16.
2. Галоян, Я. Э. Педагогическая поддержка детей-мигрантов в поликультурном образовательном пространстве : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Галоян А. Э. – Ростов н/Д, 2004. – 20 с.
3. Корчагина, Ю. Национальные различия и детские конфликты / Ю. Корчагина // Здоровье детей. – 2007. – № 10. – С. 30–32.
4. Лобас, М. А. Особенности психологической адаптации детей-мигрантов в русскоязычной школе [Электронный ресурс] / М. А. Лобас. – URL: <http://www.dissercat.ru>

5. Любезнова, Л. И. Дети разных народов в современной школе / Л. И. Любезнова // Социальная педагогика. – 2010. – № 1. – С. 38–44.

6. Плющ, А. Н. Связь субъективной картины мира с эмиграционными намерениями / А. Н. Плющ, Н. И. Басманова, А. А. Лисневская // Вопросы психологии. – 2014. – № 6. – С. 52–64.

7. Фомичева, А. Е. Методика «Мозаичный класс» как форма осуществления межкультурного диалога / А. Е. Фомичева, О. Е. Хухлаев // Справочник классного руководителя. – 2013. – № 7. – С. 52–57.

8. Хухлаев, О. Не такой, как все. Психологическая адаптация детей-мигрантов из инокультурной среды в начальной школе / О. Хухлаев // Школьный психолог. – 2008. – № 3. – С. 19–21.

9. Чибисова, М. Как айсберг в океане. Об адаптации учеников-мигрантов / М. Чибисова // Классное руководство и воспитание школьников. – 2013. – № 2. – С. 8–11.

ПРОКРАСТИНАЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ

***М. А. Киселева, Н. Е. Шустова,
О. В. Карина (г. Балашов, Россия)***

Жизненное пространство личности динамично развивается, наполняется новыми ценностными смыслами, отношениями и ожиданиями. Включаясь в социальные взаимодействия, личность не только адаптируется в окружающей реальности, но и глубже узнает себя, оценивает собственное жизненное пространство. Чем реалистичнее человек воспринимает череду событий собственной жизни, тем эффективнее его перспективы будущего.

Человек может совершать ошибки или достигать успеха, но в любом случае, он ориентирован на позитивные или негативные аспекты своего жизненного сценария. Личность, которая устремлена в прошлое попадает в капкан не критичного оценивания собственных ресурсов, снижая тем самым шансы на переживание всей полноты актуальных моментов жизни. Данное обстоятельство активизирует возникновение процесса прокрастинации, то есть ситуации временной отсрочки реализации актуальных целей на неопределенный срок. Если человек, фиксирует свои устремления на настоящем, без анализа опыта прошлого, он также включается в процесс прокрастинации, так как ему приходится переживать вновь неотрефлексированные ситуации. Личность, ориентированная на бу-

дущее, но нереалистично воспринимающая прошлое и настоящее, так же включена в ситуацию прокрастинации. Данный вопрос изучается нами в рамках научно-исследовательского проекта «Психологический анализ влияния прокрастинации на процесс самоопределения молодежи», осуществляемого при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-06-00228а).

В психологической практике изучением вопроса прокрастинации в разное время занимались: П. Стилл (прокрастинация как способ избегания вызывающих отвращение задач), У. Симпсон, Т. Пичил и Дж. Феррари (теория нагнетания напряжения «возбуждающая» прокрастинация), К. Лэй (теория взаимосвязи прокрастинации и особенностей личностных характеристик), Ф. Зимбардо (теория временной перспективы), Н. Г. Гаранян (идея связи перфекционизма и прокрастинации), Я. И. Варваричева (закономерности протекания процесса прокрастинации) и др. В самом общем плане под сущностью прокрастинации понимается откладывание личностью важных, актуальных дел на некоторый (неопределенный временной срок).

В рамках статьи рассмотрим одним из аспектов изучения проблемы прокрастинации, а именно, - взаимосвязь данного явления с жизненным пространством личности и в целом с ее мировосприятием. Личность, находящаяся в ситуации прокрастинации, как правило, имеет ряд негативных фиксаций в сфере антиципации временной перспективы. Данное состояние основано на неотрефлексированном и зафиксированном в сознании опыте неудачи при столкновении с трудноразрешимыми задачами. Прокрастинатор, как правило, менее адаптирован в социуме и некритично воспринимает собственные ресурсы, а также менее склонен по сравнению с непрокрастинаторами использовать внешние резервы окружающих.

Нам в контексте сказанного близка научная идея К. Юнга (Юнг, 1991), согласно которой признается, положение о том, что жизненная реальность – это то, что «снаружи нас» и то, что «внутри нас». Иными словами, можно предположить, что тесная связь бессознательных установок, а так же осознанных экспектаций, формируют у личности индивидуальное восприятие событий реальности. Причем, чем негативнее присвоенный (и некритично отрефлексированный) опыт, тем пессимистичнее оценивает личность собственное жизненное пространство.

Личность всегда находится в динамичном пространстве реальных событий, а также в поле ожидаемых перспективных ситуаций (в контексте переживания, предвосхищения), ее сознание хра-

нит опыт прошлого. В жизненное пространство, по сути, включена также система поведенческих, эмоциональных, когнитивных реакций, которые поддерживают вектор движения личности к целям (или его ограничивают/задерживают). Следует, однако, сделать уточнение – ситуативный фактор в контексте анализа индивидуального восприятия жизненного пространства играет немаловажную роль (Левин, 2001). Вероятно, это связано с тем, что динамическим изменениям подвержены и внешние и внутренние детерминанты самоощущения в пространстве объективной реальности.

Сходную точку зрения транслировал Э.Толмена, последователь К. Левина. Э. Толмен исследовал пути восприятия мира и построения на данной основе жизненных стратегий. Наиболее эффективным методом Э. Толмен считал «когнитивную карту», которая «накапливает» всю отрефлектированную личностью информацию и определяет дальнейшую активность (или стагнацию) человека (Толмен, 1980).

Если личность некритично переработает информационный пласт, то следующим актом будет фиксация на задуманных планах, как на труднодостижимых, и как следствие активизируется процесс прокрастинации.

Необходимо уточнить, что процесс прокрастинации, по своей природе можно условно назвать бинарным. Деструктивное влияние прокрастинации – бесспорно, но данный процесс может выступать и как защитный механизм, как временная мера облегчения переживаемой ситуации, когда жизненное пространство оценивается личностью как нересурсное или враждебное.

Однако данное условное обозначение прокрастинации как «меры облегчения» может носить долгосрочный характер, тем самым погружая прокрастинатора в лавину невыполненных дел. Как отмечал Дж. Брунер, жизненное пространство, как модель реальности, познается эффективно только через активное познание этой реальности (Брунер, 1974).

Факт остается фактом, что сознание личности многомерно и его структурные компоненты взаимодействуют. В частности, В. П. Зинченко отмечает взаимосвязь структурных компонентов сознания и восприятия жизненной реальности посредством рефлексивного и бытийного слоев. К рефлексивному слою В. П. Зинченко относит базовые ценности, экспектации, когнитивные утверждения личности, а к бытийному слою – предметность мира, деятельные аспекты и др. (Зинченко, 1991) Вне сомнения, процесс прокра-

стинации запускается рефлексивным слоем сознания и сдерживает позитивные инновации в бытийном слое.

В этой связи, хотелось бы акцентировать внимание на научной идеи В. В. Петухова, который предложил свое видение структуры сознания личности. Исследователь указывает на наличие внешних (поверхностных) и внутренних (ядерных) компонентов сознания (Петухов, 1984). По мнению ученого, к поверхностным структурам относятся индивидуальные представления о реальности, а к ядерным – базовый конструкт восприятия мира. Рефлексивный слой сознания гибко и динамично реагирует на различного рода воздействия, ядерный слой более укоренен.

На наш взгляд, в данном случае, процесс прокрастинации возникает как эффект интроконфликтного состояния личности между ядерным и поверхностным слоями. Личность, субъективно оценивая трудности как сверхэнергозатратные, воспринимает собственные ресурсы как дефицитарные. Происходит некорректная переоценка опыта прошлого (акцентуация неуспеха), и человек начинает имитационно заполнять жизненное пространство реализацией второстепенных задач. Создается искусственный эффект «загруженности» результатами и эффект ложного продвижения вперед. Это приводит к тому, что ресурсы истощаются, а желаемые планы остаются не достигнутыми.

Следует отметить, что личность, включая защитные механизмы, находит аргументы своему промедлению. Жизненное пространство воспринимается как насыщенное, качественно и позитивно измененное. Позитивные результаты от достигнутых мало-важных целей, позволяют личности символически пережить квазиэффективность. Итог от подобных паллиативных действий, как правило, неутешителен и вызывает стресс, чувство вины за промедление в действиях, что, в свою очередь, мощно отражается на восприятии перспектив собственного жизненного пространства.

Таким образом, резюмируя сказанное, можно заключить, что прокрастинация снижает органистическое восприятие реальности и зримо сужает инновационные перспективы жизненного пространства личности. Данный аспект проблемы прокрастинации требует дальнейших исследовательских действий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Брунер, Дж. Психология познания / Дж. Брунер. – М. : Педагогика, 1974. – 412 с.

2. Зинченко, В. П. Проблема внешнего и внутреннего как становление и реализация образа себя и мира / В. П. Зинченко // Мир психологии. – 1991. – № 1. – С. 24–38.

3. Левин, К. Динамическая психология / К. Левин // Избр. труды. – М. : Смысл, 2001. – 572 с.

4. Петухов, В. В. Образ мира и психологическое изучение мышления / В. В. Петухов // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. – 1984. – № 4. – С. 13–21.

5. Толмен, Э. Когнитивные карты у крыс и у человека / Э. Толмен // Хрестоматия по истории психологии ; под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. – С. 63–69.

6. Юнг, К. Архетип и символ / К. Юнг. – М. : Ренессанс, 1991. – 304 с.

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ С ЭКСТРАВЕРТНЫМ И ИНТРОВЕРТНЫМ ТИПОМ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

Н. А. Ковалева, М. С. Ионова (г. Саранск, Россия)

В последнее время в социологических и социально-психологических исследованиях особый интерес представляют процессы адаптации и аккультурации мигрантов, оптимальная реализация которых обеспечивает построение конструктивных отношений в системе принимающего сообщества. Главной характеристикой, или даже можно сказать, квинтэссенцией адаптации мигрантов является формирование социально адекватного поведения или определенного стереотипа социальной активности, приемлемого в новой социокультурной среде.

Общепризнанным считается факт тесной взаимосвязи индивидуально-психологических особенностей мигрантов и специфики их адаптивных процессов. В зарубежной и отечественной социальной психологии существует ряд теоретических концепций, раскрывающих смысловое содержание данной взаимосвязи. В качестве наиболее распространенных можно назвать теорию социальной идентичности; теорию, базирующуюся на локусе контроля; теорию селективной миграции; теорию ценностных различий и пр. Например, согласно положениям теории, базирующейся на локусе

контроля, адаптация мигрантов с экстернальным локусом контроля осуществляется более проблематично по сравнению с адаптацией мигрантов, характеризующихся интернальным локусом контроля.

В данной статье представлены результаты эмпирического исследования особенностей социальной адаптации мигрантов с преобладающим экстравертным или интровертным типом личностной направленности. Согласно позиции К. Г. Юнга под экстравертом следует понимать определенный тип личности, который характеризуется направленностью на растрачивание собственной энергии и «движением» ее по направлению к окружающим объектам, а под интровертом – тип личности, склонный к накоплению психической энергии и «движению» ее во внутренний мир.

В процессе эмпирического исследования использована методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, а также тест К. Г. Юнга на определение психологического типа. В качестве респондентов выступили иностранные студенты Мордовского государственного педагогического института (граждане Туркменистана, Таджикистана, Узбекистана) в количестве 40 человек. В табл. 1 представлены результаты статистической обработки данных с помощью критерия ранговой корреляции Спирмена, отражающие взаимосвязь показателей социально-психологической адаптации и экстраверсии-интроверсии как типа направленности личности.

Таблица 1

Взаимосвязь показателей социально-психологической адаптации и экстраверсии-интроверсии

Тип направленности личности	Интегральные показатели по методике диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда					
	Адаптация	Самопринятие	Принятие других	Эмоциональная комфортность	Интернальность	Стремление к доминированию
Экстраверсия	0,105	-0,312	0,623**	0,184	0,348	0,459*
Интроверсия	-0,229	0,071	0,398	0,534*	0,718**	0,09

$p < 0,05^*$ (гкр – 0,45); $p < 0,01^{**}$ (гкр – 0,57).

Полученные результаты демонстрируют отсутствие прямой (или обратной) корреляционной связи между типом личностной

направленности (экстраверсии-интроверсии) и эффективностью адаптивных процессов.

Тем не менее, становится очевидным, что так называемый тип личностный направленности (или психологический тип) может определять особый способ социально-психологической адаптации. Экстраверты адаптируются за счет активного принятия других и последующего построения широкого круга социальных отношений, стараясь при этом выбирать позицию доминирования, а не ведомости ($r'_{\text{эмп}} = 0,459^*$ при $p < 0,05$). Также большая выраженность тенденции к принятию других у экстравертов может ориентировать их на активный поиск социальной поддержки в трудных жизненных ситуациях ($r'_{\text{эмп}} = 0,623^{**}$ при $p < 0,01$). Интроверты за счет более высокого показателя интернальности или интернального локуса контроля склонны брать на себя ответственность за происходящие события ($r'_{\text{эмп}} = 0,718^{**}$ при $p < 0,01$). Тем самым в случае неудачи они предпринимают попытки исправлять или корректировать собственные личные недостатки с целью достижения последующих успехов в сфере социальных отношений, учебно-профессиональной или трудовой деятельности. Данный факт подтверждается положениями теории адаптации, базирующейся на локусе контроля, а также в исследованиях, посвященных влиянию прогностических способностей на процесс адаптации (Ковалева, Ионова, 2014, с. 71).

Согласно точке зрения самого К. Г. Юнга о процессе адаптации, действительно существует два психологических способа приспособления: первый заключается в «способности постоянно растрачиваться, распространяться, внедряться во все», а второй – в тенденции обороняться от внешних требований и воздерживаться от всякой затраты энергии (насколько возможно), направленной на объект, «но зато создавать для себя самого возможно более обеспеченное и могущественное положение» (Юнг, 2001, с. 412). Первый способ соответствует экстравертному типу, а второй – интровертному.

В связи с этим обнаруженная корреляционная связь между показателями «интроверсия» и «эмоциональная комфортность» ($r'_{\text{эмп}} = 0,534^*$ при $p < 0,05$) выступает логически целесообразной. Интроверты склонны при взаимодействии с окружающим внешним миром создавать так называемую зону эмоциональной комфортности, которая выполняет функцию предостережения от чрезмерной напряженности при столкновении с нежелательными

социальными воздействиями. Поскольку внешний мир быстро вводит интровертов в состояние перевозбуждения. Тем не менее, в процессе социальной адаптации границы данной зоны постепенно «расширяются» (ровно настолько, насколько это остается комфортным для интроверта), делая возможным увеличение количества социальных контактов, а также включенность в более широкий диапазон разных видов деятельности.

Представленные результаты эмпирического исследования, характеризующие особенности социальной адаптации лиц с экстравертным и интровертным типом направленности могут быть осмыслены в контексте следующих положений.

«Экстраверты могут многое предложить нашему обществу: они легко самовыражаются, сконцентрированы на результатах, обожают толпу и действие» (М. Лейни, с. 17). Когда речь идет о приобретении знаний и опыта, экстраверты – «внешники», как правило, «забрасывают широкие сети», в то время как интроверты – «внутренники» предпочитают сосредоточиться на чем-то одном и доходить до самых глубин. М. Лэйни пишет: «Многим интровертам кажется, что они недостаточно знают о каком-то предмете, до тех пор пока не узнают о нем практически все. ... интроверты в состоянии представить размах знаний по тому или иному предмету. ... пытаясь избежать этого ужасного момента пустоты в голове, они перерабатывают как можно больше информации по заданной теме. ... поскольку они не часто высказывают свои мысли вслух, они не имеют возможности получить обратную информацию, которая помогла бы им оценить истинный масштаб своих знаний» (Лейни, 2003, с. 11).

Другая важная особенность, отличающая интровертов от экстравертов, заключается в источнике энергии. Безусловно, эта особенность проявляется в процессе адаптации к новой социокультурной среде, во многом определяя ее способ. Интроверты черпают энергию из своего внутреннего мира (идей, эмоций, впечатлений) и «консервируют» ее.

Экстраверты заряжаются энергией от внешнего мира (от действий, людей, мест и вещей). К. Г. Юнг называет их «расточителями энергии». По его мнению, «длительные периоды бездействия, внутреннего созерцания, или одиночества, или общения только с одним человеком лишают их смысла жизни» (Юнг, 2001, с. 117).

Важно отметить, что особенности приспособления экстравертов и интровертов к новой социокультурной среде следует также рассматривать и в контексте отдельных этапов адаптивного

процесса. Согласно гипотезе J. E. Gullahorn и J. T. Gullahorn о так называемой U-образной кривой адаптации, существуют следующие пять этапов описываемого процесса: начальный этап адаптации, характеризующийся оптимистичными ожиданиями, позитивным эмоциональным фоном и большими надеждами на будущее; второй этап, связанный с появлением первичных негативных воздействий новой среды на переселенца; третий этап – максимальное проявления симптомов культурного шока (чувство полной беспомощности, возникновение психосоматических расстройств и т.д.); четвертый этап – появление оптимизма и ощущения удовлетворения у мигрантов вследствие позитивного опыта установления социальных контактов; пятый этап характеризуется полной адаптацией, т.е. взаимным соответствием среды и индивида (Gullahorn, 1963, p. 41).

Учитывая вышеизложенное, можно сформулировать следующие предположения. На первоначальных этапах социально-психологической адаптации интроверты находятся в более выигрышном положении, чем экстраверты: во-первых, благодаря склонности к интернальному локусу контроля, интроверты ставят более реалистичные цели и чувствуют себя ответственными за происходящие жизненные события; во-вторых, они имеют больше возможности для восстановления энергии, чем экстраверты, поскольку период адаптации неизбежно предполагает переживание одиночества. Далее, на третьем и четвертом этапах адаптации психологическая реабилитация после переживания культурного шока у экстравертов должна осуществляться более эффективно – внешняя направленность сознания (на «объект») в большей степени способствует установлению оптимальных взаимоотношений с представителями принимающего сообщества, вследствие чего становится возможным удовлетворение важных социогенных потребностей: в любви, дружбе, признании и уважении и т.п. (Ионова, Ковалева, 2013, с. 59).

Данные гипотетические положения представляют область дальнейших исследований проблематики индивидуально-психологических особенностей адаптации мигрантов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гриценко, В. В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России / В. В. Гриценко. – М. : Наука, 2002. – 252 с.

2. Ионова, М. С. Динамика ностальгических переживаний студентов-первокурсников из национальных диаспор / М. С. Ионова, Н. А. Ковалева // Социализация и воспитание подростков и молодежи в институтах общего и профессионального образования: теория и практика, содержание и технологии : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 28–29 октября 2013 г. – Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. – С. 58–59.

3. Ковалева, Н. А. Взаимосвязь особенностей прогнозирования и показателей социально-психологической адаптации мигрантов / Н. А. Ковалева, М. С. Ионова // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире : материалы 2-й Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. В. Константинов. – М. : Изд-во «Перо», 2014. – С. 69–72.

4. Лэйни, М. Непобедимый интроверт: как преуспеть в экстравертном мире / М. Лэйни. – М. : Эксмо, 2003. – 384 с.

5. Юнг К. Г. Психологические типы / К. Г. Юнг ; под общ. ред. В. В. Зеленского. – СПб. : Азбука, 2001. – 736 с.

6. Gullahorn, J. E. An extension of the U-curve hypothesis / J. E. Gullahorn, J. T. Gullahorn // Journal of Social Issues. – 1963. – № 19 (3). – P. 33–47.

ВЛИЯНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ НА ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И ГРУППОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

А. С. Коповой (г. Балашов, Россия)

Присвоение человеком тех или иных культурных кодов и ценностей начинается с первых лет его жизни, когда значительную часть времени его восприятие мира формируется ближайшим окружением. Поэтому уже в раннем детстве растущая личность получает первые уроки «правильного» и «неправильного» (с точки зрения значимых взрослых) восприятия мира. Ребенок отмечает реакции взрослых людей на те или иные социальные явления, включая телепрограммы, художественные фильмы, а так же их способы оценки и индивидуальные предпочтения, что, в конечном счете, определяет формирование его собственного стиля медиапотребления.

В процессе и результате этнокультурной идентификации человека, его индивидуальное сознание подключается к «иммунной

системе» коллективного сознания, в основании которой можно обнаружить архетипы коллективного бессознательного (Юнг, 1991). Отечественные и зарубежные исследования показывают, что национальная культура как одна из форм коллективного сознания может предоставлять весьма значительные дополнительные ресурсы и стимулы для психического развития личности (В. А. Шкуратов, А. В. Сухарев...). При этом каждый отдельный элемент культурной традиции (включая разного рода обычаи, обряды, речевые обороты, пословицы и эпические предания, содержащие универсальные образцы для идентификации) может выполнять какую либо функцию в отношении социального поведения отдельных носителей традиции. Опираясь на указанные исследования и проанализировав эмпирические данные, полученные в ходе собственных исследований, можно прийти к выводу, что присутствующие в коллективном этническом сознании инструменты культуры (нормы, ценности, предписания и др.) могут выполнять по отношению к поступающей из медиaprостранства информации следующие функции:

– функцию оценивания, предполагающую существование специальных этнокультурных норм/критериев, позволяющих отделять важное от неважного, приоритетное от второстепенного, актуальное от неактуального и производить соответствующую категоризацию информации;

– функцию ограждения, предполагающую существование тех или иных этнокультурных фильтров, защищающих представителей этнических групп от нежелательной информации, чрезмерно агрессивного речевого или медиавоздействия, от не критического восприятия деструктивных медиасообщений и т.д.;

– функцию стимулирования/направления личностного развития, предполагающую существование внутрикультурных ориентиров, направляющих медиапотребителей к получению определенной информации, способствующей их личностному самораскрытию и профессиональной реализации (Смирнов, Коповой, 2012).

Особую категорию составляют коллективные нормы, обычаи, пословицы и присказки и иные культурные инструменты, предписывающие стратегии освоения полученной информации, способы ее применения в повседневной жизни человека. Их особенность заключается в том, что эти предписания, как правило, исходят не из «глубин народной мудрости», а из образовательного пространства и прямым образом связаны с характером образовательных программ, общим уровнем образованности населения.

Если рассматривать медиа-пространство современной России, необходимо, прежде всего, вспомнить, что российская ментальность представляет собой уникальный сплав культурных традиций Востока и Запада, а, следовательно, отличается равной восприимчивостью к архетипически укорененным символам и унифицированным знаковым системам. Однако это не означает, что в культурном пространстве России достаточно проявлены все указанные функции. Вследствие того, что прошлые поколения россиян не придавали особого значения умениям и навыкам критического оценивания и отсева информации, из трех вышеназванных функций в достаточной мере развита лишь функция направления индивидуального развития. Так, например, «среднестатистический» россиянин получает в ходе первичной социализации необходимый и стандартный объем знаний о культурных артефактах, историческом становлении своего народа и народов мира, и на их основе может определять вектор собственного культурного развития. Но в то же время его никто целенаправленно не оснащает соответствующими инструментами и методами для оценки достоверности, полезности или вредности различных сообщений, сведений, медиатекстов. Умения и навыки их оценивания формируются в большинстве случаев стихийно, так как в массовой культуре почти отсутствуют соответствующие инструменты. Испытывающий трудности с оцениванием степени полезности/вредности поступающей информации, современный россиянин еще в меньшей степени огражден от любого рода агрессивных информационных воздействий, источников информации пытающихся использовать его инстинкты, страхи, элементарную некомпетентность. Не случайно, только за последнее столетие в России были обмануты или введены в заблуждение весьма внушительные массы народа. Доверчивыми и наивными «массами», как оказалось, может легко манипулировать относительно немногочисленная «социальная прослойка», состоящая из политиков, идеологов, финансовых махинаторов, наркочиллеров, специалистов по рекламе и маркетингу. И хотя на уровне массовой культуры постепенно формировались и стихийно передавались от поколения к поколению некие нормы, предписания, выполняющие функции оценивания и ограждения в отношении деструктивной информации, этот процесс постоянно и катастрофически отставал (и продолжает отставать) от развития соответствующих технологий убеждения и вовлечения, применяемых криминальными структурами, идеологическими и финансово-экономическими институтами.

К сожалению, достаточно слабое развитие в России получили культурные инструменты (и соответствующие им модели поведения), предполагающие различные стратегии применения получаемой информации. Такая ситуация не случайна: в современной российской образовательной среде не достаточно разработаны специальные методики, позволяющие формировать потребность в активном применении получаемых знаний. Разного рода рекомендации на эту тему, как правило, немногочисленны, имеют достаточно размытый и противоречивый характер. Весьма распространены случаи, когда человек оказывается не способным применить для повышения качества своей жизни более 2–3 % из полученных сведений, знаний. Как показал наш экспресс-опрос 320 молодых людей в возрасте 18–23 лет, значительная их часть (48 %) оказалась не готовой ответить на простой вопрос «Как ты применяешь/используешь в своей жизни знания получаемые из Интернета?» (Долгов, Коповой, Малюченко, Смирнов, 2009).

Не лучшим образом культурные нормы и предписания по отношению получаемой личностью информации развиваются и в странах Восточной и Западной Европы. Проведенный нами социально-психологический анализ типичных сценариев поведения и реакций европейских медиапотребителей, показывает, что в их среде так же достаточно распространена низкая критичность в отношении поступающей информации, высокой эмоциональной вовлеченностью и, как следствие, предрасположенностью к интроекции тенденциозно поданной медиа-информации. Европейские медиапотребители начиная с 50-х гг. прошлого века приучались к существованию в условиях тотальной рекламной экспансии.

Следует отметить следующий интересный факт: в культурном пространстве Запада всегда были востребованы и популярны модернистские эксперименты в рамках различных направлений искусства. Так, с начала XX в. появился целый ряд направлений в изобразительном и музыкальном искусстве, возвращенных на идеях «бунтарства» и ломки традиционных культурных стереотипов, таких как, например, «дадаизм», «минимализм», «кубизм». При этом, особо отметим, что в рамках авангардных и модернистских направлений искусства, описанные выше функции ограждения и оценивания не могут найти применения и теряют всякий смысл. Парадокс заключается в том, что существенной особенностью языковой и письменной традиции стран Восточной Азии является ее многовариантность, подвижность, отсутствие жестких рамок и

неизменных шаблонов. И поскольку в коллективном сознании коренных жителей этих стран исходно не существует жесткой заданности письменных норм и языковых структур, не трудно понять, почему разного рода «модернистские» эксперименты в литературном творчестве не воспринимаются ими как некое «новое слово» (Долгов, Коповой, Малюченко, Смирнов, 2009).

Интернет-активность населения в восточно-азиатском регионе имеет ярко выраженную этнокультурную специфику, что становится очевидным, например, при анализе людей отношения к поисковым системам. Если в странах Запада наибольшую популярность среди поисковых системы получили такие транснациональные гиганты как Google, Yahoo, то интернет пользователи Восточной Азии отдают значительное предпочтение своим регионально-национальным поисковым системам. Так, в КНР при более чем 200 миллионах активных пользователей, 75 % всех поисковых запросов реализуется через китайский национальный поисковик Baidu, с явным преобладанием иероглифически выстроенного контента (<http://computerra.ru/>). При этом молодое поколение китайцев отличается и опережающими темпами освоения мобильных средств доступа в интернет (www.mediarevolution.ru). Стоит также отметить, что многие страны Востока (например, Китай, Малайзия и др.) также стали лидерами по темпам внедрения узловых интернет-фильтров, что, с одной стороны, вызывает поддержку большей части взрослого населения этих стран, а с другой свидетельствует о проявлении на коллективном уровне функции ограждения от деструктивной информации (Долгов, Коповой, Малюченко, Смирнов, 2009).

При всей гибкости подходов к способам передачи и социально значимой информации, восточная мегакультура ориентирована на подавление межпоколенных конфликтов, поддержание внутригрупповой иерархии, жесткую заданность поведения личности в микросоциуме, четкое проигрывание внутригрупповых ролей вплоть до самоубийства, например, в случае возникновения ролевого конфликта. Поэтому в странах Востока более востребованы функции оценивания и ограждения от деструктивной информации, что реализуется через контроль соответствия привходящей информации этнокультурным нормам и традиционным ценностям. А поскольку, как было отмечено выше, коллективные нормы и традиционные ценности не вызывают у большинства жителей Восточной Азии негативные, протестные реакции, их сознание в большей степени сфокусировано на поиске и оценке информации

связанной с инновационным развитием, с новыми способами производства и технологиями, что так же способствует развитию общей информационной культуры в обществе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Юнг, К. Архетип и символ / К. Юнг. – М. : Ренессанс, 1991.
2. Долгов, Ю. Н. Развитие культуры медиапотребления: социально-психологический подход / Ю. Н. Долгов, А. С. Коповой, Г. Н. Малюченко, В. М. Смирнов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2009.
3. Смирнов, В. М. Психология медиа-безопасности : учеб. пособие / В. М. Смирнов, А. С. Коповой. – Саратов : Саратовский источник, 2012.

ЛИЧНОСТНЫЙ РЕСУРС ТРУДОВЫХ ИММИГРАНТОВ-ЖЕНЩИН, РАБОТАЮЩИХ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

*Л. Н. Котлярова, О. М. Кузнецов,
Е. А. Орличенко (г. Москва, Россия)*

Одним из главных векторов процессов глобализации является резкое возрастание миграции населения, охватившей почти все континенты и страны, все слои населения. На этом фоне четко прослеживаются закономерности: усиление концентрации мигрантов в развитых странах и крупных мегаполисах.

Среди миграционных проблем, с которыми сталкиваются различные регионы, принимающие мигрантов, есть общие и специфические. Глобальной общей проблемой является низкая готовность регионов регулировать миграционные процессы на различных уровнях организационно-административного управления.

Многими современными теоретиками обосновано представление о том, что адаптационный период в жизни иммигрантов характеризуется повышенной напряженностью, а эффективность социальной и культурной адаптации зависит от их личностного потенциала и умений его использовать, а также от внешних факторов (Балл, 1989; Налчаджян, 2004; Солдатова, 2008). Эмпирическое изучение механизмов адаптации, поведенческих стратегий и роли

личностного потенциала в процессах социализации, является актуальной научной темой, имеющей практическое значение для разработки новых и коррекции действующих социальных программ, направленных на создание условий, необходимых для благоприятной социокультурной и личностной адаптации мигрантов.

Теоретические аспекты, на которых основывается настоящее эмпирическое исследование адаптации, подробно изложены в ранее опубликованных нами работах (Котлярова, Сысоева, 2015). Адаптированность многими авторами определяется как психическое состояние, достигнутое в результате реализации личностного адаптационного потенциала. В качестве критериев адаптации могут выступать социальные, экономические, организационные, личностные, поведенческие факторы.

Целью настоящего исследования является изучение особенностей адаптации и личностного потенциала у иммигранток-женщин, прибывших в нашу страну из стран Ближнего зарубежья (стран СНГ), трудоустроившихся на предприятиях промышленного производства и ориентированных на продолжительное трудовое взаимодействие с работодателем.

При формировании выборки учитывались следующие факторы: пол-женщины, возраст – от 25 до 40 лет, образование – техническое и экономическое, место трудоустройства – промышленные предприятия, расположенные в Центральном регионе страны. Все участники трудоустроены в соответствии с действующим законодательством и с учетом профессионально-квалификационного потенциала. Объем выборки – 86 человек. При планировании и проведении диагностического исследования учитывался временной фактор – период пребывания в новой среде (опросы и психодиагностические исследования проводились в первые недели после трудоустройства и в конце первого года работы).

Исследование основано на сравнительно-лонгитюдном, системном и личностно-ориентированном подходах. Полученные в исследовании данные были подвергнуты математико-статистической обработке, применялся анализ различий, кластерный и факторный анализ. При сборе данных применяли традиционные подходы и программы Psychometric Expert 6, SurveyMonkey.

Для определения степени адаптированности участников исследования к профессиональной деятельности на предприятиях использовался опросник «Оценка удовлетворенностью работой» (Райгородский, 2009).

Опросник «Мнение о деятельности и отношениях в организации» разработан нами, включает 120 вопросов, может использоваться в форме опроса или интервью. Методика позволяет выявить мнение о причинах увольнения, о позитивном и деструктивном влиянии на процессы профессиональной адаптации/дезадаптации психологических, организационных, эргономических, социальных и экономических факторов (рабочее пространство; информационные потоки, касающиеся содержания деятельности и конкретных служебных задач; график работы; удовлетворенность работой; взаимоотношения с руководителем и сотрудниками коллектива; самочувствие; управление рабочим временем; удовлетворенность оплатой труда и социальным пакетом; отношение к программам мотивирования деятельности; организационная культура; условия для развития профессиональных компетенций и личностного потенциала; др.).

Для определения личностных особенностей использовали многофакторный опросник Р. Кеттелла (16PF), выявляющий 20 факторов личности (16 – первого порядка и 4 – второго порядка) (Леонов, 2013).

Способность личности выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя внутреннюю сбалансированность и не снижая успешность деятельности, определялась с помощью методики Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой «Тест жизнестойкости» (Леонтьев, Рассказова, 2006). Жизнестойкость рассматривается авторами методики как система представлений личности о себе, о мире, об отношениях с миром. Шкалами теста являются: жизнестойкость (интегральная характеристика) и ее составляющие – вовлеченность, контроль, принятие риска.

Для выявления восприятия времени и поведенческих стратегий во временной перспективе, использовался Зимбардо (Зимбардо, 2014).

Личностный адаптационный потенциал (ЛАП) определялся с помощью опросников А. Г. Маклакова, С. В. Чермянина – «Многоуровневый личностный опросник – "Адаптивность"» (аббревиатура автора – «МЛО-АМ») (Маклаков, 2009) и В. П. Ростовского – «Адаптационный потенциал» и «Механизмы адаптации» (Ростовский, Котлярова, 2010).

Рассмотрим результаты опросов. По фактору «адаптированность» к профессиональной деятельности, отражающему итог процесса адаптации, ее успешность-неуспешность, в выборке вы-

делены три группы. В первую группу, составляющую 43 % от выборки, вошли респонденты, набравшие высокие баллы по данному фактору. Во вторую группу (26 % от выборки) включены респонденты со средними показателями по фактору «адаптированность». Третья группа (31 % от выборки) образована из числа уволившихся в течение первого года работы (12 % от выборки) и переведенных на другие должности (менее сложные) в пределах предприятия (19 % от выборки) в течение года.

В соответствии с целью настоящей работы, рассмотрим особенности адаптационного потенциала в группах с самыми высокими (первая группа) и самыми низкими (третья группа) показателями по фактору «адаптированность».

Анализ результатов опроса и интервью респондентов первой группы показал, что все сотрудницы проработали на предприятии в течение года, довольны своим статусом в организации и результатами деятельности, выстраивают перспективные планы своего профессионального развития в пределах предприятия, положительно оценивают: организацию деятельности и условия труда, организационную культуру, отношения в коллективе и рабочие коммуникации. По мнению респондентов, их успешной профессиональной адаптации в наибольшей степени способствовали организационные и психологические факторы, а в наименьшей степени – экономические (а именно – размер заработной платы и дополнительные выплаты). Следует отметить, что всеми участниками выборки была отмечена высокая удовлетворенность материальными стимулированием. Данный фактор можно объяснить тем, что на всех предприятиях, на которых работали участники исследования, выполнялись условия трудового и коллективного договоров.

Эффективному протеканию профессиональной адаптации сотрудников из данной группы способствовали такие личностные черты (выявленные в результате диагностического исследования по тесту 16PF), как: дисциплинированность, стремление к порядку, ответственность, эмоциональная зрелость, высокий самоконтроль поведения, организованность, развитые навыки и умения планирования, адекватные притязания, самодостаточность. Результаты опроса по методике А. Г. Маклакова, определяющей адаптационный потенциал личности, подтверждают выявленные особенности личностных факторов.

Высокой адаптивности также способствовали: конструктивные поведенческие стратегии, определявшиеся по методике

В. П. Ростовского (обращение за поддержкой к группе, стремление к рационализации и накоплению потенциала) и убежденность в том, что выбранный ими собственный путь и высокая вовлеченность в профессиональную деятельность, дают максимальный шанс в реализации своих профессиональных интересов и получении удовольствия от работы (результаты опроса по методике «Тест жизнестойкости»). При опросе по методике Зимбардо, в профиле временной перспективы (составленном по усредненным показателям данной группы) выявлена центрация опрашиваемых на позитивном настоящем времени.

Анализ результатов опроса и интервью в группе с низкими показателями по фактору «адаптированность», позволил выявить следующие особенности. Прежде всего следует обратить внимание на то, что все респонденты данной группы (при опросе) отметили низкую удовлетворенность деятельностью и своим социально-ролевым статусом в организации. К наиболее значимыми причинам, влияющими на принятие решения об увольнении, опрошенные относят (в ранговом порядке): несоответствие представлений о характере деятельности реальным условиям труда; график работы; организация рабочего пространства; недостаточно четкая постановка со стороны руководства производственных задач; неудовлетворенность сложившейся в организации системой коммуникаций в целом; недостаточное внимание со стороны руководителя к потребностям и запросам нового сотрудника.

В числе причин увольнения или низкой адаптированности отмечены организационные и личностные факторы. Наиболее слабое влияние на принятие решения об увольнении, по мнению респондентов, оказывают экономические факторы. Опрос показал, что сотрудники с низкими показателями по фактору «адаптированность» считают, что на процессы низкоэффективной адаптации/дезадаптации значительное влияние оказывает недостаточность личностных ресурсов сотрудников, либо отсутствие внешних факторов, способствующих его раскрытию. Влияние организационных и социальных факторов оценивается как умеренное, но не являющееся решающим. В качестве фактора, не влияющего на эффективность адаптации, считают экономический.

В группе испытуемых с низкими показателями адаптированности, заостренными являются следующие личностные черты: повышенная эмоциональность, низкая ответственность, склонность к выраженной мечтательности, избыточная прямолинейность, ригидность, импульсивность, напряженность, тревожность.

При опросе по методикам А. Г. Маклакова и В. П. Ростовского, в данной группе выявлена тенденция к снижению показателей по всем составляющим адаптационного потенциала. Наиболее низкие показатели выявлены по факторам: адаптация во внутреннем образе «Я», адаптация к информационным потокам, адаптация к графику работы и энергетическим затратам, адаптация во времени, адаптация в системе межличностных отношений со студентами группы и коммуникацией с преподавателями.

Результаты, полученные по методике «Тест жизнестойкости» говорят о том, что специалисты с низкой адаптированностью переживали чувство отвергнутости, испытывали ощущение себя «вне жизни» и беспомощность, но при этом склонны к риску, рассматривают жизнь как способ приобретения опыта, готовы действовать в отсутствие надежных гарантий успеха.

По результатам опроса по методике Зимбардо, в данной группе прослеживаются два типа профиля: с центрацией на негативном прошлом времени и отдаленном негативном будущем. Но в целом, можно предположить о выраженности у всех участников данной группы признаки стресса или нервно-психического напряжения.

Обобщая результаты, можно сделать вывод о том, что у 74 % трудовых мигрантов-женщин, при трудоустройстве на российских предприятиях промышленного производства, адаптация завершается успешно на всех уровнях (социально-культурном, профессиональном, личностном). У 26 % сотрудников в статусе трудовых мигрантов процессы адаптации низкоэффективны на всех уровнях.

На основе выявленных закономерностей составлены рекомендации для социально-психологических служб предприятий по организации психологического сопровождения трудовых мигрантов-женщин с целью формирования и совершенствования личностного ресурса необходимого для эффективной социально-культурной и личностной адаптации, способствующей активной включенности сотрудников в профессиональную деятельность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Балл, Г. А. Понятие адаптации и его значение для психологии личности / Г. А. Балл // Вопросы психологии. – 1989. – № 1. – С. 99–100.
2. Зимбардо, Ф. Время как лекарство / Ф. Зимбардо, Р. Сворд, Р. Сворд. – СПб. : Питер, 2014.
3. Котлярова, Л. Н. Исследование особенностей адаптации молодых специалистов при первичном трудоустройстве на промышленных предприятиях / Л. Н. Котлярова, Е. В. Сысоева // Экономико-

психологические проблемы принятия экономических решений в условиях глобальных изменений : материалы Всерос. науч. конф. (Москва 16–20 ноября 2015 г.). – М. : Спутник+, 2015. – С. 138–142.

4. Леонов, Н. И. Методы изучения конфликтов и конфликтного поведения / Н. И. Леонов. – М. : НОУ ВПО Моск. психол.-соц. ун-т, 2013.

5. Леонтьев, Д. А. Тест жизнестойкости / Д. А. Леонтьев, Е. И. Расказова. – М. : Смысл, 2006.

6. Маклаков, А. Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях / А. Г. Маклаков // Психологический журнал, 2001. – Т. 22, № 1. – С. 16–24.

7. Налчаджян, А. А. Этнопсихология : учеб. для вузов / А. А. Налчаджян. – СПб. : Питер, 2004.

8. Ростовский, В. П. Педагогика и психология / В. П. Ростовский, Л. Н. Котлярова. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2010.

9. Солдатова, Г. У. Социокультурная адаптация и психологическое здоровье вынужденных мигрантов / Г. У. Солдатова, Л. Шайгерова // Психологическая помощь мигрантам в России: исследования и практика. – М., 2003. – С. 14–54.

«ФЕМИННОСТЬ» СЕМЕЙНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ У МАЛЬЧИКОВ-ПОДРОСТКОВ ИЗ СЕМЕЙ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ

И. Р. Крупник (г. Херсон, Украина)

Важность значения представлений молодого поколения о своей будущей семейной жизни трудно переоценить. Представление о семье, установки, ожидания оказывают большое влияние на взаимоотношения будущих супругов друг с другом и с детьми. В свою очередь прочность брака и совместимость супругов, успешность материнства и отцовства зависят от благополучия родительской семьи и моделей родительского и супружеского поведения.

По мнению таких ученых, как Л. В. Аргентовой А. М. Бережной, Н. А. Докторович, Т. И. Димновой, Г. В. Католик, М. И. Мушкевич, Н. В. Солнцевой, С. А. Терехиной и других, воспитание ребенка в дисфункциональной семье, несет вероятность искажений в его семейных представлениях. Негативный, феминный или аморфный образ мужчины может сформироваться у мальчиков из неполной семьи (Пухова, 1996, с. 14). Маскулинную модель поведения выбирают женщины, которые являются выходцами из дисфункциональных

семей и феминную – мужчины (Солнцева, 2006, с. 5). Размытое, нечеткое осознание себя в роли мужа, ведет сначала к искажению в полоролевой идентификации, а в будущем приводит к различиям в представлениях о собственном отцовстве, к модели, характерной больше для женского типа поведения в семье, которая скорее всего закрепится у его потомков мужского пола (Левченко, 2009, с. 6). Теплое, позитивное общение с отцом, является важным фактором для эмоционального благополучия подростка, для развития маскулинности мальчиков и феминности девочек-подростков (Калина, 2007).

Наше исследование касается изучению семейных представлений детей, которые живут в дистантных семьях, вследствие того, что один из родителей (или оба) находятся в трудовой миграции. Дистантную семью относят к дисфункциональным, поскольку она неспособна выполнять свои основополагающие функции.

Гипотеза нашего исследования состояла в том, что у мальчиков из семей трудовых мигрантов, в результате периодического отсутствия одного из родителей (как правило отца), возможны более «феминные» представления о семейной жизни, о супружеских ролях и обязанностях. В свою очередь у девочек возможно более «маскулинные» представления о семейной жизни.

В исследовании приняли участие подростки 13–14 летнего возраста из семей: трудовых мигрантов и полных функциональных. По данным сделанного нами опроса детей трудовых мигрантов, при отъезде родителей, с родственниками старшего поколения остается 20 подростков, с отцом или с более взрослыми братьями (сестрами) по 4 ребенка соответственно и 60 детей остаются с матерью (68 % от выборки).

Для проверки гипотезы была проведена диагностика с помощью следующей батареи методик: опросники «Превентивная удовлетворенность браком» С. В. Ковалева; «Измерение установок у супругов» Ю. Е. Алешинной; «Ваша потребность в детях». Также были задействованы две проективные методики: сочинение-рассказ «Моя будущая семья» и рисунок «Моя будущая семья». Мы считаем целесообразным на технологическом уровне использовать корреляционный анализ Пирсона (в работе принимались во внимание взаимосвязи с уровнем значимости от $p \leq 0,05$).

А. П. Чернов представление о семье предлагает представить в виде мыслительных моделей, которые представляют достаточно устойчивые образования. Мы считаем что наличие одинаковых корреляций между показателями по методикам помогут выявить схожие «мыслительные» модели в исследуемых выборках. Таким об-

разом, наличие значительного количества сходных корреляций между отдельными показателями методик (характеризующих различные стороны образа будущей семьи), по нашему мнению может свидетельствовать о образовании специфических взаимосвязей между компонентами семейных представлений. Иначе говоря, можно выделить своего рода комплекс подобных образов, моделей семейного взаимодействия. Чем больше подобных взаимосвязей у детей между показателями отдельных методик, которые характеризуют сферы семейных представлений, тем похожими будут представления о будущей семье в целом.

Изложение основного материала. В рамках данной статьи рассмотрены корреляции между показателями методики «Превентивное удовлетворение браком» и показателями других методик. Корреляционные связи между показателем уровня превентивной удовлетворенности браком и показателями других методик у детей из семей мигрантов (мальчики) и полными функциональными семьями (девочки) представлены в табл. 1.

Таблица 1

Связи между показателем уровня превентивной удовлетворенностью браком и другими показателями семейных представлений у детей из семей трудовых мигрантов (мальчики) и детей из полных функциональных семей (девочки)

Методики	Показатели методик	Превентивная удовлетворенность	
		дети из семей мигрантов (мальчики) (n = 40)	дети из семей полных функциональных семей (девочки) (n = 38)
«Ваша потребность в детях»	Показатель «рождение ребенка – это потеря лучшей части своей жизни»	0,316	0,501
	Показатель «рождение ребенка – это большая физическая нагрузка»	0,320	0,325
	Показатель «рождение ребенка – это материальные трудности»	0,344	0,402
Рисунок «Моя будущая семья»	Критерий «отсутствие конфликтов, показателей враждебности»	0,325	0,421
Сочинение «Моя будущая семья»	Критерий «выбор жены (мужа) не столько через физическую привлекательность, сколько по личностным характеристикам»	0,326	0,330

В выборке из семей-мигрантов и респонденток из полных семей установлены подобные связи с показателем «рождение ребенка, это потеря лучшей части своей жизни» (методика «Ваша потребность в детях») ($r = 0,316$ при $p \leq 0,05$ у детей-мигрантов и $r = 0,501$ при $p \leq 0,01$ у детей из полных семей), «рождение ребенка это большая физическая нагрузка» ($r = 0,320$ при $p \leq 0,05$ у детей-мигрантов и $r = 0,325$ при $p \leq 0,05$ у девушек из полных семей), «рождение ребенка это материальные трудности» ($r = 0,344$ при $p \leq 0,05$ у детей-мигрантов и $r = 0,402$ при $p \leq 0,05$ у девушек из полных семей). Данные корреляционные связи указывают на существование зависимости между уровнем превентивной удовлетворенности браком и готовностью тратить свое время на ребенка, более легким восприятием возможных трудностей которые возникают при заботе о ребенке. С проективным рисунком существуют одинаковые взаимосвязи по критерию «отсутствие конфликтов, показателей враждебности» ($r = 0,325$ при $p \leq 0,05$ у детей-мигрантов и $r = 0,421$ при $p \leq 0,01$ у девочек из полных семей). Установленная положительная корреляционная связь свидетельствует о том, что чем менее конфликтной подростки представляют свою будущую семью, тем выше у них уровень превентивной удовлетворенности браком. Выявлена зависимость между критерием оценивания рассказа «Моя будущая семья» – «Выбор жены (мужа) не столько через физическую привлекательность, сколько по личностным характеристикам» ($r = 0,326$ при $p \leq 0,05$ у детей-мигрантов и $r = 0,330$ при $p \leq 0,05$ у девушек из полных семей) выявляет очень важный комплекс представлений. Чем более достойным, по мнению респондентов, по личностным качествам окажется будущий избранник, тем выше будет уровень превентивной удовлетворенностью браком.

В табл. 2 представлены результаты корреляционного анализа показателей методики «Превентивная удовлетворенность браком» с показателями других методик в выборке детей из семей трудовых мигрантов.

С помощью корреляционного анализа было установлено, что показатель уровня превентивной удовлетворенности браком имеет больше схожих взаимосвязей с показателями других методик в пределах выборки детей мигрантов, а не по половому критерию. Так, только у детей из семей трудовых мигрантов, существует прямая связь между уровнем превентивного удовлетворения браком и высказыванием из теста «Ваша потребность в детях»: «рож-

дение ребенка – это радость в доме» ($r = 0,447$ при $p \leq 0,01$) у девочек и ($r = 0,315$ при $p \leq 0,05$) у мальчиков, и между уровнем превентивного удовлетворения браком и критерием оценивания сочинения «Моя будущая семья» – «наличие детей» ($r = 0,304$ при $p \leq 0,05$) у девочек ($r = 0,344$ при $p \leq 0,05$ у мальчиков).

Таблица 2

Связи между показателем уровня превентивной удовлетворенностью браком и другими показателями семейных представлений у детей из семей трудовых мигрантов

Методики	Показатели методик	Превентивная удовлетворенность	
		Мальчики ($n = 40$)	Девочки ($n = 48$)
«Ваша потребность в детях»	Показатель «рождение ребенка – это радость в доме»	0,315	0,447
	Показатель «рождение ребенка это – укрепление семьи и чувств между супругами»	0,345	0,396
	Показатель «рождение ребенка это – расстройство; напряжение в семье»	0,440	0,315
	Показатель «рождение ребенка это – зависимость от бабушек и дедушек»	0,517	0,298
Сочинение «Моя будущая семья»	Критерий «наличие детей»	0,344	0,304
«Измерение установок у супругов»	Показатель по шкале «отношение к любви романтического типа»	0,330	0,446

Сравнение взаимосвязей с другими выборками. У мальчиков из семей мигрантов и из полных семей одинаковые корреляции между уровнем превентивной удовлетворенности браком и показателями других методик отсутствуют.

У девочек из семей гастарбайтеров корреляционные связи по показателям методик прослеживаются с показателями внутри выборки детей мигрантов. С остальными выборками совпадение корреляций незначительное и тенденция «маскулинности» семейных представлений не прослеживается. Вероятно из-за того, что в большинстве своем, в семье трудовых мигрантов происходит депривация потребности в общении с отцом.

Исходя из этих данных, установлено тенденцию большего сходства в семейных представлениях мальчиков и девочек из семей трудовых мигрантов. Что, по нашему мнению, свидетельствует об образовании специфических представлений о семье в данной выборке. Следует также сделать вывод, что сходство в семейных представлениях мальчиков из семей мигрантов и девочек из полных функциональных семей, является следствием более феминного воспитания в семьях трудовых мигрантов, вследствие периодического отсутствия отца, что является частичным подтверждением нашей гипотезы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аргентова, Л. В. Представления женщин из неполных родительских семей о лицах противоположного пола : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Аргентова Л. В. – Томск, 2007. – 165 с.
2. Бережная, А. М. Развитие представлений о брачном партнере у студенок педагогических вузов : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Бережная А. М. – Ставрополь, 2007. – 21 с.
3. Калина, О. Г. Влияние образа отца на эмоциональное благополучие и полоролевою идентичность подростков : дис. ... канд. психол. наук / Калина О. Г. – М., 2007. – 152 с.
4. Левченко, А. В. Представления о собственном отцовстве у мужчин и факторы, их обуславливающие : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Левченко А. В. – Краснодар, 2009. – 28 с.
5. Мушкевич, М. І. Психологічні особливості впливу батьківської сім'ї на молоде подружжя : автореф. дис. ... канд. психол. наук / М. І. Мушкевич. – Рівне, 2002. – 21 с.
6. Пухова, Т. И. Развитие представлений о семейных отношениях у детей / Т. И. Пухова // Вопросы психологии. – 1996. – № 2. – С. 14–23.
7. Солнцева, Н. В. Ценностно-смысловая организация картины мира личности выходцев из семей с алкогольной зависимостью : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Солнцева Н. В. – СПб., 2006. – 22 с.

СТРАТЕГИИ АККУЛЬТУРАЦИИ ИММИГРАНТОВ-РОДИТЕЛЕЙ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В. Н. Куприянова (г. Москва, Россия)

Миграционные процессы стали глобальной проблемой в мире и неотъемлемой частью жизни современного общества. Начиная с девяностых годов прошлого столетия и по настоящее время, при-

ток мигрантов в Россию непрерывно возрастает. Численность учеников младших классов из семей мигрантов (трудовых и претендующих на получение гражданства) также увеличивается с каждым годом. Дети, мигрировавшие с семьями из другой языковой и культурной среды, сталкиваются с проблемами этнокультурной социализации и личностной адаптации. Для успешной адаптации в новой среде, детям мигрантов необходимо освоить новый язык, правила поведения и отношений, принятые в принимающем обществе, развить личностный потенциал.

Анализ информационных источников по проблемам регулирования миграционных процессов показал, что подавляющее большинство исследователей и практиков отмечают необходимость оказания активной помощи родителям-мигрантам и их детям по аккультурации и интеграции в обществе, в котором они планируют устраивать свою жизнь (Стефаненко, 2000; Почебут, Мейжис, 2010).

Изучение особенностей адаптации семей мигрантов и разработка технологий, направленных на создание наиболее благоприятных условий для эффективной социализации и адаптации детей и юношей, является одной из актуальных проблем в психолого-педагогических науках в настоящее время.

Значительную роль в обеспечении эффективной социализации и интеграции детей-мигрантов в общество принимающей стороны играет начальная школа. Задачей образовательных организаций является оказание психолого-педагогической помощи, направленной на создание благоприятных условий для эффективной адаптации к школьной жизни.

Опыт педагогического сопровождения адаптации учащихся начальной школы из семей мигрантов дальнего зарубежья представлялся в ранее опубликованной работе автора (Куприянова, 2014). Анализируя данные собственного исследования, было установлено, что родители из группы детей с самыми низкими показателями эффективности адаптированности, оказались менее успешными (по сравнению с другими группами) в системе детско-родительских взаимоотношений; их адаптационный потенциал оказался низким. Стало ясно, что они нуждаются в психолого-педагогической поддержке с целью приобретения собственного опыта эффективной социализации. Поэтому, нами (педагогами совместно с родительским комитетом) была разработана и реализована программа, направленная на повышение их личностного

потенциала, необходимого для обеспечения успешной адаптации детей. Подводя итоги деятельности в этом направлении, было выявлено, что у половины родителей повысились личностные ресурсы, необходимые для адаптации, а у второй половины существенных сдвигов в отношении развития личностного потенциала не обнаружено. Было выдвинуто предположение о том, что на социально-психологическую адаптацию мигрантов-родителей влияют процессы аккультурации, которые необходимо учитывать.

Поэтому, целью настоящей работы явилось изучение стратегий аккультурации родителей и поиск взаимосвязей с эффективностью адаптации детей младшего школьного возраста.

В исследовании участвовали иммигранты (прибывшие в Россию из различных азиатских стран, находящиеся в процессе оформления российского гражданства и трудовые мигранты, ориентированные на продолжительные отношения с работодателем), являющиеся родителями детей младших школьников. Возраст участников исследования – от 25 до 34 лет. В выборке (38 человек) – 92 % женщин и 8 % мужчин.

В основе исследования лежат теории аккультурации Д. Берри (Берри, Пуртинга, 2007) и личностной адаптации, развиваемые отечественными исследователями. В соответствии с теорией Д. Берри, представители этнических меньшинств при адаптации к жизни в крупных мегаполисах придерживаются одной из четырех стратегий: сепарации, ассимиляции, интеграции и маргинализации.

Для определения стратегий аккультурации и мотивации к этнокультурной преемственности, использовалась методика, разработанная Н. Лебедевой и А. Татарко (Татарко, Лебедева, 2011). В каждой шкале представлены утверждения, которые оцениваются по 5-и балльной шкале (1 балл – абсолютное несогласие, 5 – абсолютное согласие).

Шкала стратегий аккультурации включает 16 вопросов, по 4 вопроса для оценки каждой четырех стратегий аккультурации: сепарации, ассимиляции, интеграции и маргинализации. Диапазон оценок – от 4 до 20.

Шкала мотивация к этнокультурной преемственности состоит из 5 вопросов. Диапазон оценок – от 5 до 25 баллов.

Для определения адаптационного потенциала использовали технологию В. П. Ростовского, которая описывалась в ранее опубликованной нами работе. Для оценки степени адаптированности использовался только один интегральный показатель, отражающий общий адаптационный потенциал личности (ОАП).

В выборке были выделены группы по степени выраженности адаптационных возможностей. Для сравнения взяты группы родителей (мигрантов) с высокими и низкими показателями адаптированности.

В табл. 1 представлены средние значения показателей стратегий аккультурации и показателей мотивации к этнокультурной преемственности.

Таблица 1

Сравнение средних значений показателей стратегий аккультурации (СА) в группах с высокими и низкими показателями показателями по фактору «адаптированность»

Шкалы методики	Усредненные показатели СА в группах:	
	с низкими показателями адаптированности	с высокими показателями адаптированности
Стратегия «Ассимиляция»	8,0 ± 0,86	6,4 ± 0,90
Стратегия «Маргинализация»	10,3 ± 1,30	6,1 ± 0,31
Стратегия «Сепарация»	7,3 ± 0,33	10,2 ± 0,50
Стратегия «Интеграция»	6,8 ± 0,24	17,3 ± 2,40

Приведенные данные показывают, что у родителей-иммигрантов с высокими показателями адаптированности ведущей стратегией аккультурации является «интеграция». Второй по степени выраженности в профиле, является стратегия «сепарации». Отвергаемыми являются стратегии стратегии «ассимиляции» и «маргинализации».

В группе с низкими показателями по фактору «адаптированность» ведущей стратегией аккультурации оказались стратегии «маргинализация». Второй по степени выраженности – стратегия «ассимиляция». Наиболее слабо выраженной оказалась стратегия «интеграция».

Полученные данные позволяют предположить, что мигранты, находящиеся в процессе аккультурации и выбирающие стратегии «интеграция» и «сепарация», направленные на принятие культуры принимающей страны при одновременном сохранении собственной культуры, гораздо быстрее адаптируются к новым условиям и развивают свой личностный потенциал. По мнению Д. Берри, разработавшего модели аккультурации, сочетание этих двух стратегий не противоречат друг другу, так они являются независимыми.

Мигранты, находящиеся в процессе аккультурации и выбирающие стратегию «маргинализация», направленную на отказ от обеих культур, медленно адаптируются к новым условиям, не развивают свой адаптационный потенциал.

С точки зрения результатов аккультурационного процесса (социокультурной и психологической адаптации), к наиболее успешным стратегиям относят интеграцию, а к наименее успешным – маргинализацию (Лебедева с соавт., 2003). Сепарация в основном способствует хорошей психологической адаптации, а ассимиляция может быть связана с успешной социокультурной адаптацией.

В дальнейшем планируется изучение взаимосвязей стратегий аккультурации и стратегий адаптации мигрантов-родителей и адаптационным потенциалом их детей в младшем школьном возрасте.

На основе полученных результатов существенно дополнена действующая программа содействия со стороны родительского комитета родителям-мигрантам в их социокультурной и личностной адаптации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Берри, Дж. Кросс-культурная психология. Исследования и применение / Дж. Берри, А. Пуртинга. – Харьков : Гуманитарный центр, 2007.
2. Куприянова, В. Н. Из опыта педагогического сопровождения адаптации учащихся начальной школы из семей мигрантов дальнего зарубежья / В. Н. Куприянова // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире : материалы 2-й Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. В. Константинов. – М., 2014. – С. 91–97.
3. Лебедева, Н. М. Межкультурный диалог : Тренинг этнокультурной компетентности / Н. М. Лебедева, Т. Г. Стефаненко, О. В. Лунева. – М., 2003.
4. Почебут, Л. Г. Социальная психология / Л. Г. Почебут, И. А. Мейжис. – СПб. : Питер, 2010.
5. Стефаненко, Т. Г. Психология межэтнических отношений / Т. Г. Стефаненко // Этнопсихология. – М. ; Екатеринбург, 2000.
6. Татарко, А. Н. Методы этнической и кросскультурной психологии / А. Н. Татарко, Н. М. Лебедева. – М. : Издат. дом Высш. шк. экономики, 2011.

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРИНИМАЮЩЕГО СООБЩЕСТВА И СПЕЦИФИКА ПРОЖИВАНИЯ МИГРАНТОВ

Т. В. Лапшина, В. В. Константинов (г. Пенза, Россия)

На протяжении нескольких десятилетий психологи исследуют феномен субъективного благополучия, однако, до настоящего времени не сформулирована его универсальная интерпретация. Так, Р. М. Шамионов интерпретирует субъективное благополучие через дефиницию «отношение», как отношение человека к себе, своей личности, жизни и процессам, которые имеют существенное значение для самой личности с точки зрения интернализованных нормативных представлений о внутренней и внешней среде, которое характеризуется ощущением удовлетворенности (Шамионов, 2012).

Большая часть исследователей сходятся во мнении, относительно структуры субъективного благополучия, выделяя когнитивную, эмоциональную и конативную составляющие. Когнитивный компонент представляет собой общее представление, отражает удовлетворенность жизнью в целом и включает самооценку жизни. Эмоциональный компонент выражается в эмоциях, относящихся к различным областям жизни или событиям и может проявляться как в позитивных, так и в негативных переживаниях. Поведенческий компонент включает в себя отношение к миру, контроль над обстоятельствами. Определение детерминант благополучия требует выявления социально-культурных и личностных / индивидуальных факторов, а также их взаимодействия. Среди иных факторов не редко выделяют роль этнического состава окружения.

Проблемное поле субъективного благополучия актуализуется в связи с экономическими и социальными изменениями, ускорением темпа жизни, смещением ценностных критериев в обществе. Это психологическое явление учитывается при исследовании процессов социализации, самоактуализации, вопросов социально-экономической эффективности общества и других (Рябиченко, Лебедева, 2014). В условиях взрывного роста миграционных процессов, нами актуализуется необходимость изучения субъективного благополучия представителей принимающего коренного местного населения, что особенно на современном этапе развития европейской цивилизации. Для большинства принимающих стран имми-

миграция позволяет решить ряд важных экономических, прежде всего, вопросов (нехватка трудовых ресурсов, депопуляционные тренды и т.п.). В этом контексте, традиционно, миграция рассматривается более-менее позитивно. Однако, в современной Европе против иммиграции настроено 50–55 % населения, а пятая часть воздерживается от взаимодействия с мигрантами. Это можно объяснить ожиданием определенной угрозы от мигрантов. Воспринимаемые угрозы напрямую влияют на уровень субъективной удовлетворенности. Чаще всего выделяют угрозы экономической и культурной безопасности. Сущность экономической угрозы состоит в борьбе за ресурсы или социально-экономические условия. Основные объекты деления – это рабочие места, жилье, образование и другие. Помимо экономических факторов, выделяются и другие. Можно выделить культурную угрозу, состоящую в предполагаемом нарушении устоявшегося образа жизни и национальной идентичности. Эти факторы дополняют друг друга в процессе формирования отношения к мигрантам.

На сегодняшний день проводится серьезная работа по оказанию психологической помощи мигрантам. Существует ряд исследований, направленных на изучение взаимосвязи типа проживания мигрантов и особенностей их психоэмоциональной сферы. При этом практически упущен момент влияния процессов миграции на особенности субъективного благополучия принимающего населения. Исследование детерминант уровня благополучия, на наш взгляд, имеет важное значение для решения вопросов социализации, оказания психологической помощи.

Целью нашего исследования стало изучение взаимосвязи между социально-психологическими факторами субъективного благополучия представителей принимающего сообщества и их отношением к мигрантам, проживающим компактно или диффузно. Нами была сформулирована гипотеза о существовании взаимосвязи между отношением к мигрантам, проживающим компактно или диффузно, у представителей принимающего сообщества и их социально-психологическими факторами субъективного благополучия.

Под компактным типом понимается такая организация проживания мигрантов (инициированная органами власти или стихийно возникшая), при которой наблюдается их высокая концентрация на территории какого-либо населенного пункта с ограниченным ареалом проживания (многоквартирный дом, коттеджный

поселок). При диффузном типе проживания мигранты вынуждены, опираясь на собственные финансовые возможности, обустриваться, самостоятельно организуя свое проживание, причем концентрация мигрантов на территории населенного пункта, в котором они проживают, невысока (Константинов, 2005).

В пилотном исследовании, проведенном на территории Московской области, приняло участие 90 представителей коренного местного населения. Наша выборка гетерогенна по полу (36 мужчин и 54 женщины) и возрасту (от 24 до 57 лет). В первую группу (45 человек) вошли представители коренного населения, проживающие в местах компактного проживания мигрантов, во вторую (45 человек) – диффузного.

Нами был использован комплекс следующих методик: «Шкала субъективного благополучия» А. Perrudet-Badoux, G. Mendelssohn и J. Chiche, в адаптации М. В. Соколовой; Оксфордский опросник счастья (ОИ) М. Argyle; Тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева; Опросник враждебности А. Buss, А. Durkee (BDHI, адаптация С. Н. Ениколопова); Шкала тревоги Ch. Spielberger (STAI, в адаптации Ю. Л. Ханина); анкета И. М. Бадыштовой «Что вы знаете о мигрантах?».

Анализ полученных эмпирических данных позволил нам сделать следующие выводы. В группе испытуемых из числа местных жителей, проживающих в тесном соседстве с мигрантами, 100 % опрошенных считают, что отношение к мигрантам со стороны жителей их населенного пункта недружелюбное. В группе респондентов, не имеющих частых контактов с мигрантами, такой ответ выбрало всего 34 % испытуемых, остальные отметили безразличное отношение. Показательно, что значительная часть испытуемых (в обеих группах) на вопрос анкеты «Видите ли Вы что-то положительное в присутствии мигрантов в Вашем городе?» дала отрицательный ответ. Среди общего количества испытуемых такой ответ составил 72 %. Половина опрошенных из числа коренного населения, соседствующих с большим количеством мигрантов, на вопрос о том, где можно расселять приехавших мигрантов, дали следующий ответ: «нигде их не принимать, их нужно вернуть обратно». Среди испытуемых из числа местных жителей, проживающих в местах диффузного размещения мигрантов, такой ответ не выбран ни в одном из случаев. А ответ «в других местах, где есть свободное жилье и дефицит рабочей силы» на этот же вопрос дали 67 % респондентов из числа коренного населения в группе

диффузного проживания и 50 % в группе компактного проживания. Из отрицательных последствий приезда мигрантов 100 % опрошенных местных жителей, проживающих в условиях компактного проживания мигрантов, отметили вариант «из-за них повышается преступность». Такой же вариант ответа во второй группе выбрали всего 34 % опрошенных. Вариант ответа «мигранты развращают население» на этот вопрос выбрали 50 % респондентов, соседствующих с большим количеством мигрантов, и 34 % из группы диффузного размещения мигрантов. Такое же соотношение ответов приходится и на утверждение, что присутствие мигрантов позволяет работодателям снижать уровень зарплаты. При ответе на вопрос «Какие мигранты заслуживают помощи, сочувствия?» все местные жители, проживающие в зоне компактного размещения мигрантов, отметили ответ «только русские беженцы», причем для половины из них это был единственный выбранный вариант ответа на этот вопрос. Во второй группе этот ответ отметила только треть испытуемых. Две трети испытуемых во второй группе отметили, что помощи и сочувствия заслуживают пережившие стихийные бедствия, военные действия и теракты. В первой группе такой ответ не выбрал никто.

У всех опрошенных местных жителей, соседствующих с большим количеством мигрантов, отмечен умеренный уровень субъективного благополучия (средние оценки по тесту ШСБ). Состояние личности при таких показателях нельзя характеризовать как полный эмоциональный комфорт. Все испытуемые из другой группы, не имеющие частых контактов с мигрантами, характеризуются умеренным эмоциональным комфортом. Такой результат говорит об отсутствии глубоких эмоциональных диссонансов.

Исследование по шкале тревоги Спилбергера – Ханина не выявило значительных различий между группами как в уровне личностной, так и реактивной тревожности.

Исследование с применением опросника Басса и Дарки показало существенные различия среди двух групп испытуемых по суммарному индексу агрессии и суммарному индексу враждебности. Отмечена разница в следующих видах реакции: физическая агрессия, подозрительность, чувство вины. Так, представители местного населения, проживающие в местах, где мигранты размещены компактно, демонстрируют низкий уровень физической агрессии. Такой результат позволяет предположить определенную степень пассивности и конформности у данной группы испытуе-

мых. Для второй группы испытуемых не характерно превалирование какого-либо уровня выраженности данной реакции – все оценки равномерно распределены по всей шкале. Такое же соотношение между двумя группами отмечено и по шкале «чувство вины». По шкале «подозрительность» выявлено следующее соотношение. В группе местных жителей, не имеющих тесного соседства с мигрантами, у 67 % испытуемых отмечен низкий уровень подозрительности. Это говорит о достаточно высокой степени доверия к окружающим. У респондентов, проживающих по соседству с большим количеством мигрантов, такой результат получен только у трети испытуемых. Таким образом, представители этой группы более склонны ожидать от окружающих причинения вреда. Суммарный индекс агрессии ниже нормы у половины респондентов из числа местных жителей, проживающих в местах компактного размещения приезжих. Во второй группе низких показателей не выявлено. Индекс враждебности аналогично ниже нормы у 50 % испытуемых из числа коренного населения, проживающих по соседству с компактным размещением мигрантов. Во второй группе этот показатель ниже нормы у трети участников группы.

Применение Оксфордского опросника счастья (ОИ) также позволило выявить отличия в двух группах испытуемых. Две трети испытуемых в группе местных жителей, проживающих среди диффузного размещения мигрантов, имеют повышенный показатель счастья. В другой группе такого показателя не достиг никто.

Тест смысловых ориентаций Леонтьева выявил ряд отличий. По общему показателю осмысленности жизни треть испытуемых местных жителей, проживающих в условиях компактного проживания мигрантов, имеет значение ниже среднего. Выше среднего нет ни одного результата. Так же и с показателем результативности жизни. Обратная картина во второй группе. При диффузном размещении мигрантов 67 % из числа местных жителей показывает высокий уровень общей осмысленности жизни. Низких показателей в этой группе нет. У 34 % испытуемых из числа коренного населения, проживающих в условиях диффузного размещения мигрантов, отмечен высокий уровень Локус контроля-Я. В другой группе – такая же доля результатов попала в коридор «ниже среднего». Остальные ответы в обеих группах в пределах нормы. Локус контроль-Жизнь выше среднего у трети испытуемых, не имеющих тесного соседства с мигрантами. В группе испытуемых, проживающих среди компактно размещенных мигрантов, все значения по этому показателю в рамках среднего.

Отметим, что для 72 % от совокупного количества коренных местных жителей, принявших участие в исследовании, характерно негативное отношение к мигрантам. В группе испытуемых из числа местных жителей, проживающих в местах компактного размещения мигрантов, 58 % респондентов считает, что «Мигрантов нужно отправлять обратно». 100 % испытуемых в данной группе считают, что мигранты повышают уровень преступности. Помощи, по мнению представителей данной группы, заслуживают только русские беженцы.

Для представителей группы (67 %), состоящей из местных жителей, проживающих в районах диффузного распределения мигрантов, характерно мнение, что мигранты были бы полезны на территориях, где есть свободное жилье и рабочие вакансии. По мнению этой группы, помощи заслуживают все, испытавшие на себе последствия ЧС (теракты, войны, стихийные бедствия).

Коренные местные жители, проживающие в условиях низкой компактности размещения мигрантов, характеризуются более высоким уровнем субъективного благополучия, чем представители альтернативной группы. Представители принимающего сообщества, проживающее в местах большого скопления мигрантов, демонстрируют более выраженное отсутствие полного эмоционального комфорта.

Высокая степень концентрации мигрантов ведет к снижению как общего уровня субъективного благополучия, так и его отдельных составляющих.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Константинов, В. В. Социально психологическая адаптация вынужденных мигрантов в условиях диффузного или компактного проживания / В. В. Константинов // Психологический журнал. – 2005. – Т. 26, № 2. – С. 16–22.
2. Рябиченко, Т. А. Отношение к иммиграции и субъективное благополучие принимающего населения / Т. А. Рябиченко, Н. М. Лебедева // Общественные науки и современность. – 2014. – № 2. – С. 34–44.
3. Шамионов, Р. М. Психология субъективного благополучия (к разработке интегративной концепции) / Р. М. Шамионов // Мир психологии. – 2012. – № 2. – С. 143–148.

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К МИГРАНТАМ КАК ОСНОВА ДЛЯ ИХ УСПЕШНОЙ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ

И. Н. Логвинов (г. Курск, Россия)

Оказание действенной психологической помощи иностранным студентам в процессе социализации, в формировании позитивного отношения к социальным реалиям современной России, а также решение задач по модернизации всех сторон современного российского общества неизбежно вызывает закономерный интерес к феномену адаптации иностранных граждан в студенческих учебных группах российских вузов. Жизнью оказывается востребован как диагностический, так и прогностический аспект проблемы – необходимо знать, каковы личностные потенциалы студентов из ближнего зарубежья, обучающихся в российских вузах, каковы потенциалы тех учебных групп, членами которых они являются, насколько они реализуются применительно к конкретной социальной ситуации, от каких внешних и внутренних факторов зависит их адаптация.

Сегодняшние студенты из ближнего зарубежья, обучающиеся в российских вузах, завтра, в недалеком будущем, являются потенциальными политиками, руководителями активной части населения, как в отдельных регионах, так и своих стран в целом. Следовательно, диагностика и последующий прогноз особенностей адаптации иностранных студентов к обучению в российских вузах представляется актуальным как в теоретическом, так и в практическом отношении.

С другой стороны актуальность проблемы адаптации студентов из ближнего зарубежья к обучению в российском вузе обусловлена также необходимостью решения сложных задач, которые стоят как перед их родными странами, так и перед российским обществом. Процессы, протекающие в общественно-политической и экономической жизни, изменения производительных сил нашей страны ведут к возникновению конфликтных ситуаций в жизнедеятельности малых социальных групп.

Исследование социально-психологических механизмов адаптации студентов из ближнего зарубежья к обучению в российском вузе в целом, и в студенческой группе в частности дает возмож-

ность углубить изучение групповых феноменов, раскрыть личностные и групповые потенциалы. А затем на этой основе разработать рекомендации по оптимизации учебно-воспитательного процесса в вузе.

Нами было установлено, например, что на адаптацию студентов-иностранцев влияют такие факторы, как структура ценностных ориентаций личности, социальная установка на поведение в конфликтной ситуации (Дроздов, 2012; Логвинов, 2012). Поскольку часто студенты-иммигранты составляют меньшинство в студенческой группе, «растворяясь» в ней, поэтому большая роль в успешности их адаптации, по нашему мнению, принадлежит студенческим лидерам группы членства. И здесь на первый план выступает именно личность студенческого лидера, его биологические и социальные характеристики (Логвинов, 2011–2013; Сарычев, 2012–2013).

Что же касается мигрантов вообще, то в настоящее время проблема миграции выступила на первый план как в странах Восточной и Западной Европы, так и в нашей стране. Известно, что во всех субъектах нашей страны разработаны и активно реализуются специальные программы, предназначенные для успешной адаптации мигрантов-переселенцев, представителей русскоязычного населения, иммигрировавших из стран ближнего зарубежья, волей судьбы оказавшихся после распада СССР на территории бывших союзных республик в качестве национального меньшинства. Как правило, это высококвалифицированные специалисты, в которых нуждается современная российская экономика.

С другой стороны, проблема мигрантов из ближнего зарубежья обострилась в России в связи с государственным переворотом на Украине и приходом к власти представителей националистических, а зачастую и неонацистских сил, объявивших войну, а по сути дела геноцид, русскоязычному населению, проживающему на территории Восточной Украины. Это привело к огромному потоку мигрантов-украинцев с территории Донецкой и Луганской областей Украины, на которых велись боевые действия, в приграничные области РФ. Одной из таких областей и является Курская область, принявшая сотни украинских беженцев, обеспечив их кровом, одеждой, питанием. К сожалению, общая социально-экономическая ситуация в стране выступает в роли еще одного фактора, который негативно влияет на адаптацию украинских бе-

женцев к нормальной невоенной жизни. При этом для детей мигрантов выделяются бюджетные места в вузах, причем как для будущих студентов, так и для студентов вузов Донецкой и Луганской областей из ДНР и ЛНР. Кроме того, в вузах Курской области продолжают традиционно обучаться как студенты из ближнего, так и дальнего зарубежья. Поэтому проблема социально-психологическая адаптации мигрантов в Курской области стоит достаточно остро.

Организация исследования. Исходя из этого, целью нашего исследования является изучение эмоционального отношения студенческой молодежи к мигрантам как основы для их успешной социально-психологической адаптации.

В качестве объекта исследования выступили факторы, детерминирующие успешность социально-психологической адаптации мигрантов. Предметом исследования является эмоциональное отношение студенческой молодежи к мигрантам как основы для их успешной социально-психологической адаптации. В соответствии с целью, объектом, предметом и гипотезой исследования нами был разработан методический блок, включивший в себя методику Ч. Осгуда, которая дала возможность определить уровень развития эмоционального отношения студентов к мигрантам. Базой исследования выступили студенты, обучающиеся на очном отделении естественно-географического факультета, а также факультета педагогики и психологии ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет». Общий объем выборки составил 68 студентов.

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что одним из условий успешной адаптации студентов-мигрантов выступает позитивное эмоциональное отношение к ним со стороны представителей титульной нации.

Результаты исследования. В ходе исследования нами были изучены два показателя: эмоциональное отношение со стороны студенческой молодежи к мигрантам вообще, а также эмоциональное отношение к беженцам из Донбасса.

Начнем анализировать полученные в ходе исследования данные с такого показателя, как эмоциональное отношение студентов к мигрантам.

Как следует из эмпирических данных, среди участников исследования только каждый девятый (11 %) составляют респонденты, которые имеют высокий уровень развития эмоционального отношения к мигрантам. Вместе с этим, средний уровень развития

эмоционального отношения к мигрантам продемонстрировали две трети испытуемых (68 %) . Отметим также тот факт, что каждый пятый студент (21 %) характеризуется низким уровнем развития анализируемого показателя.

Следовательно, для большинства студентов вуза (68 %) характерен высокий уровень развития эмоционального отношения к мигрантам. Обращает на себя внимание достаточно большой удельный вес респондентов с отрицательным эмоциональным отношением к мигрантам (21 %).

Проанализируем теперь результаты изучения уровня развития эмоциональное отношение студентов к мигрантам-беженцам с Донбасса.

Как следует из полученных нами эмпирических данных, среди респондентов около половины (48 %) составляют студенты, которые имеют высокий уровень развития эмоционального отношения к мигрантам-беженцам с ДНР и ЛНР. Вместе с этим, средний уровень развития эмоционального отношения к мигрантам продемонстрировал каждый четвертый (26 %) испытуемый. Отметим также тот факт, что столько же студентов (26 %) характеризуются низким уровнем развития анализируемого показателя.

Таким образом, для относительного большинства студентов вуза (48 %) характерен высокий уровень развития эмоционального отношения к мигрантам-беженцам с Донбасса. Также обращает на себя внимание достаточно большой удельный вес респондентов с отрицательным эмоциональным отношением к мигрантам (26 %).

Сопоставив результаты, полученные при изучении эмоционального отношения студентов к мигрантам вообще и к мигрантам-беженцам из Донбасса, в частности, мы установили, что каждый третий (33 %) респондент более положительно относится к мигрантам вообще по сравнению с беженцами с Донбасса. Большинство испытуемых (61 %) более положительно относятся именно к мигрантам-украинцам, бежавшим от гражданской войны из Украины в Россию. 6 % опрошенных не разделяют мигрантов на категории, одинаково эмоционально относясь, как к первым, так и ко вторым. При этом более положительно респонденты относятся к мигрантам из ДНР и ЛНР ($\chi^2 = 42,501, p < 0,01$).

Выводы. Обобщение результатов проведенного исследования эмоционального отношения студенческой молодежи к мигрантам как основы для их успешной социально-психологической адаптации позволяет сделать следующие выводы:

– для большинства студентов вуза (68 %) характерен высокий уровень развития эмоционального отношения к мигрантам. Вместе с этим обращает на себя внимание достаточно большой удельный вес респондентов с отрицательным эмоциональным отношением к мигрантам (21 %);

– для относительного большинства студентов вуза (48 %) характерен высокий уровень развития эмоционального отношения к мигрантам-беженцам с Донбасса. При этом обращает на себя внимание достаточно большой удельный вес респондентов с отрицательным эмоциональным отношением к мигрантам (26 %);

– большинство исследованных студентов (61 %) наиболее положительно относятся именно к мигрантам с Донбасса ($\chi^2 = 42,501$, $p < 0,01$).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Логвинов, И. Н. Влияние гендерных особенностей на эмоциональное отношение молодежных лидеров юношеского возраста к педагогам, родителям и своему «я» / И. Н. Логвинов // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2013. – № 1 (25). – URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/029-037.pdf> (дата обращения: 08.02.2016).

2. Логвинов, И. Н. Исследование гендерных различий в уровнях развития эмоционального отношения к родителям, учителям, своему «я» молодежных лидеров подросткового возраста / И. Н. Логвинов // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2012. – № 2 (22). – URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/024-037.pdf> (дата обращения: 06.01.2016).

3. Логвинов, И. Н. Личностная тревожность и личностная познавательная активность молодежных лидеров: гендерный аспект / И. Н. Логвинов // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2013. – № 6 (51), ч. 1. – С. 92–100.

4. Логвинов, И. Н. Особенности ценностных ориентаций студентов из ближнего зарубежья как фактор их адаптации к обучению в российском вузе / И. Н. Логвинов, С. В. Дроздов // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. В. Константинов – Пенза : ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2012. – С. 84–90.

5. Логвинов, И. Н. Влияние пола на структуру ценностных ориентаций лидеров молодежных групп подросткового возраста / И. Н. Логвинов, С. В. Сарычев // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 28. – С. 1280–1286.

6. Логвинов, И. Н. Гендерные особенности социальной установки молодежных лидеров студенческого возраста на поведение в конфликте / И. Н. Логвинов, С. В. Сарычев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. – 2013. – № 1. – С. 75–78.

ДЕЗАДАПТАЦИЯ ИММИГРАНТОВ В ЕС: НЕГАТИВНЫЕ УРОКИ ЕВРОПЕЙСКОГО ОПЫТА ДЛЯ РОССИИ

Н. Р. Маликова (г. Москва, Россия)

Социально-психологические проблемы адаптации иммигрантов и перспективы их межкультурной, социальной интеграции в Европе, стали особо актуальными уже вскоре после заключения Шенгенских соглашений. Это дало возможность свободной миграции не только для граждан стран ЕС, но и для роста доли иммигрантов, получивших визу, либо вид на жительство, статус беженца и право на временное убежище в любую из стран зоны. В настоящее время острота проявлений дезадаптации иммигрантов, отчасти вследствие негативных проявлений издержек реализации идеологии, политики мультикультурализма на практике, стала очевидной не только для ЕС, большинства правительств европейских стран, для граждан Европейского Союза, но и для всех тех, кто солидарен с основополагающими европейскими ценностями.

Как известно, из преамбулы Хартии ЕС, они основаны на приоритетных принципах: уважения человеческого достоинства, обеспечения прав и свобод человека и гражданина, равенства, солидарности, демократии и правового государства. Подчеркивается, что эти ценности-принципы основаны на духовном, нравственном и историческом наследии народов Европы. Общность исторической судьбы обусловила уважение к идеям парламентаризма, демократического устройства государства и общества, социальной справедливости, опирающейся на социальное партнерство граждан и государства, включая особое внимание к соблюдению прав меньшинств, их поддержке. Вместе с тем, при репрезентации их в массовом общественном сознании, вольно или невольно затухало, что гуманитарные принципы, определяющие современ-

ный светский характер европейского сообщества, изначально отражали ценности христианского культурного наследия, которые были ядром формирования ценностных ориентаций культурной, социально-психологической европейской идентичности.

Европейская комиссия на исходе 2011 г. опубликовала доклад «Глобальный подход к миграции и мобильности». В нем отмечалась потребность в привлечении трудовых мигрантов на европейский рынок труда и необходимость эффективной борьбы с нелегальной иммиграцией. Была одобрена директива, уравнивающая в правах иммигрантов и граждан ЕС в трудовой и социальной сфере (зарплата, охрана труда, процедура найма-увольнения, доступ к общественным благам, социальному обеспечению, участию в профсоюзах).

Однако, «цветные революции», региональные вооруженные конфликты на Ближнем Востоке, в Северной Африке обусловили отнюдь не избирательное привлечение трудовых мигрантов, а средиземноморское «цунами» нелегальной миграции.

Что означает для новой большой волны иммигрантов сама возможность войти в открытое и благополучное европейское общество? Достаточно ли преодоления внешних границ, пространственного перемещения любыми способами в европейские страны и получения гарантий социальной поддержки по статусу беженца? Вряд ли. Необходима сильная социально-психологическая установка, мотивация, сознательная выработка позитивной стратегии социальной адаптации и последующей интеграции в принимающее сообщество.

В социологии и социальной психологии представление о позитивной социальной адаптации, личности, любой социальной группы, в том числе и иммигрантов, связано с формированием и наличием ряда социальных качеств. Предполагается, прежде всего, развитие определенной степени индивидуальной автономности личности в социуме, сознания и самосознания, социальной активности, готовности приобщаться к культурному наследию, включенность в социально-экономическую, социальную, социально-политическую социально-культурную, динамику современной жизнедеятельности того общества, с которым связываются надежды на достойное настоящее и будущее. Адаптация иммигрантов, сложный социально обусловленный процесс, подчас с различными полярно направленными векторами. Требуется значительных усилий, причем не односторонних. Если на одном полюсе культивируется

позитивная адаптация, то на другом полюсе скапливаются «туманные сгустки» дезадаптации, агрессивной фрустрации иммигрантов. Это неизбежно, особенно, среди прибывающих стихийно, в качестве жертв, из зон вооруженных конфликтов. Но, возможно, среди них есть и те, кто уже обладал личным опытом участия в различных формах насилия.

Сегодня мы наблюдаем острейший миграционный кризис в ЕС. Он ставит под вопрос перспективы единого открытого европейского пространства и дальнейшей социально-политической интеграции. Разрозненные инциденты, с публичными проявлениями физической агрессии молодых иммигрантов, подобные нападениям на полицию, на пункты транзитного пограничного контроля, сексуальные домогательства, изнасилования женщин, умножают фобии в отношении мигрантов. Рост социально-психологической фрустрации заражает и представителей принимающих сообществ. Страх перед стихией наплыва иммигрантов способствует росту влияния скептиков евро интеграции, правых политических партий и социально-политических движений, торможению иммиграционной политики Евросоюза, блокированию эффективной реализации Стокгольмской программы.

Масштабные протесты европейцев против беженцев, начались уже с лета 2014 г. Они усилились, с призывами к пересмотру миграционной политики, закрытию границ, достигли пика в январе 2016 г. Массовые демонстрации проходили в Швеции, Германии, Чехии, Дании, Венгрии, Франции, Греции. Укрепления, стены на границе строятся даже в Болгарии, Сербии, Македонии. Часть европейских государств уже уведомила брюссельских чиновников о введении национальных механизмов контроля, за гуманитарными и нелегальными иммигрантами. Высший суд Франции подтвердил законность введения внутреннего миграционного контроля на границе с Италией. «De-facto», в правоприменительной практике ряда государств, уже осуществляется противодействие норме международного права «non refoulement» (принцип невозвращения беженцев). Президент Венгрии В. Урбан наиболее последовательно и гласно заявил о намерении и впредь отклонять заявления о предоставлении убежища от граждан Сирии, Ирака, Афганистана, Конго. Уже и Австрия, и депутаты германского Бундестага, требуют реформирования миграционного законодательства и иммиграционной политики ЕС. Акции протеста в Польше, в ответ на квоту ЕС по ежегодному приему 1000 беженцев в год, побудили поль-

ские власти, официально уведомить о своей готовности принимать не более 100 человек.

В этой связи, невольно вспомнилось, как осенью 2014 г. в польском городе Щецин, на научной конференции «The people, regions, organizations», параллельно с официальными мероприятиями, состоялось рабочее обсуждение перспектив подачи совместной заявки в ЕС и последующей реализации международного научно-исследовательского проекта «Трансформация многоуровневой европейской идентичности в процессе транснациональной миграции». Как автор проекта, я исходила из того, что актуализация проблемы обусловлена тем, что в миграционных потоках, с возникновением новых государственных границ, резко возрос удельный вес транснациональной, международной миграции, с основными векторами иммиграции – в РФ и страны ЕС. Международная миграция, зачастую сопряжена с кризисом идентичности, социальной дезадаптацией, депривацией, социальной аномией. Высказала предположение, что эта проблема является проблемой № 1 для всех, как для европейского, так и российского гражданского и научного сообществ. Живо, с огромным интересом отреагировал молодой итальянский профессор из сицилийского Университета Катании, знающий об остроте проблемы не понаслышке. Но, тогда, ученые из Литвы, Чехии и наши польские коллеги, несколько скептически отнеслись к идее НИПа, наивно полагая, что проблемы социально-психологической адаптации и дезадаптации иммигрантов, вряд ли встанут в их странах. Однако, «не прошло и полгода», как проблема встала и на их пороге.

Для большинства российских ученых исследующих стремление иммигрантов обеспечить себе и своим близким возможности обретения новых статусов, государственно-гражданских и культурных идентичностей, безопасности, предполагает необходимость выработки мотивации на избрание позитивной стратегии адаптации, трансформации негативных этнических стереотипов, толерантности. Однако, в условиях глобализации, возникают новые реалии и проблемы, что обуславливает необходимость смещения фокуса исследовательского внимания.

То обстоятельство, что социальные факторы иммиграции разнообразны (экономические, семейные, политические, культурные, социально-психологические) предполагает реализацию комплексного междисциплинарного анализа. Необходимость осуществления взаимосвязанного, концептуально и по ресурсам, между-

народного российско-европейского исследования обусловлено также тем, что европейская миграция обрела дополнительную динамику не только из стран Средиземноморья, но и из ряда стран СНГ. Конкурирующими, на европейском рынке труда и услуг, становятся группы иммигрантов из афро-азиатских стран и СНГ. Транснациональный характер роста как легальной, так и нелегальной миграции и постоянно возникающих проблемных ситуаций предполагает интеграцию усилий ученых российских, европейских стран и СНГ, в совместном научном поиске путей решения проблем мигрантов и оптимизации миграционной политики.

Повсеместно зафиксированы следующие тенденции:

- 1) во-первых, произошли качественные изменения в миграционных потоках;
- 2) во-вторых, определяющее развитие получила экономическая мотивация миграции;
- 3) в-третьих, расширение масштабов вынужденной миграции, совмещается транзитной миграцией в ЕС, через СНГ и ростом нелегальной иммиграции.

Резко возросла значимость анализа перспектив потенциального роста легальной компенсаторной международной миграции. Это обусловлено тем, что в демографическом развитии многих высоко урбанизированных странах налицо устойчивое отрицательное сальдо рождаемости. Вследствие этого, неизбежны проблемы, в среднесрочной и долгосрочной перспективе, по решению задач устойчивого социально-экономического развития, вторичной индустриализации, замещения «утечки мозгов», трудовых ресурсов, как в ЕС. Но, главное, это обеспечение единого европейского культурно-образовательного пространства, гаранта дальнейшей европейской интеграции. Аналогичные проблемы встают и перед Россией.

Именно поэтому, помимо необходимости верифицировать статистические базы данных о динамике, векторе направленности миграционных потоков из различных стран, следует, осуществить при поддержке ФМС РФ и соответствующих гуманитарных исследовательских программ ЕС, кросс-культурный анализ мотивации миграции в ЕС и СНГ и потенциала адаптации иммигрантов. При этом следует дифференцированно изучать не только социальные и социально-психологические ресурсы, стратегии адаптации иммигрантов, но и специфические формы проявлений дезадаптации.

Разумеется, крайне важно, для научного сообщества и специалистов региональных миграционных служб России осмыслить не

только позитивный международный опыт регламентации, содействия адаптации и интеграции иммигрантов. Следует извлечь уроки не только преодоления контактирующими группами принимающего сообщества и иммигрантами «культурного шока», «культурной дистанции», интолерантности, ксенофобии, но и осмыслить возможности предупреждения потенциальных социальных рисков агрессивного поведения иммигрантов.

Социальные риски возникают и вследствие дефицитов реализации миграционной политики, отсутствия компенсации «утечки мозгов» из научных центров и мегаполисов РФ, стран ЕС в США, снижения стандарта европейского и российского интеллектуального потенциала. Умножаются угрозы социальной, национальной, региональной, международной безопасности, с ростом транснациональной преступности, нелегальной иммиграции, криминальной канализацией потенциала агрессивной фрустрации части иммигрантов.

Отсюда, всегда актуальны целевые задачи осмысления минимизации рисков, определения перспективных мер реализации миграционной политики, направленных на адаптацию и интеграцию иммигрантов в принимающих сообществах. Наряду с этим необходимо постоянное повышение квалификации, социально-психологической компетентности сотрудников региональных и муниципальных служб ФМС. Для повышения компетентности, профессиональной квалификации сотрудников ФМС рекомендуется краткосрочное курсовое обучение, знакомство с новыми результатами исследований в области социологии миграции, кросс-культурной психологии, инноваций реформирования миграционной политики, международного опыта адаптации мигрантов. Назрела необходимость в организации мониторингового наблюдения социально-психологических состояний дезадаптации в различных диаспорных общинах иммигрантов, тех, кто не обладает ресурсами стимулирования ценностных ориентаций новых идентичностей и преодоления кризиса идентичности, культурного шока, авто сегрегации и сепарации.

Именно поэтому, целесообразно обучение персонала, внедрение в практику эффективных социальных технологий и социально-психологических методов, направленных на сканирование потенциала агрессивной фрустрации, предупреждение роста негативных состояний дезадаптации, конфликтности, агрессии среди иммигрантов.

К сожалению, в большинстве лабораторных психологических исследований агрессии, испытуемые индивидуумы изучались изолированно, индивидуально, что не позволяет делать выводы о групповой агрессии, о влиянии поведения жертвы на агрессора. Для нашей целевой группы ограничены и возможности психоанализа. Более продуктивна для анализа агрессивного поведения иммигрантов, интерпретация его как ситуативного, в контексте концепции Д. Долларда. Он полагал, что агрессия всегда является результатом фрустрации. В отношении побуждения к агрессии решающее значение имеют три фактора:

1) степень ожидаемого субъектом удовлетворения от будущего достижения цели;

2) сила препятствия на пути достижения цели;

3) количества последовательных фрустраций. Если фрустрации следуют одна за другой, то их сила может быть совокупной и это может вызвать агрессивную реакцию большей силы, но не всегда проявляется в тот же момент прежде всего из-за угрозы наказания, агрессивные действия направляются на того, нападение на которого ассоциируется с наименьшим наказанием.

Однако, не для внедрения страха наказания в сознание иммигрантов, а для профилактики агрессивного поведения, полезно в случае попадания их в поле зрения смежных правоохранительных полицейских организаций, во время их задержания, либо нахождения в пеницитарных учреждениях МВД, использовать простой в обработке Тест агрессивности/Виды агрессивности Л. Г. Почебут (адаптация методики Басса-Дарки). На 40 предложений теста испытуемому надо лишь дать однозначный ответ – «да» или «нет». Достаточно легко определяется склонность к вербальной, физической, предметной, эмоциональной агрессии, либо к самоагрессии, когда ослаблены механизмы психологической защиты, человек чувствует себя беззащитным в агрессивной среде. Методика Е. П. Ильина, П. А. Ковалева также предназначена для выявления склонности к определенному типу агрессивного поведения. Чуть более сложной предстает метод диагностики враждебности по шкале Кука–Медлей. Его легко адаптировать к цели исследования иммигрантов. Он помогает выявить 3 уровня (высокий, средний, низкий) по шкале цинизма, агрессивности, враждебности. Продуктивно также использование методики измерения уровня тревожности (шкала Дж.Тейлора), оригинального опросника Басса-Дарки (Buss-Durkey Inventory, 1957), предназначенного для диф-

ференциации диагностики реакций, проявления агрессии и враждебности. Перспективна возможность адаптации, к целям исследования мигрантов, методики В. С. Мухиной (серии тестов и проективных рисунков, для диагностики и снятия фрустрации).

Это далеко не полный перечень полезных и нужных социально-психологических методов для исследования дезадаптации, потенциала агрессивной фрустрации иммигрантов. Методы есть, налицо и российские специалисты «в шаговой доступности», способные и готовые обучать их применению на практике. Управлению ФМС по Пензенской области повезло, как и психологам Пензенского государственного университета. Налажено многостороннее плодотворное сотрудничество, налицо долговременное социальное партнерство представителей структуры исполнительной власти и научного сообщества. Это профессионалы, люди не безразличные, чутко реагирующие на актуальные проблемы транснациональной миграции в условиях глобализации, принимающие к сведению международный и отечественный опыт, достижения и просчеты реализации миграционной политики. Свидетельством тому является организация в Пензе уже Третьей Международной научно-практической конференции «Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Берри, Дж. У. Аккультурация и психологическая адаптация / Дж. У. Берри ; пер. И. А. Шолохова // Развитие личности. – 2002. – № 1. – С. 291–296.
2. Миграционные проблемы в Европе и пути их решения = Migration in Europe: problems and remedies / под ред. Н. Б. Кондратьевой (отв. ред.), О. Ю. Потемкиной. – М. : Ин-т Европы РАН, 2015. – 144 с.
3. Мухина, В. С. Проективный метод депривации структурных звеньев самосознания в контексте межэтнических отношений / В. С. Мухина // Развитие личности. – 2002. – № 2. – С. 117–135.
4. Почебут, Л. Г. Взаимопонимание культур. Методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межэтнической толерантности : учеб. пособие / Л. Г. Почебут. – СПб. : Изд-во СПбУ, 2007. – 281 с.
5. Хартия Европейского Союза об основных правах человека. – М. : Юриспруденция, 2001.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ СТУДЕНТОВ В РОССИИ

*О. В. Маслова, Д. А. Шляхта,
К. Ю. О. Агиляр (г. Москва, Россия)*

С каждым годом число иностранных студентов в мире растет. Россия вышла на международный рынок оказания образовательных услуг, поэтому проблема адаптации иностранных студентов сегодня актуальна для многих российских вузов. Процесс вхождения в новую культуру часто является нелегким испытанием для индивида. Ситуация межкультурной адаптации предъявляет повышенные требования к личности, которой необходимо, с одной стороны соответствовать новым социальным требованиям, а с другой – сохранять внутреннюю стабильность и равновесие. Особенно это относится к студентам, приезжающим учиться из стран, культура которых сильно отличается от культуры принимающей страны (Стефаненко, 1999). Важной задачей принимающей стороны является помощь в адаптации, чтобы студент как можно скорее стал чувствовать себя в новой культуре психологически комфортно и смог в должной мере заняться учебой. Поэтому актуально выявление проблем и специфики адаптации студентов из разных регионов.

Ранее мы подробно писали о результатах проведенного нами сравнительного анализа отдельных показателей адаптации у студентов, приехавших из разных стран (Маслова, 2007, 2008 и др.), о связи базовых убеждений визитеров с их адаптацией (Маслова, 2011), о гендерных различиях в адаптации иностранных студентов (Маслова, 2009), а также рассматривали особенности межкультурной адаптации студентов из разных регионов (Маслова, 2007, 2012а, 2012б и др.). У латиноамериканских студентов, воспринимаемых российскими студентами и преподавателями полными жизнерадостности и оптимизма, был выявлен наиболее низкий уровень удовлетворенности, по сравнению с африканскими и китайскими студентами (Маслова, 2008а, 2012а, 2012б). В настоящем исследовании мы попытались ответить на 2 вопроса:

- с чем связана удовлетворенность данной группы студентов;
- как связаны с различными показателями адаптации выбранные студентами стратегии аккультурации?

В эмпирическом исследовании приняли участие 90 латиноамериканских студентов (50 мужчин и 40 женщин) в возрасте от 18 до 27 лет. Респонденты были представителями 8 стран Латинской Америки: Эквадора (18 человек), Колумбии (16 человек), Гватемалы (14 человек), Перу (16 человек), Никарагуа (5 человек), Сальвадора (6 человек), Венесуэла (10 человек) и Чили (5 человек).

В исследовании был применен опросник «Адаптация личности к новой социокультурной среде» Л. В. Янковского в модификации Т. Г. Стефаненко и М. С. Панова и Шкалы для измерения установок на аккультурацию (Стратегии межкультурного взаимодействия..., 2009). С помощью опросника определялись 6 показателей межкультурной адаптации – удовлетворенность, конформность, интерактивность, ностальгию, депрессивность и отчужденность (Маслова, 2007). Применение Шкал дало возможность узнать выраженность 4-х стратегий аккультурации – ассимиляции, интеграции, сепарации, маргинализации (Берри, Пуртинга, 2007).

На рис. 1 представлены средние показатели выраженности стратегий аккультурации по всей группе. Степень выраженности всех стратегий, естественно, варьировала у разных респондентов. Однако наиболее выраженной у всех респондентов является стратегия интеграции.

Рис. 1. Средние значения выраженности стратегий аккультурации латиноамериканских студентов

Нас интересовали связи между стратегиями аккультурации и названными выше показателями адаптации, а также с чем связана удовлетворенность. Для этого был применен сетевой анализ частных корреляционных связей. Он позволяет с помощью специаль-

ного алгоритма ADALASSO подобрать конфигурацию (степень разреженности) связей исследуемых переменных, при этом проверяется одна гипотеза об отличии корреляционной матрицы от нуля, а не множество гипотез о попарных корреляциях между признаками (Constantini, Epskamp, 2015).

На рис. 2 показан сетевой корреляционный граф переменных латиноамериканских студентов. Как видим, удовлетворенность положительно связана со стратегией интеграции, сочетающей в себе установки как на сохранение своей культуры, так и на контакт с другими культурами. Положительно связана удовлетворенность и с интерактивностью, настроенностью на расширение социальных связей и уверенностью в своих возможностях. Отрицательно связана удовлетворенность с отчужденностью. Чем выше неприятие нового социума, ощущение беспомощности, неверие в то, что собственные усилия могут повлиять на ситуацию, тем ниже удовлетворенность. Отчужденность от нового социума положительно связана с депрессивностью: чем выше подавленность, опустошенность, тем выше неприятие нового общества. Интересно, что отчужденность латиноамериканских студентов отрицательно связана со стратегией сепарации. Это значит, что чем более выраженной является стратегия сепарации, тем менее отчужденными и менее беспомощными и покинутыми чувствуют себя латиноамериканские студенты. Важно также подчеркнуть наличие сильной положительной связи между стратегиями интеграции и сепарации. Это говорит о том, что у ярких сторонников интеграции, одновременно сильны и установки на сепарацию. Таким образом, удовлетворенность латиноамериканских студентов связана с реализацией одновременно двух стратегий – интеграции и сепарации: стратегия интеграции непосредственно связана с удовлетворенностью, а стратегия сепарации связана с удовлетворенностью опосредованно (вероятно, тесное общение с соотечественниками дает возможность почувствовать не-отчужденность, не-покинутость, т.е. позитивный эмоциональный фон). Стратегия интеграции отрицательно связана с ностальгией: чем выше включенность во взаимодействие с новой культурой, тем меньше тоска по Родине.

Ностальгия и депрессивность положительно связаны с отчужденностью. Чем выше отчужденность, тем выше ностальгия и депрессивность.

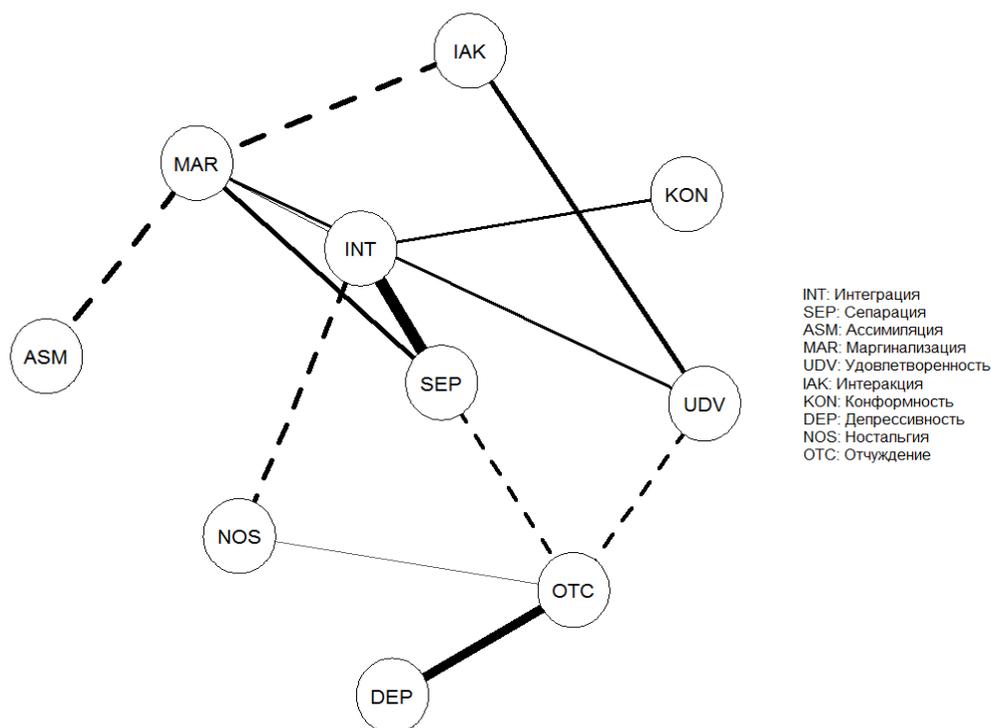

Рис. 2. Сетевой корреляционный граф показателей межкультурной адаптации латиноамериканских студентов ($n = 90$). Положительные корреляции показаны сплошными линиями, отрицательные – прерывистыми

Как видим, центральным элементом в анализируемом нами корреляционном графе является стратегия интеграции. Именно интеграция положительно связана с удовлетворенностью и конформностью – главными положительными индикаторами адаптации. Чем сильнее выражена стратегия интеграции, тем выше ориентация на новые нормы, зависимость от новой группы и потребность в эмоциональных отношениях с людьми, тем выше удовлетворенность и тем ниже ностальгия по Родине.

На основе полученных данных, мы можем говорить о том, что удовлетворенность латиноамериканских студентов связана с включенностью в широкие социальные контакты и их уверенностью в своих возможностях, со стратегией интеграции. Одновременно важными являются тесные связи с соотечественниками.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кросс-культурная психология / Д. В. Берри, А. Х. Пуртинга, М. Х. Сигал, П. Р. Дасен. – Харьков : Гуманитарный центр, 2007.

2. Маслова, О. В. Особенности адаптации к новой социокультурной среде студентов из Латинской Америки и Анголы / О. В. Маслова // Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика». – 2007. – № 2. – С. 83–91.
3. Маслова, О. В. Различия в межкультурной адаптации студентов из Африки, Латинской Америки и Китая / О. В. Маслова // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии : материалы Междунар. науч. конф. (29–30 мая 2008 г.). – Смоленск, 2008а. – С. 399–405.
4. Маслова, О. В. Адаптация к новой социокультурной среде студентов из Латинской Америки / О. В. Маслова, Г. Э. Куяла Макера // Психология и педагогика в инновационных процессах современного медицинского образования : межрегион. сб. науч. работ / под ред. Н. А. Русиной. – Ярославль : Аверс Плюс, 2008б. – С. 154–158.
5. Маслова, О. В. Проблема гендерных различий в межкультурной адаптации / О. В. Маслова // Личность в межкультурном пространстве : материалы IV Междунар. конф., посвящ. 50-летию Российского ун-та дружбы народов (19–20 ноября 2009 г.). – М. : РУДН, 2009. – С. 131–135.
6. Маслова, О. В. Базовые убеждения личности как ресурс межкультурной адаптации / О. В. Маслова // Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика». – 2011. – № 3. – С. 12–18.
7. Маслова, О. В. Особенности межкультурной адаптации латиноамериканских студентов в России / О. В. Маслова // Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика». – 2012а. – № 2. – С. 50–59.
8. Маслова, О. В. Русские и латиноамериканцы: парадоксы межкультурного восприятия / О. В. Маслова // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии. Проблемы психологии межкультурного взаимодействия. – Смоленск : Изд-во: Маджента, 2012б. – Т. 2. – С. 129–132.
9. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. – М., 1999.
10. State of the aRt personality research: A tutorial on network analysis of personality data in R / G. Costantini, S. Epskamp, D. Borsboom, M. Perugini, R. Mottus, L. J. Waldorp, A. O. J. Cramer // Journal of Research in Personality. – 2015. – № 54. – P. 13–29.
11. Maslova, O. V. Cambio de valores de la persona en el proceso de adaptacion intercultural / O. V. Maslova, J. M. Tapia López // International Journal of Developmental and Educational Psychology. INFAD Revista de Psicologia. – 2012. – № 1, vol. 2.

ПСИХОСОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ ИЗ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: РАЗРАБОТКА НОВОГО СКРИНИНГ-ИНСТРУМЕНТА

М. Г. Мельничук (г. Харьков, Украина)

Одной из определяющих глобальных проблем XXI века является мобильность населения земного шара, резко возросшая по множеству причин. Число лиц, добровольно или вынужденно покинувших родину в поисках лучшей жизни (временно или навсегда), только за последние 15 лет выросло на 41 %. Согласно статистике ООН, если в 1990 г. общее число международных переселенцев насчитывало 152 млн, то в настоящее время оно составляет уже 244 млн человек. При этом процент мигрантов в общей численности мирового населения увеличился с 2,9 до 3,3 % (ООН, 2015).

Вынужденные (и добровольные) переселенцы в полной мере подвержены эмоциональному переживанию иммиграции, как травмирующего события, и в силу возрастных, социальных и психологических контекстов испытывают психологический кризис. Одним из проявлений этого кризиса считается дезадаптация – потеря ценностных ориентиров, лежащих в основе построения сценариев жизни, выбора стратегий профессиональной и личностной самореализации. Таким образом, в связи с кардинальной сменой социального окружения, образа жизни и деятельности мигрантов (как «визитеров», так и прибывших на постоянное место жительства), возникает необходимость в их психосоциальной адаптации. Под последней мы понимаем процесс и результат включения личности в стойкие психологические связи новой социальной среды, обусловленные переживанием психотравмы иммиграции и сформированными на ее основе социальными установками. При этом ход адаптации может дополнительно осложняться другим травматическим опытом (Солдатова, 2002; Шайгерова, 2001; Essential Psychiatry, 2008).

В зарубежной практике для исследования проблем психологической адаптации чаще других используются методики: The Q-Adjustment Score (QAS), Satisfaction with Life Scale (SWLS), Rosenberg Self-Esteem Scale (SES), Multidimensional Scale of Perceived Social Support (MSPSS), General Health Questionnaire (GHQ). Вместе с тем, все перечисленные психодиагностические инструменты не отражают специфики психосоциальной адаптации мигрантов. В связи с этим, актуальной задачей представляется разработка диагностической методики для исследования проблем психосоциаль-

ной адаптации мигрантов из дальнего зарубежья (англоговорящих) в новых условиях существования, что позволит учесть все особенности ситуации, сложившейся в связи с иммиграцией и вызванного ею психологического кризиса.

В рамках разработки пилотной версии шкалы психосоциальной дезадаптации на первом этапе был проведен анализ литературы, позволивший в качестве теоретической концептуальной основы нового скрининг-инструмента выбрать теорию когнитивной адаптации (Taylor, 1983), трансактную модель адаптации к стрессу (Lazarus, 1984) и когнитивно-поведенческую модель копинг-поведения (Абабков, 2004). Методической основой для создания Migrants Psychosocial Maladjustment Scale (MPMS) послужили рекомендации относительно диагностики и терапии психосоциальных расстройств, которые более полувека разрабатывает и издает Американская психиатрическая ассоциация (DSM-V, 2013).

На втором этапе была проведена работа по формулированию пунктов (утверждений) MPMS на английском языке, их экспертная оценка тремя специалистами в области психотравматологии, а также последующая корректировка и перефразирование. Затем на выборке из 115 иностранных студентов первого курса (86 юношей, 29 девушек; средний возраст $M = 21,6$ года; $SD = 2,03$), обучающихся в высших учебных заведениях Украины и успешно сдавших зимнюю сессию, был проведен анализ психометрических свойств шкалы. В исследовании приняли участие временные мигранты из Афганистана (3,5 %), Египта (2,8 %), Ирака (19,6 %), Ирана (12,3 %), Камеруна (17,2 %), Ливии (4,9 %), Нигерии (27,7 %), Судана (9,9 %) и Туниса (2,1 %).

Два месяца спустя, 79 из этих студентов (67 юношей, 12 девушек; средний возраст $M = 21,9$ года; $SD = 2,02$) были опрошены повторно для проверки тест-ретестовой надежности инструмента. На этом этапе распределение испытуемых по месту рождения было иным: Ирак (22,4 %), Иран (13,7 %), Камерун (19,3 %), Ливия (7,1 %), Нигерия (31,2 %), Судан (6,3 %).

Разработанный психодиагностический инструмент позволяет оценить степень расстройства психосоциальной адаптации мигрантов и произвести скрининг дезадаптации. Шкала MPMS пригодна для работы с мигрантами обоего пола, начиная с 18-летнего возраста. Она состоит из 25 утверждений, каждое из которых описывает состояние и поведение испытуемого в той или иной ситуации, с которой ему пришлось столкнуться в стране прибытия.

Респондент оценивает свою реакцию по 5-балльной шкале Лайкерта, от 0 («Никогда») до 4 («Всегда») для пунктов 2, 3, 6, 8, 9, 11–25. При этом положительные утверждения (пункты 1, 4, 5, 7, 10) оцениваются по шкале в обратном порядке.

Индекс психосоциальной дезадаптации, полученный в результате подсчета баллов и деленный на 100, изменяется от 0 до 1 следующим образом:

0,00–0,49 – нормальное состояние (адаптация);

0,50–0,66 – легкая дезадаптация ситуативного или невротического генеза;

0,67–0,82 – умеренная дезадаптация;

0,83–1,00 – тяжелая дезадаптация.

Анкетирование может проводиться в группе или индивидуально, при этом установление непосредственного контакта психолога с опрашиваемым (интервью) не предполагается, а время на заполнение бланка MPMS не ограничивается.

С целью оценки адекватности нового психодиагностического инструмента были исследованы его психометрические характеристики.

Для определения надежности MPMS проверялась ее устойчивость и внутренняя согласованность. Коэффициент корреляции Пирсона между результатами первого и второго тестирования составил 0,87 при $p < 0,05$, а коэффициент альфа Кронбаха – 0,91, что свидетельствует о высокой ретестовой надежности и внутренней согласованности методики.

Содержательная валидность MPMS обеспечивалась путем достижения максимального соответствия содержания тестового материала современному пониманию концепта дезадаптации индивида. Конструктивная валидность MPMS оценивалась сопоставлением показателей шкалы с данными методик, ориентированных на диагностику проблем психологической адаптации: QAS, SWLS, SES, MSPSS, GHQ. Полученные соответствующие коэффициенты корреляции (–0,56; –0,43; –0,18; –0,22, –0,47, при $p < 0,01$) свидетельствуют о статистической зависимости диагностических показателей MPMS и перечисленных методик, в силу их направленности на измерение концептуально родственных психических свойств личности.

Таким образом, шкала MPMS в достаточной мере удовлетворяет основным психометрическим требованиям, предъявляемым к психодиагностическим инструментам, и может быть рекомендована к применению на практике. В дальнейшем предполагается провести исследование критериальной валидности предложенной

шкалы, используя в качестве объективных критериев валидации показатели успешности освоения учебного плана мигрантами второго года обучения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абабков, В. А. Адаптация к стрессу. Основы теории, диагностики, терапии / В. А. Абабков, М. Перре. – СПб. : Речь, 2004. – 166 с.
2. Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис идентичности / под ред. Г. У. Солдатовой. – М. : Смысл, 2002. – 479 с.
3. Шайгерова, Л. А. Кризис идентичности в ситуации вынужденной миграции / Л. А. Шайгерова // Психологи о мигрантах и миграции в России : информ.-аналитич. бюллетень РОКК. – 2001. – № 2. – С. 132–151.
4. Diagnostic and statistical manual of mental disorders: DSM-V / eds. D. J. Kupfer, D. A. Regier, S. K. Schultz [et al.]. – 5th ed. – Arlington, VA : American Psychiatric Publishing, 2013. – 947 p.
5. Essential Psychiatry / eds. R. M. Murray, K. S. Kendler, P. Mc Guffin [et al.]. – 4th ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – 735 p.
6. Lazarus, R. S. Stress, appraisal, and coping / R. S. Lazarus, S. Folkman. – New York, NY : Springer Publishing Company, 1984. – 465 p.
7. Taylor, S. E. Adjustment to threatening events: A theory of cognitive adaptation / S. E. Taylor // American Psychologist. – 1983. – № 38. – P. 1161–1173.
8. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2015). Trends in International Migrant Stock: The 2015 revision (United Nations database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2015).

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТОГЕННЫХ УСЛОВИЯХ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

*Т. И. Миронова, Н. П. Фетискин,
С. В. Шепелева (г. Кострома, Россия)*

Общеизвестно, что девиантологическую значимость антропологического подхода представляют аспекты, учитывающие роль этнокультурного (национального, расового) и религиозного факто-

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Проект № 15-06-10868/15.

ров. Они в большей степени, чем другие, связаны с базисными личностными установками, формирующими потенциальные внутриличностные конфликты и полимодальные девиации, требующие психологической помощи. По мнению Н. Пезешкиана (1995), именно социокультурные факторы, к которым относятся этнопсихологические параметры и религиозные предпочтения, имеют принципиальное значение в формировании девиантных форм поведения, невротических и психосоматических расстройств.

Отдельные этнокультурные особенности выходят далеко за рамки патопластических, создавая условия для возникновения целого ряда девиаций. Примером сказанного могут служить традиции некоторых народностей употреблять наркотические вещества или стереотипы поведения членов определенных африканских племен, предписывающие девушке совершать первый сексуальный контакт с собственным отцом в присутствии родственников.

Поэтому оценка нормативности и девиантности поведения возможна лишь внутри каждой группы, связанной с этническими, расовыми, этнокультурной спецификой. В этой связи совершенно не оправдано оценочное сравнение этнокультурных норм и поведенческих стереотипов, так как они составляют основу этнического самосознания, выход за которого трактуется как отклоняющееся поведение. В этом контексте некоторые народные традиции, даже при оценке противоправных действий, могут существенно различаться. Так, например, «кровная месть», которая в рамках этнокультурной специфичности расценивается как праведное поведение и ради которой представители народностей Кавказа готовы долгие годы строить свою жизнь и деятельность, объективно может расцениваться как криминальное деяние (представителя Кавказа с швейцарским пилотом, причастного к гибели его семьи). Из этого следует, что основу антропологического или этнокультурного подхода в генезисе поведенческих девиаций составляют два момента, когда: одним и тем же действиям придается различное содержание в разных этнических культурах, и когда одно и то же содержание находит различное выражение в поступках (Байбурина, Менделевич, 2005). Поэтому главной задачей антропологической девиантологии является обоснование, какое влияние оказывают этнические, национальные, культурные особенности человека на механизмы возникновения и формирования, клинические проявления и закономерности течения девиантных форм поведения, а также на особенности их коррекции, терапии и профилактики.

Основываясь на том, что те или иные культуры и этносы, формируя строго заданные ценностные ориентации, способствуют появлению определенных девиантных форм. Так, в условиях русского этноса, доминирует табу на разновариантное прогнозирование, диктуя человеку необходимость эспектации лишь эмоционально положительных событий. Подобная традиция приводит к тому, что в условиях неспрогнозированности нежелательное событие оказывается психотравмирующим и способствует формированию отклоняющихся невротических стереотипов поведения (В. Д. Менделевич, Ф. А. Авдеев, С. В. Киселев). Среди российских этнокультурных поведенческих выделяют мереченье, включающее автоматизированное выполнение приказаний окружающих при формально ясном сознании (В. М. Блейхер, И. В. Крук), а также такое девиантное поведение, обозначаемое как юродивое поведение (юродство). Основными проявлениями данной девиации являются: отказ от мирского благополучия (добровольный отказ от своего имущества, аскетический и смиренный образ жизни), сочетающийся с сознательным асоциальным поведением (буйствованием, странничеством, пародированием церковной службы и т.д.), дар пророчества, стремление обличать царящую в мире неправду, исходя из норм христианской морали (Сидоров, Митюхаев, 1987).

К числу девиаций, имеющих этнокультурную природу, относится целый ряд известных девиантных форм поведения. Так, например, факт широкой распространенности суицидального поведения среди представителей угро-финской этнической группы. На риск суицидального поведения влияет и фактор вероисповедания. В католических странах (Италия, Испания, Португалия) отмечается низкий процент самоубийств, так же как и в странах ислама.

Лидирующее положение Венгрии по суицидальности связано с понятием «венгерского характера», который включает такие качества, как смелость, чувство собственного достоинства, самонадеянность, избегание демонстрации собственной слабости, открытость и отсутствие выдержки (Отто, Менделевич, 2005).

Среди этнокультурных вариантов ритуального суицидального поведения выделяются ритуалы сати и харакири.

Сати – это ритуальное самосожжение индийских вдов после смерти мужа, а харакири – традиционный способ ухода из жизни японских самураев (наряду с суицидом в форме откусывания собственного языка), соответствующий их кодексу чести (Л. З. Трегун-

бов). Особое место занимает девиантное поведение в виде злоупотребления веществами, изменяющими психическое состояние, имеет специфичные этнокультурные особенности. В случаях, когда таким веществом становится алкоголь, указывается на «традиции питья», паттерны алкогольного поведения, мотивы употребления спиртных напитков. При этом традиции употребления алкогольных напитков рассматриваются в связи со структурой личности, национального характера, способами совладания со стрессовыми ситуациями, социальной этиологии алкоголизма. Общеизвестно, что алкоголь издревле потребляется населением большинства районов земного шара. Первые известные попытки ограничить продажу и употребление спиртных напитков относятся к 1700 г. до н.э. (кодекс Хаммурапи). Фармакологически воздействие алкоголя заключается в том, что он, особенно в больших дозах, подавляет психическую и физическую активность и вместе с тем, особенно в малых дозах, действует как стимулятор, снимая сознательное торможение и открывая тем самым простор подавленным мотивам и импульсам.

Социокультурные факторы алкоголизма изучались разными способами, в том числе на основе кросскультурных данных по 139 бесписьменным обществам. При этом сформулировано несколько разных гипотез:

1) поскольку опьянение снижает переживаемое чувство тревоги, алкоголизм чаще встречается там, где больше социально-напряженных, конфликтных ситуаций;

2) выпивка связана со специфическими формами социального контроля; в одних случаях она является элементом каких-то обязательных ритуалов («церемониальное пьянство»), а в других выступает как антинормативное поведение и средство освобождения от внешнего контроля;

3) главный мотив пьянства у мужчин – желание чувствовать себя и казаться сильнее; пьяный человек старается привлечь к себе внимание, чаще ведет себя агрессивно, нарушает нормы обычного поведения и т.д.

4) алкоголизм коренится во внутреннем конфликте, обусловленном стремлением человека преодолеть тяготящее его чувство зависимости. Его социализационные предпосылки: а) строгое воспитание и дефицит эмоционального тепла в раннем детстве; б) ориентация на самостоятельность и высокая потребность в достижении в позднем детстве. Сочетание этих двух моментов по-

рождает у взрослого человека мотивационный конфликт, находящий временное разрешение в алкогольном опьянении, создающем иллюзию свободы и независимости (Кон, 2003, с. 181).

Не меньшая обусловленность алкоголизма объясняется пониженным самоуважением и отрицательно переживаемым чувством личной зависимости.

В традициях стран и народов со «спиртовой культурой», в отличие от «винных и пивных культур», грань между патологией (или девиацией) и нормой алкогольного поведения крайне незначительна. Так, например, считается, что нормой является способность хорошо переносить большие дозы алкоголя («Чем больше, тем здоровее, нормальнее человек»). Нередко в таких культурах девиацией называют трезвеннические установки и поведение, обосновывая это нетактичностью, нелюдимостью, недружелюбностью отказывающегося от употребления спиртных напитков. Интересным представляется широкая платформа культурного оправдания или осуждения алкогольного поведения, сочувственного или негативного отношения к выпившему или пьяному (Менделевич, 2005, с. 164).

В Европейских этнокультурных традициях не меньше распространена тенденция в ситуациях стресса, фрустраций, жизненных трудностей увеличения употребления не алкоголя, а пищи. Меньшая распространенность алкоголизма встречается в среде евреев и итальянцев Р. Ф. Бейлз, Э. Е. Бехтель, В. Д. Менделевич).

Структура употребления наркотических веществ подвержена этнокультурному влиянию в меньшей степени. Однако в некоторых государствах употребление «легких наркотиков» (марихуаны) не расценивается, как серьезная девиация и даже узаконено их использование в медицине.

Пищевые девиации аддиктивного типа в виде анорексии характерны для лиц с высоким культурным уровнем (У. Байер, Г. Брач, М. Пеланц, А. Вольф). Существенное значение для формирования девиаций пищевого поведения имеет значимость процесса питания. Для многих культур и стран с западным психологическим типом взаимоотношений еда не является ценностью (особенно ее количество). В других же регионах мира (на Востоке) гостеприимство подразумевает обильное потребление пищи и угощение ею. Кроме того, разнятся стандарты красоты и внешней привлекательности, влияющие на способ приема пищи и пищевые стереотипы. Восточный тип красоты подразумевает полноту, за-

падный – удобу. Определенные личностные культурно обусловленные особенности выражаются и в таком нарушении пищевого поведения, как гиперфагическая реакция на стресс. Оно возникает вследствие невозможности найти правильный (непищевой) выход из конфликтной ситуации или использовать совершенные способы психологической защиты (Менделевич, 2005, с. 165).

Считается, что сексуальные девиации и перверсии имеют существенную этнокультурную обусловленность. Их диагностика и оценка нередко всецело зависят от культурных традиций и верований. По мнению И. С. Кона, сексуальное поведение – это социокультурное, а не биологическое явление, и следовательно, оценка девиаций должна строиться лишь с учетом сексуальной культуры индивида.

Некоторые формы сексуальных отклонений поведения регистрируются чаще, чем другие. Так, гиперсексуальность более типична для представителей южных народов по сравнению с северными, выбору гомосексуального поведения нередко способствует стиль жизни, причастность к определенному субкультурному кругу людей («богеме»). Известно, что оценка сексуальных девиаций может зависеть от конфессиональных регламентаций.

Характеризуя этнокультурную природу сверхценных и психопатологических девиантных увлечений необходимо отметить, что трудоголизм присущ в большей степени выходцам из западной психологической культуры (немцам, американцам), а увлечение азартными играми (гемблинг) характерно для лиц с восточной психологией.

Коммуникативные девиации обусловлены этнокультурным пониманием нормы коммуникации и особенно общительности. Так, например, представители южноамериканских и африканских государств более экспрессивны и коммуникабельны, чем северяне. Вследствие этого диагностика аутистического поведения и гиперобщительности должна различаться в различных регионах мира.

Коммуникативная девиация в виде ревности обусловлена этнокультурными нормами верности мужчин и женщин на социальном уровне семьи. Так, в авторитарных семейных этнокультурах понятия ревности и верности носят более девиантную выраженность, нежели в демократической структуре семейных отношений.

Девиации в форме безнравственного, аморального и неэстетического поведения больше других зависят от доминирующих этнокультурных традиций.

В заключение можно отметить, что в разных этнокультурах мира доминируют специфические формы девиантного поведения и психопатологические симптомокомплексы, основанные на национальных архетипах, стереотипах и традициях.

Эти факторы необходимо учитывать при диагностике девиаций, их психопрофилактике, психотерапии и объяснений противоправных актов (хулиганство, насилие и др.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ермаков, П. Н. Психология личности / П. Н. Ермаков, В. А. Лабунская. – М., 2007.
2. Кон, И. С. Ребенок и общество / И. С. Кон. – М., 2003.
3. Менделевич, В. Д. Психология девиантного поведения / В. Д. Менделевич. – М., 2001.
4. Фетискин, Н. П. Детско-молодежная девиантология / Н. П. Фетискин, Т. И. Миронова, С. В. Шепелева. – Кострома, 2015.

ПСИХОПЕДАГОГИКА ПРОЦЕССУАЛЬНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ В ПОДГОТОВКЕ МИГРАНТОВ К ЖИЗНИ И РАБОТЕ В РОССИИ

В. А. Михайлов, В. В. Михайлова
(г. Санкт-Петербург, Россия)

В условиях отчетливо выраженной тенденции развития экстремальности в жизни и деятельности людей, обострившейся в конце XX в. и получившей ускорение в начале XXI в., сформировался новый общечеловеческий императив, связанный с проблемой выживания человека и проблемой обеспечения безопасности граждан каждой страны. Эта новая острая проблема, возникшая в ходе исторического развития человечества, приобрела особую актуальность в России в период радикальных общественных и социально-экономических преобразований. От решения ее во многом будет зависеть успех проводимых реформ в миграционной политике, и она нуждается в особом внимании. Немалую роль здесь может сыграть система подготовки мигрантов к реальным трудностям жизни. Педагогика и психология уже достаточно долго и активно занимаются непредвиденными проблемами человека, кар-

динально изменившего уклад жизни, получивших название проблем экстремальных ситуаций. В настоящее время назрела необходимость оптимального объединения их усилий, нацеленных на обеспечение жизненного успеха человека и его безопасности в условиях миграции.

В последние 30–40 лет особенно активно развивается отрасль психологии, именуемая педагогической психологией. Находящаяся на стыке с педагогикой, она решает задачи исследования психологических аспектов всесторонней подготовки человека к продуктивной жизнедеятельности, его образования, воспитания, обучения и развития. В то же время в педагогике нет отрасли – психологическая педагогика. Способствовать заполнению этого неоправданно существующего вакуума, как научного, так и прикладного, призвана, на наш взгляд, система научных психолого-педагогических знаний, имеющая прикладную направленность – психопедагогика.

Тридцать лет назад российский читатель впервые познакомился с книгой профессора Ливерпульского университета Эдварда Стоунса «Психопедагогика. Психологическая теория и практика обучения» (Э. Стоунс, 1984). Ведущую задачу книги автор видел в обосновании утверждения, что серьезное совершенствование практики обучения возможно только через применение достижений психологической науки. Реальная практика обучения – это самый надежный и важный способ испытания психологической теории, на базе которой формулируются общие принципы обучения. Применение этих принципов и должно повысить эффективность педагогической деятельности. Если этого по какой-то причине не происходит, то использованные принципы следует пересмотреть.

Таким образом, психопедагогика, по мнению Э. Стоунса и Г. Д. Горбунова (его «Психопедагогика спорта» вышла в 1986 г.) позволяет преодолеть абстрактность и объяснительный, неконструктивный характер многих психологических исследований, связанных с жизненно важными для людей проблемами, но не содержащих ответа на вопрос «что делать?». Представляется, что и для практики подготовки (переподготовки) мигрантов, их скорейшей адаптации к трудным условиям жизнедеятельности психопедагогика может сделать достаточно много.

С 1995 г. в Омске издается и распространяется по подписке научно-практический журнал «Психопедагогика в правоохранительных органах». Исследование психологических феноменов, закономерностей и механизмов, свойственных педагогической ра-

боте в системе правоохранительной деятельности, подчиненное интересам ее совершенствования – такой представляется основная задача издания. Много внимания уделяется данным изданием и психолого-педагогическим проблемам взаимодействия полиции с мигрантами.

Впервые вопросы экстремальной психопедагогике представлены в систематизированном виде с широким охватом проблемы экстремальности в жизни и профессиональной деятельности людей в книге А. М. Столяренко «Экстремальная психопедагогика» (Столяренко, 2002). Это позволило обеспечить обоснованность практических выводов, рекомендаций, методик и психолого-педагогических технологий подготовки специалистов «помогающих» профессий, в том числе и специалистов миграционных служб.

Изложенное представление ставит следующий вопрос: что означает понятие «психопедагогика» в работе с мигрантами и в чем отличие его от других отраслей педагогики или психологии?

Психопедагогика – комплексное, психолого-педагогическое прикладное знание, ориентированное на совершенствование работы с людьми. Она рассматривает психологические обусловливания педагогических решений, причем со всей научной тщательностью и детальностью (Столяренко, 2002, с. 10).

В своей основе объект научно-практического интереса педагогики, психологии и психопедагогике общий – человек. Есть общее и в целях – познать человека, помочь ему в жизни, предупредить срывы и неудачи. Существуют, конечно, и не малые различия. Психология интересуется человеком, где бы он ни был и в любой момент его жизни, в то время как педагогика ограничивается вопросами образования, воспитания, обучения и развития человека, их осуществления и совершенствования. Первая объясняет внутренний мир человека и пытается найти пути психологического воздействия на него, а вторая – разрабатывает систему педагогической работы с ним, подготовки к жизни и профессиональной деятельности, их непрерывного совершенствования.

В решении проблем человека в трудных ситуациях педагоги и психологи, соблюдая научную этику, стараются не переступать границ присущих им подходов и не вторгаться на «территорию проблемного поля» друг друга. В результате одни в основном описывают психологию людей в трудных жизненных ситуациях, мало заботясь о том, как готовить их к ним, другие – ищут ответы на

вопрос «как готовить?», но недостаточно заботятся о психологической обоснованности и тонкостях разрабатываемых педагогических мер. Если в узко-научном отношении такая этичность оправдана и должна сохраняться, то в практическом – это крайне непродуктивно, нецелесообразно, не оптимально. Интересы практики прагматичны – как лучше всего подготовиться и действовать в ситуации выбора? Ей безразлично, кто ответит – педагог, политолог, психолог, социолог или психопедагог. Наиболее практичен всегда комплексный, всесторонне взвешенный, а потому и рациональный ответ на запросы практики.

Применительно к трудным условиям деятельности специалистов Федеральной миграционной службы (ФМС) России возникла потребность усилить взаимосвязанное использование возможностей педагогов и психологов. В настоящее время уже проводится профессионально-психологическая подготовка специалистов структурных подразделений ФМС, представляющая собой педагогическую систему, основывающуюся на данных психологии. Понятие «психопедагогика», введенное, как отмечалось выше Э. Стоунсом, становится не просто общеупотребимым. Наполненная действенным содержанием, психопедагогика уверенно прокладывает свою дорогу в направлении обеспечения реализации каждым человеком своих возможностей и достижения успеха в жизни.

Экстремальная психопедагогика – пограничная между психологией и педагогикой дисциплина, формирующая процессуально-содержательную (внутреннюю) и экстринсивную (внешнюю) мотивацию человека.

Изучение нами системы первоначальной подготовки специалистов ФМС России показало, что при обучении (проведении инструктажей) слушателей не знакомят с основами психопедагогической безопасности профессиональной деятельности, ее влиянием на профилактику возникновения конфликтных ситуаций в работе с мигрантами. В то же время как эта проблема является не только социальной, технической, медицинской или экономической, но в значительной мере и психопедагогической. Специалист, выполняя задание, чего-то не заметил, не учел, что-то не предвидел, забыл, где-то поторопился, а то и промедлил, с чем-то не справился. Эти, чисто психопедагогические причины, зачастую являются основными факторами успешности или неудач в профессиональной деятельности специалистов ФМС России. Люди в процессе выполнения профессиональных задач по работе с мигрантами нередко сами

умышленно нарушают хорошо известные им правила, рискуя подвергнуть себя опасности дискредитации с последующим увольнением.

Известный российский психолог М. А. Котик отмечал, что ни одно живое существо, кроме человека, так не делает: «Животное в самом крайнем случае, заботясь о потомстве или под влиянием сильного голода, может пренебречь опасностью» (Котик, 1993).

Исследуя профессиональную деятельность специалистов ФМС (главного и ведущего специалиста – эксперта, старшего специалиста 1 и 2 разрядов), которые получают удовольствие от самого процесса работы или выполнения других не тривиальных задач, изучая их переживания и ощущения в процессе интринсивно мотивированной деятельности, мы выделили следующие показатели процессуально-содержательной мотивации:

- ощущение полной (умственной и физической) включенности в деятельность;
- отсутствие боязни возможных ошибок и неудач, иногда граничащее с переоценкой собственных возможностей;
- потеря обычного чувства четкого осознания себя и своего окружения, как будто «растворения» в своем деле.

Таким образом, мы убедились, что процессуально-содержательная (интринсивная) мотивация – это определенное эмоциональное состояние специалиста ФМС – радость от активности. Обнаруженное в ходе опроса специалистов центральное понятие мы определили как «поток». Подобный термин использовал С. С. Занюк при описании ощущений человека, который начинает получать удовольствие от самой деятельности (Занюк, 2001).

Отметим, что для возникновения переживания «потока» очень важным является соотношение возможностей специалиста и сложности задачи. Если возможности значительно превышают сложность задания, то человек испытывает скуку, а в противном случае – тревогу. Если сложность задачи превышает возможности специалиста незначительно, то, как мы убедились, возникают все факторы и условия для переживания «потока». Следует заметить, что переживание «потока» – не исключительное событие в работе специалиста ФМС, не смотря на кажущуюся чрезмерной нормативность, оно может проявляться также в форме незначительных повседневных эпизодов (в служебной переписке, в командировке, на тренировке, в общении и т.д.).

Таким образом, сделаем важнейший психопедагогический вывод: единственная «опека», которая нужна специалисту ФМС в работе с мигрантами – это устранение помех для его творческой созидательной деятельности. Представляется, что попытки «инженерии человеческих душ» внесения правильного выбора в борьбе мотивов и программы его реализации извне приведут лишь к величайшей профанации, как это было уже не раз.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Стоунс, Э. Психопедагогика. Психологическая теория и практика обучения / Э. Стоунс ; пер. с англ. под ред. Н. Ф. Талызиной. – М. : Педагогика, 1984. – 472 с.
2. Столяренко, А. М. Экстремальная психопедагогика : учеб. пособие / А. М. Столяренко. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 607 с.
3. Котик, М. А. Несчастный случай: психологические причины / М. А. Котик. – СПб., 1993. – 82 с.
4. Занюк, С. С. Психология мотивации / С. С. Занюк. – Киев : Ника-Центр, 2001. – С. 68.

СОЦИАЛЬНОЕ ВКЛЮЧЕНИЕ МИГРАНТОВ И РЕГУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МАССМЕДИА

Л. Р. Низмова (г. Казань, Россия)

Стратегия государственной миграционной и национальной политики РФ уверенно ориентирует на адаптацию и интеграцию мигрантов, которые на практике являются результатом взаимодействия многих социальных акторов, как на национальном, так и региональном уровнях. При этом также свое немаловажное значение имеют глобальное и локальное измерения политики аккомодации. Среди основных действующих субъектов – международные организации, федеральное и региональные правительства, территориальные управления органов государственной власти (ФМС России, полиции, прокуратуры, судов и др.), общественные организации, вузы и школы, СМИ, эксперты, рядовые россияне и многие другие.

Вопреки массовым стереотипам специалистам известно, что успех адаптации определяется не только заинтересованностью и намерениями иностранцев стать органичной частью принимающего социума, но и открытостью местного населения, его готовно-

стью к социальному включению приезжих. В последние годы отечественными учеными проведено немало исследований в разных территориях страны, подтверждающих усиление негативизма по отношению к мигрантам и ксенофобии среди россиян. Например, по данным Фонда «Общественное мнение», в 2014 г. 51 % опрошенных считали, что нужно ограничить въезд приезжих из других стран в места их проживания, только 23 % придерживались противоположной точки зрения (Фонд Общественное мнение, 2014). Отторжение прибывающих значительной долей граждан принимающей стороны не является характерным исключительно для России. Предубежденность и настроения ксенофобии проявляются почти повсеместно, поэтому особый интерес представляют компаративные исследования, в которых замеряются анти-иммигрантские установки и получает объяснение их вариативность в группах стран. Подобное исследование было представлено тремя социологами – Э. Шлютером, Б. Мюлеманом и Е. Давидовым, соответственно, из Германии, Бельгии и Швейцарии (Schlueter et al, 2013) – на эмпирических материалах 2006-2009 гг. (Eurobarometer и четвертая волна European Value Study) по 27 странам как Западной, так и Восточной Европы.

Они предприняли конкретно-социологическую проверку двух спорящих теоретических подходов: модели группового конфликта (или «групповых угроз») и концепции нормативного регулирования межгрупповых взаимодействий в интересах их гармонизации. Эти перспективы раскрывают два прямо противоположных сценария развития отношений между приезжими и местным населением. В первом случае предсказывается усиление межгрупповой конкуренции, которая может привести к конфликту экономических и культурных интересов и более высокому уровню мигрантофобии. Во втором случае обеспечивается принятие групповых норм (в результате следования действующему законодательству и социализации в школе) в интересах социального включения прибывающих, уменьшения у большинства населения опасений и ощущения угрозы, исходящей от мигрантов. При этом действительная миграционная политика, являющаяся решающим фактором формирования межгрупповых установок, варьируется в широких пределах континуума. Один из его полюсов представляет собой «разрешительный» тип политики, второй – «ограничительный» («рестриктивный») (Schlueter et al, 2013, с. 670–672). Самые низкие уровни мигрантофобии были выявлены в скандинавских

странах – Швеции, Финляндии, Дании, а также Люксембурге, а самые высокие – на Мальте, в Греции, Латвии, Кипре, Венгрии. Отмечается, что данные по странам Южной и Западной Европы не позволяют выявить устойчивые закономерности в оценке населением актуальности анти-миграционных настроений. «Разрешительный» тип миграционной политики более характерен для стран Северной Европы (Швеция и Финляндия), Нидерландов и государств, которые лишь недавно стали принимать существенные потоки мигрантов (Португалия и Италия). Наименее инклюзивной (а значит наиболее рестриктивной) оказалась миграционная политика в странах Восточной Европы.

Европейские социологи измерили влияние на установки населения принимающего общества и переживаемые ими чувства таких переменных, как: уровень образования респондента (образованность ассоциируется с более широкими взглядами на мир и позитивным отношением к меньшинствам), занятость (наличие работы снижает ощущение экономической угрозы, исходящей от приезжих); тип поселения (гетерогенная городская среда располагает к большей открытости), удовлетворенность жизнью, возраст и пол, величина сообщества мигрантов (часто мигрантофобия однобоко связывается с большой численностью приезжих). Проанализированы экономическая ситуация в стране (измерялась уровнем безработицы; предполагается, что экономическое неблагополучие подпитывает ощущение угроз), степень консервативности общества и характер социальной политики (последняя оценивалась по размерам социальных расходов). В итоге, например, оказалось, что численность иммигрантов, уровень безработицы, социально-политическая консервативность, как и социальные выплаты, не влияют на кросс-национальные различия уровня ощущаемой угрозы. Основным выводом данного исследования заключается в том, что разрешительная миграционная политика положительно сказывается на снижении ощущения угрозы, исходящей от иммигрантов, при этом именно политика в этой сфере, устанавливающая социальные нормы, играет ключевую роль в формировании установок принимающего большинства (Schlueter et al, 2013, с. 680).

Российская Федерация не входила в число стран, охваченных вышеупомянутым проектом, однако представляется небезынтересным ответить на ряд вопросов, возникающих при осмыслении выводов европейских социологов в отечественном контексте. К какому из двух типов тяготеет миграционная политика России?

Какова в этом роль массмедиа как института, артикулирующего, воспроизводящего и регулирующего социальные нормы и правила межгруппового взаимодействия, в том числе отношений между большинством принимающего социума и приезжими? В какой степени репертуары репрезентации миграционной тематики в СМИ способствуют стратегической цели адаптации и интеграции мигрантов в России?

Безусловно, СМИ не являются единственным социальным институтом, обеспечивающим конформизм и принятие социетальных норм, тем не менее, наряду с правовой системой и образованием, массмедиа выступают значимым каналом формирования представлений и социально-психологических установок россиян. Характер миграционной политики определяется не только «буквой закона» в этой сфере, но и действительной миграционной практикой, имеющей несколько социальных измерений и вовлекающей множество разноуровневых акторов, включая СМИ в регионах. Конкретно-социологический анализ региональных репертуаров освещения миграционных процессов (на примере газетной прессы Республики Татарстан (Низамова, 2014)) позволяет отнести Россию (как и многие страны Восточной Европы, по оценке Э. Шлютера и его соавторов) к числу государств, тяготеющих к рестриктивному типу миграционной политики, даже если речь идет о легальной миграции.

Это, во-первых, подтверждается тематическими приоритетами публикаций, среди которых численно преобладают материалы о незаконном пребывании на территории РФ, нарушении мигрантами правил въезда в страну, режима проживания и трудового законодательства, об усилиях госорганов по предупреждению и выявлению нарушений, наложению штрафов, составлению административных протоколов, выдворению на родину и т.п. Информация об «этнической преступности» и уголовных преступлениях, совершаемых приезжими (убийствах, кражах, изнасилованиях, драках и др.), усиливает образ мигранта как правонарушителя, на которого следует воздействовать ответными рестриктивно-репрессивными мерами (Низамова, 2014). Вывод об ограничительном типе российской миграционной политики подкрепляется, во-вторых, лексическим анализом материалов прессы, в которых читателю сообщается о «пресечении нарушений», «зачистке», «проверке по базам данных розыска», «амнистии», «привлечении к от-

ветственности» и т.п. Чаще всего республиканская пресса использует в отношении приехавших определение «мигрант», превосходящее по частоте упоминаний такие, как «иностранец (-цы)», «гастарбайтер (-ы)», «нелегал / нелегальный мигрант», «иностранный гражданин», и звучащее как в нейтральных, так и в отрицательных смысловых контекстах. Примечательно, что в отношении иностранных студентов или беженцев и вынужденных переселенцев с Украины оно не используется. В-третьих, хотя в основном массиве статей не выражается какой-либо позиции в отношении приезжих, число публикаций, в которых обозначается отрицательное отношение к мигрантам, более чем в два раза превосходит материалы с позитивными оценками. Типичные приемы и способы символической репрезентации миграций в стране дают возможность распространить негативные значения, связанные с нелегальной миграцией, на всех «чужих» и освободить от ответственности за нарушение миграционного и трудового законодательства акторов, заинтересованных в эксплуатации труда приезжих – «недобросовестных работодателей», коррумпированных чиновников, местных жителей. Хотя региональный медиадискурс имеет некоторые особенности (связанные с полиэтничностью населения республики и этнокультурными стратегиями Татарстана), в целом он воспроизводит общероссийские рестриктивные репертуары. Они, например, могут быть проиллюстрированы алармистским освещением «миграционного кризиса» и притока беженцев и вынужденных переселенцев из Африки и Ближнего Востока в Европу на национальном телевидении (Первый канал, 2016) и в прессе (Известия, 2015) (независимо от явных и латентных причин приверженности подобной риторике).

Полученные данные свидетельствуют о том, что существует противоречие между стратегической целью обеспечения адаптации и интеграции мигрантов и рестриктивным дискурсом, сопровождающим миграционные сдвиги в российских регионах и стране в целом. Отечественные СМИ одновременно выступают публичным выразителем негативизма и фобий в отношении приезжих, распространенных среди населения, и влиятельным каналом воспроизводящим, тиражирующим и подпитывающим массовые настроения ксенофобии. Работа выполнена за счет средств субсидии, выделенной Казанскому федеральному университету для выполнения государственного задания в сфере научной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Паламарчук, М. В общежитиях Германии беженцы устроили две массовые драки / М. Паламарчук // Известия. – 2015. – 14 дек.
2. Низамова, Л. Р. Репрезентация миграционных процессов в газетном дискурсе Республики Татарстан / Л. Р. Низамова // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2014. – Т. 156, кн. 6. – С. 253–262.
3. Тысячи преступлений, совершенных мигрантами, насчитали в Швеции // Первый канал (а). Новости. – 2016. – 30 янв. – URL: <http://www.1tv.ru/news/world/301010> (дата обращения: 30.01.2016).
4. Миграционный кризис в Европе заставляет власти стран принимать все новые меры безопасности // Первый канал (б). Новости. – 2016. – 26 янв. – URL: <http://www.1tv.ru/news/world/300704> (дата обращения: 30.01.2016).
5. Юрий Крупнов: Против Европы применено миграционное оружие // Первый канал (в). Время покажет. – 2016. – 21 янв. – URL: http://www.1tv.ru/sprojects_edition/si5962/fi43217 (дата обращения: 30.01.2016).
6. Фонд общественное мнение. Об отношении к мигрантам – внутренним и внешним. – 2014. – URL: <http://fom.ru/Nastroeniya/11566> (дата обращения: 30.01.2016).
7. Schlueter, E. Immigrant integration policies and perceived group threat: A multilevel study of 27 Western and Eastern European countries / E. Schlueter, B. Meuleman, E. Davidov // Social Science Research. – 2013. – Vol. 42. – P. 670–682.

ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ВУЗА

И. А. Новикова (г. Москва, Россия)

В связи с глобализационными процессами, происходящими в современном мире, выявление закономерностей межкультурной адаптации становится одним из центральных вопросов социальной психологии. Под межкультурной адаптацией, в широком смысле, понимается процесс, благодаря которому человек достигает соответствия с новой культурной средой, а также результат этого процесса. Обычно выделяют внутреннюю сторону адаптации, выражающуюся в чувстве удовлетворенности и полноты жизни, и

ее внешнюю сторону, которая проявляется в участии индивида в социальной и культурной жизни новой группы (Стефаненко, 2009). К межкультурной адаптации можно отнести и адаптацию в новой образовательной среде. В связи с тем, что академическая мобильность студентов растет в последние годы во всем мире и в том числе в России увеличивается и актуальность изучения данной проблемы.

Огромный опыт совместного обучения и эффективного межкультурного взаимодействия студентов из разных стран накоплен в одном из крупнейших многонациональных вузов мира – Российском университете дружбы народов (РУДН). РУДН – это уникальное поликультурное образовательное пространство, в котором обучаются представители более 140 стран мира (около 450 народов и национальностей). В миссии РУДН говорится об объединении знанием людей разных национальностей, рас и вероисповеданий, а также о воспитании молодежи, способной успешно работать в любой стране мира и проявлять свои творческие возможности в условиях взаимосвязи цивилизаций и многообразия современного общества (Миссия РУДН, 2016). Коллективом НОЦ психолого-педагогических исследований РУДН в последние десятилетия проводятся комплексные исследования проблем межкультурной коммуникации и адаптации иностранных студентов из разных регионов с целью выявления психологических факторов, наиболее тесно связанных с эффективностью адаптации к новой культуре (Маслова, 2012; Новикова, 2015; Чеботарева, 2011).

Как считает Т.Г. Стефаненко, важным направлением исследований межкультурной адаптации является выявление индивидуальных и групповых факторов, которые могут способствовать или препятствовать эффективности данного процесса. Одним из индивидуальных факторов адаптации, наряду с социально-демографическими характеристиками, безусловно, являются личностные особенности (черты личности и характера). При этом необходимо учитывать, что при адаптации в разных культурах значимыми могут оказаться разные особенности личности (Стефаненко, 2009). Очевидно, что среди представителей любого этноса существует большой разброс по выраженности тех или иных черт. Соответственно, ряд проблем межкультурной адаптации и коммуникации может быть обусловлен личностными особенностями общающихся (относительно независимо от их этнической принадлежности).

В зарубежных исследованиях межкультурной адаптации широко используется **пятифакторная модель личности FFM** (Five Factors Model), так называемая «Большая пятерка» или “Big Five” (Фернхем, Хейвен, 2001; McCrae, John, 1992; Novikova, 2013). Сущность данной модели состоит в том, что признается существование пяти фундаментальных (высшего порядка) ортогональных (независимых) личностных черт: **экстраверсия, нейротизм, доброжелательность (согласие), добросовестность (сознательность), открытость новому опыту**, которые могут определять различные аспекты социального поведения человека. В исследованиях с использованием данной модели было показано, что **экстраверсия** и **открытость новому опыту** выступают как предикторы лучшей адаптации мигранта к новой этнокультурной среде (Hannigan, 1990; Lievens, Harris, Van Keer, Bisqueret, 2003).

Исследования на основе Пятифакторной модели проводятся и в отечественной психологии, в том числе и для кросс-культурных исследований. В частности, нами совместно с Отгонгэрэл Жамбал было проведено исследование соотношения параметров межкультурной адаптации с индивидуально-личностными факторами «Большой пятерки» у монгольских и китайских студентов. В исследовании приняли участие 40 монгольских и 40 китайских студентов, обучающихся в РУДН на вторых-четвертых курсах разных факультетов. Для диагностики параметров межкультурной адаптации студентов была использована методика Опросник адаптации личности к новой социокультурной среде (АЛКСС) Л. В. Янковского, в модифицированной версии Т. Г. Стефаненко, М. С. Панова. Методика включает шесть шкал, первые три из которых («удовлетворенность», «интерактивность», «конформность») соответствуют «позитивным» показателям межкультурной адаптации, а следующие три («депрессивность», «ностальгия», «отчужденность») – свидетельствуют об определенных проблемах в адаптации. Для диагностики индивидуально-личностных факторов «Большой пятерки» использовался Пятифакторный личностный опросник, в модификации М. В. Бодунова и С. Д. Бирюкова. Для статистической обработки использовался U-критерий Манна–Уитни и корреляционный анализ. Сравнительный анализ корреляций в двух изучаемых группах студентов выявил, что совпадают три значимые корреляции параметров межкультурной адаптации и индивидуально-личностных факторов: 1) положительная корреляция «конформности» с выраженностью **экстраверсии**; 2) положительная

корреляция «отчужденности» с выраженностью *нейротизма*; 3) отрицательная корреляция «отчужденности» с выраженностью *открытости новому опыту*. Содержательно данные корреляции означают, что более активные, энергичные, коммуникативные монгольские и китайские студенты в большей степени склонны к принятию и следованию нормам и правилам нового общества. В тоже время более любознательные, творческие, открытые для новых впечатлений, а также эмоционально более стабильные студенты обеих групп менее склонны к отчуждению от новой культуры. Эти данные соответствуют данным зарубежных исследований, приведенным выше. Отметим, что для монгольских студентов была выявлена и положительная связь «конформности» как параметра межкультурной адаптации и *добросовестности* как фактора «Большой пятерки» (Жамбал, 2015). В настоящее время данное исследование продолжается с привлечением более расширенной и уравненной по половому составу выборки.

Еще одним направлением исследований личностных факторов межкультурной адаптации иностранных студентов, проводимых в РУДН, являются исследования, выполненные на основе системно-функциональной модели свойств личности, разрабатываемой под руководством А. И. Крупнова (Крупнов, 2006; Системные исследования..., 2014). Согласно принятой в настоящее время восьмикомпонентной модели анализа, свойство личности понимается как комплексное и системное образование, в структуре которого выделяются два блока: *мотивационно-смысловой* (установочно-целевой, мотивационный, когнитивный и продуктивный компоненты) и *регуляторно-динамический* (динамический, эмоциональный, регуляторный, рефлексивно-оценочный компоненты). Каждый компонент содержит по две переменные. Важнейшими преимуществами кросс-культурных и этнопсихологических исследований, выполненных в рамках системно-функциональной модели, являются следующие возможности: 1) комплексное изучение и сравнение свойств личности в совокупности их инструментально-динамических и мотивационно-смысловых составляющих; 2) выявление и сопоставление психологических структур связей и соотношений между инструментально-динамическими и мотивационно-смысловыми подсистемами изучаемых свойств в разных группах; 3) разработка программ развития и коррекции изучаемых личностных свойств с учетом их индивидуально-психологической и этнокультурной специфики (Системные исследования..., 2014).

Кратко представим результаты одного из исследований межкультурной адаптации иностранных студентов РУДН, выполненных с использованием системно-функциональной модели А. И. Крупнова (Дементьева, 2011). В данном исследовании в качестве личностного фактора межкультурной адаптации рассматривалась любознательность как системно-функциональное свойство личности. Выбор любознательности объясняется тем обстоятельством, что данное свойство соотносится с *открытостью опыту* из Пятифакторной модели (Воробьева, 2015). В исследовании приняли участие 31 студент из Латинской Америки и 22 студента из Африки, обучающиеся на 2–5 курсах различных факультетов РУДН. Для диагностики межкультурной адаптации использовалась методика АЛКСС, описанная выше. Для диагностики любознательности – бланковый тест, разработанный А. И. Крупновым на основе системно-функциональной модели. Для статистической обработки использовался U-критерий Манна–Уитни, корреляционный и факторный анализ. Было установлено, что в группе латиноамериканских студентов переменные любознательности как системно-функционального свойства личности теснее всего связаны с такими параметрами межкультурной адаптации, как «депрессивность» и «отчужденность». При этом связь с параметрами адаптации обнаружили в основном агармонические переменные, такие, как *операциональные* и *личностные трудности*, *аэргичность*, *экстернальность*. Факторный анализ выявил положительную связь между переменной *осмысленность* и параметрами «удовлетворенность» и «конформность». Содержательно это означает, что латиноамериканские студенты, у которых возникают трудности с реализацией любознательности, в большей мере склонны к депрессивности и отчужденности от новой культуры, а те из них, кто лучше осознает и понимает сущность любознательности, наоборот, более удовлетворены адаптацией и склонны к принятию норм новой культуры. В группе африканских студентов переменные любознательности более тесно связаны как с «позитивными», так и с «негативными» параметрами адаптации. Факторный анализ выявил отрицательную связь «удовлетворенности» и переменных эмоционального и рефлексивно-оценочного компонентов. «Ностальгия» африканских студентов связана с переменными продуктивно-результативного компонента, а «депрессивность» и «отчужденность» отрицательно связаны с *социоцентричностью* и *аэргичностью*. Это означает, что более удовлетворены процессом меж-

культурной адаптации студенты, у которых возникает меньше трудностей и эмоциональных проблем в реализации любознательности. Меньшая выраженность общественно значимой мотивации любознательности и ее поведенческих навыков характерны для африканских студентов, склонных к депрессивности и отчужденности от новой культурной среды. Можно отметить, что в обеих группах трудности в реализации любознательности связаны с теми или иными проблемами межкультурной адаптации, что может быть использовано в коррекционной работе по оптимизации и развитию любознательности. В целом, данное исследование подтверждает, что любознательность является одним из важных личностных факторов межкультурной адаптации иностранных студентов, но для уточнения и конкретизации выводов необходимо продолжение исследований.

В заключении упомянем, что коллективом НОЦ психолого-педагогических исследований РУДН был проведен целый цикл исследований толерантности как одного из факторов межкультурной адаптации, при этом толерантность рассматривалась нами, прежде всего, как личностная черта. Выявлено, что толерантность является значимым фактором, определяющим межличностное и межкультурное взаимодействие студентов, обучающихся в многонациональном университете. Наиболее тесно показатели толерантности и параметры межкультурной адаптации связаны в группах студентов из Латинской Америки, Африки и Арабских стран (Новикова, 2015).

Таким образом, подводя итоги краткому анализу проблемы личностных факторов межкультурной адаптации студентов многонационального вуза (на примере РУДН), можно заключить, что различные черты и свойства личности, такие как экстраверсия, открытость опыту, добросовестность, любознательность, толерантность могут способствовать более оптимальной межкультурной адаптации иностранных студентов. На наш взгляд, очень важно, что большинство из перечисленных черт являются в тоже время и важнейшими предикторами академической успешности студентов (Воробьева, 2015). Следовательно, комплексная психолого-педагогическая работа, направленная на гармонизацию указанных черт личности, будет способствовать как повышению учебных достижений студентов, так и их адаптации в поликультурном образовательном пространстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Воробьева, А. А. Волевые и познавательные черты личности как факторы учебных достижений студентов : дис. ... канд. психол. наук / Воробьева А. А. – М. : РУДН, 2015.
2. Дементьева, А. Н. Соотношение любознательности и адаптации латиноамериканских студентов / А. Н. Дементьева // Актуальные проблемы социальной и этнической психологии : материалы Межвуз. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. – М. : РУДН, 2011. – С. 86–91.
3. Жамбал, О. Специфика межкультурной адаптации и факторов «Большой пятерки» у монгольских и китайских студентов / О. Жамбал // Психологическое благополучие в поликультурном мире : сб. ст. победителей конкурсов научных работ студентов и аспирантов. – М. : РУДН, 2015. – С. 16–28.
4. Крупнов, А. И. Системно-диспозиционный подход к изучению личности и ее свойств / А. И. Крупнов // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. – 2006. – № 1. – С. 63–73.
5. Маслова, О. В. Особенности межкультурной адаптации латиноамериканских студентов в России / О. В. Маслова // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. – 2012. – № 2. – С. 50–59.
6. Миссия РУДН. – URL: <http://www.rudn.ru/?page=811> (дата обращения: 8.02.2016).
7. Новикова, И. А. Толерантность как условие эффективного взаимодействия в поликультурном образовательном пространстве / И. А. Новикова // Психология образования в поликультурном пространстве. – 2015. – Т. 1, № 29. – С. 52–62.
8. Системные исследования свойств личности: к 30-летию научной школы А. И. Крупнова в РУДН : кол. моногр. / науч. ред. А. И. Крупнов, С. И. Кудинов, И. А. Новикова. – М. : РУДН, 2014.
9. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. – М. : Аспект Пресс, 2009.
10. Фернхем, А. Личность и социальное поведение / А. Фернхем, П. Хейвен. – СПб. : Питер, 2001.
11. Чеботарева, Е. Ю. Межкультурная адаптация к России студентов из Азии, Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока / Е. Ю. Чеботарева // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. – 2011. – № 3. – С. 6–11.
12. Hannigan, T. P. Traits, attitudes, and skills that are related to intercultural effectiveness and their implications for cross-cultural training: A review of the literature / T. P. Hannigan // International Journal of Intercultural Relations. – 1990. – No 14. – P. 89–111.

13. Predicting cross-cultural training performance: The validity of personality, cognitive ability, and dimensions measured by an assessment center and a behavior description interview / F. Lievens, M. M. Harris, E. Van Keer, C. Bisqueret // *Journal of Applied Psychology*. – 2003. – No. 88. – P. 476–489.

14. McCrae, R. R. An introduction to the Five-Factor Model and its applications / R. R. McCrae, O. P. John // *Journal of Personality*. – 1992. – No. 60 (2). – P. 175–215.

15. Novikova, I. A. Big Five (The Five-Factor Model and The Five-Factor Theory) / I. A. Novikova // *The Encyclopedia of Cross-Cultural Psychology* / K. D. Keith (Eds.). – Hoboken, New Jersey : Wiley-Blackwell. – 2013. – P. 136–138.

УСПЕШНОСТЬ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ

Р. В. Осин (г. Пенза, Россия)

В современном полиэтничном мире все более усиливаются процессы миграции. Стремительная глобализация ведет к тому, что во всех социальных сферах (просвещения, бизнеса, досуга, общественных отношений) резко увеличивается количество контактов между представителями разных культур.

В связи с этими изменениями возрастает значение исследований социально-психологических закономерностей аккультурации, кросс-культурной адаптации этнических меньшинств – как добровольных, так и вынужденных мигрантов. Проблема сосуществования разных культур настоятельно требует научной рефлексии. В частности, очень важно решить вопрос, как обеспечить в процессе аккультурации (вхождения в чужую культуру) баланс между двумя противоположными тенденциями – снятия различий при присоединении к новой группе либо сохранения собственной идентичности.

Последние кросс-культурные исследования иммигрантов и временных переселенцев свидетельствуют о том, что в ближайшем будущем нас ожидает не «смешение культур», а такое их сосуществование, в котором сохраняется их своеобразие и специфичность. Утверждается понимание того, что пребывание в чужой культуре не предполагает обязательности ее полного принятия, а скорее означает адаптацию, приспособление к ней (Мацумото, 2005), (Смолина, 2007). В настоящее время многие российские и западные исследователи феномена адаптации мигрантов, наряду с

терминами «социокультурная адаптация» (Стефаненко, 1999), «Этнокультурная адаптация» (Лебедева, 1993), используют термин «кросс-культурная адаптация». При этом большинство авторов употребляют этот термин для обозначения процесса и результата активного взаимодействия индивида с новой культурной средой, которое ведет к достижению высокого уровня функционального и психологического благополучия (Гришина, 2010).

Адаптация к чужой культуре исследуется в разных научных парадигмах: в бихевиоризме как ответные реакции индивида на стимулирующее воздействие среды, в когнитивизме – как соответствие между новой информацией и прежним опытом, в интеракционизме – как способность индивида разрешать трудности, защищаться от деструктивного воздействия среды и т.д. (Южанин, 2007).

К. Уорд и ее коллеги кросс-культурную адаптацию разделяют на два вида – психологическую и социально-культурную. В основе психологической адаптации, по их мнению, лежат, главным образом, аффективные реакции, связанные с переживанием благополучия, удовлетворения в процессе кросс-культурного перемещения. Социо-культурную они относят к области поведения, позволяющего «соответствовать» новому культурному окружению или эффективно взаимодействовать с ним. При этом была обоснована взаимосвязь между обоими видами кросс-культурной адаптации (Уорд, 2005).

Обобщив экспериментальные данные ряда авторов, К. Уорд выделила аффективные, поведенческие и когнитивные критерии успешности адаптации мигрантов: психологическое благополучие, эффективное функциональное взаимодействие с местным населением, успешное выполнение профессиональных (учебных) задач, решение проблем повседневной жизни; принятие соответствующих установок и ценностей (Уорд, 2005).

Т. Г. Стефаненко рассмотрела следующие критерии адаптированности личности к другой культуре: продолжительность и степень выраженности дискомфортных эмоциональных состояний, продуктивность деятельности адаптанта, его способность получать удовольствие от жизни (Стефаненко, 1999).

Цель данной статьи – выполнить классификацию факторов успешности кросс-культурной адаптации мигрантов.

В понятие мигранта мы включаем все категории субъектов кросс-культурного перемещения и адаптации: добровольных им-

мигрантов, беженцев, международных туристов, иностранных студентов, специалистов, командированных.

В западной и российской литературе факторы, способствующие либо тормозящие процесс кросс-культурной адаптации мигрантов, классифицируются по-разному.

Д. Берри рассматривает факторы адаптации, действующие на макро- и микроуровне. К факторам макроуровня он относит характеристики общества, в которое приехал мигрант и из которого он происходит. Речь идет о социальных, демографических, политических факторах: этническом составе, уровне культурного плюрализма общества, отношении к этническим и культурным «они» - группам. Факторы микроуровня – это характеристики индивида, усваивающего новую культуру, и условий, в которых происходит это усвоение: личностные особенности (локус контроля, гибкость), ожидания, культурная дистанция (религия, язык), стратегии адаптации, факторы социальной поддержки.

К. Уорд выделяет две группы факторов кросс-культурной адаптации: факторы социокультурной адаптации (т.е. научения культуре) и психологической адаптации (т.е. факторы психологического благополучия и удовлетворения). В первой группе присутствуют: количество связей с местным населением, культурная дистанция, продолжительность проживания в новой стране. Вторую группу составляют: стрессовые жизненные изменения, требующие мобилизации адаптивных ресурсов, адаптивные характеристики личности (внутренний локус контроля, гибкость), социальная поддержка (со стороны соотечественников и местного населения).

Е. А. Гришина, обобщив большое количество кросс-культурных исследований, рассмотрела содержание трех групп факторов продолжительности и успешности адаптации мигрантов: общекультурных, социальных и индивидуальных. Первая группа характеризует специфику обеих культур – принимающей и исходной – и величину культурной дистанции. Состав факторов второй группы четко не обозначен, но имеется в виду социальная поддержка мигрантов (реальная или воспринимаемая). Основной акцент делается на субъективной оценке дискриминации по отношению к приезжим со стороны местного населения. К индивидуальным факторам автор относит социально-демографические и личностные особенности адаптантов – возраст и социальный статус, оптимистичность ожиданий, мотивацию к переезду, внутренний локус контроля, низкий уровень тревожности и нейротизма, гиб-

кость, открытость новому опыту и др. Факторы, относящиеся к стратегиям адаптации, – сознательно либо бессознательно выбираемые – Гришина характеризует особо (однако иногда в рамках классификации факторов они тоже присутствуют).

На основе анализа многочисленных эмпирических данных современных исследователей адаптации субъектов кросс-культурных перемещений мы предложили следующую систематизацию факторов ее успешности.

Выделено три блока факторов:

- ситуационный,
- личностный,
- блок соответствия особенностей личности мигранта и его культуры ситуациям и нормам культуры, к которой происходит адаптация.

Мы основывались на гипотезе соответствия культуре, выдвинутой Уорд и Чанг, в которой подчеркивается важность рассмотрения в качестве прогностических факторов кросс-культурной адаптации не только характеристик личности, но и их соответствие нормам принимающей культуры (С. Ward, W. C. Chang, 1997)

В нашей классификации учитывалось не только значение соответствия на уровне «личность – ситуация», но и степень сходства или различия двух культур – культуры происхождения, носителем которой является личность мигранта, и культуры контакта.

В структуру первого блока факторов мы включим следующие:

- обстоятельства и характер миграции (добровольность перемещения);
- благополучие супружеских отношений в семье мигранта;
- поддержка со стороны соотечественников;
- интенсивное взаимодействие с местными жителями;
- наличие друзей среди местного населения;
- позитивное восприятие обеими группами (мигрантов и представителей принимающей культуры) друг друга;
- отсутствие дискриминации (реальной и субъективной) по отношению к приезжим со стороны местного населения;
- история взаимоотношений взаимодействующих народов: отсутствие между ними войн, конфликтов, геноцида;
- культурный плюрализм принимающего общества (а не ориентация на ассимиляцию мигрантов);

– государственная политика в отношении расовой, этнической, культурной принадлежности мигрантов;

– наличие программ кросс-культурной подготовки (научения новой культуре).

Во второй блок факторов кросс-культурной адаптации мигрантов вошли:

– возраст: молодой, зрелый;

– мужской пол;

– высокий уровень образования и социального статуса;

– наличие предшествующего кросс-культурного опыта;

– внутренняя локализация контроля;

– гибкость и дифференцированность Я-концепции;

– «когнитивная сложность»;

– поведенческая гибкость;

– толерантность к неопределенности;

– высокий уровень самоконтроля и самоэффективности;

– установка на использование таких стратегий усвоения культуры, как интеграция или ассимиляция;

– установка на использование поведенческих стратегий активного планомерного преодоления проблем и поиска социальной поддержки;

– установка на использование стратегий приспособления к новой культуре либо активного влияния на нее;

– сила мотивации к кросс-культурному перемещению;

– готовность к изменениям, саморегуляция (по Шварцу);

– самотрансцендентность: универсализм, доброжелательность (по Шварцу);

– низкий уровень личностной тревожности;

– индивидуальные различия в когнитивной оценке стрессовых жизненных изменений (изменения как угроза либо как стимул, требующий напряжения сил);

– оптимальный уровень оптимизма;

– коммуникативная компетентность;

– выраженность межкультурной (глобальной) идентичности (способности понимать людей из разных культур);

– способность к изменению своих ценностных ориентаций и Я-концепции;

– лингвистическая компетентность (знание языка контакта);

– высокий уровень информированности о специфике принимающей культуры.

Третий блок составили следующие факторы:

– оптимальность дистанции между культурами происхождения и контакта;

– кросс-культурное сходство нравственных принципов;

– кросс-культурное сходство ценностей, поведенческих норм и условностей;

– кросс-культурное сходство по ценностным параметрам индивидуализма/коллективизма, маскулинности/фемининности, избегания неопределенности, уровня дистанции власти (по Г. Хофстеде);

– соответствие ожиданий мигрантов реально получаемому опыту;

– кросс-культурное сходство в невербальном поведении (обмен взглядами, тактильный контакт, жестикация, позы, манера разговора, выражения эмоций и т.д.);

– соответствие ментальностей двух народов;

– кросс-культурное сходство в понимании самоуважения и субъективного благополучия;

– кросс-культурное сходство в понимании социальной справедливости;

– кросс-культурное сходство в проведении деловых переговоров, в выборе стратегий разрешения конфликтов.

Таким образом, мы выполнили систематизацию эмпирически обоснованных в кросс-культурной психологии многочисленных факторов успешности адаптации мигрантов по блокам: ситуационный, личностный и блок соответствия личности мигранта как носителя своей культуры особенностям принимающей культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белинская, Е. П. Социальная психология личности / Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая. – М., 2009.

2. Берри, Д. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы / Д. Берри // Развитие личности. – 2001. – № 3, 4.

3. Кросс-культурная психология / Д. Берри [и др.]. – Харьков, 2007.

4. Грищенко, В. В. Роль индивидуальных различий в процессе адаптации вынужденных мигрантов / В. В. Грищенко // Психология беженцев и вынужденных переселенцев / под ред. Г. У. Солдатовой. – М. : Смысл, 2001.

5. Гришина, Е. А. Динамика эмоциональных состояний личности в условиях кросс-культурной адаптации : дис. канд. психол. наук / Гришина Е. А. – М., 2010.
6. Лебедева, Н. М. Социальная психология этнических миграций / Н. М. Лебедева. – М. : Институт этнологии и антропологии РАН, 1993.
7. Миллер, Дж. Культура и нравственное развитие / Дж. Миллер // Психология и культура / под ред. Д. Мацумото. – СПб. : Питер, 2005.
8. Психология и культура / под ред. Д. Мацумото. – СПб. : Питер, 2005.
9. Смолина, Т. Л. Адаптация к инокультурной среде: анализ родственных понятий / Т. Л. Смолина // Психология человека: интегративный подход / под ред. В. Н. Панферова. – СПб., 2007.
10. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. – М. : Институт психологии РАН, 1999.
11. Уорд, К. Азбука аккультуризации / К. Уорд // Психология и культура / под ред. Д. Мацумото. – СПб. : Питер, 2005.
12. Южанин, М. А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу / М. А. Южанин // Социологические исследования. – 2007. – № 5.
13. Ямагучи, С. Культура и контроль / С. Ямагучи // Психология и культура / под ред. Д. Мацумото. – СПб. : Питер, 2005.
14. Ward, C. “Cultural fit”: A new perspective on personality and sojourner adjustment / C. Ward, W. C. Chang // International Journal of Intercultural Relations. – 1997. – № 21.
15. Ward, C. Coping with cross-cultural transition / C. Ward, A. Kennedy // Journal of Cross-Cultural Psychology. – 2001. – Vol. 32.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ В ВУЗЕ КРЕАТИВНОСТИ И ТОЛЕРАНТНОСТИ КАК ПОКАЗАТЕЛЕЙ АДАПТИРОВАННОСТИ СТУДЕНТОВ

Н. П. Петрова (г. Краснодар, Россия)

Процессы, протекающие сегодня в мире, отличаются противоположной направленностью, с одной стороны, каждая страна, народ и каждый человек стремится найти свое место в мире, исходя из своего самосознания и уникальности, и сохранить свою национальную идентичность. А с другой стороны, мир идет к объединению, ищет пути к пониманию через общечеловеческие цен-

ности, диалог культур. Необходимость сообща решать глобальные проблемы, приходиться к взаимопониманию предъявляет высокие требования к человеку третьего тысячелетия, результатом воспитания и развития которого должна стать культура мира, умение вести диалог, понимать и принимать точку зрения другого.

Проблема воспитания студента в вузе связывается с закономерным развитием его личности, поэтому можно предположить, что создавая условия для развития некоторых личностных качеств возможно ускорить процессы адаптации. Мы считаем, что такие личностные качества как креативность, толерантность находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости с адаптированностью.

Исследование проблемы креативности личности указывает на сходство условий ее формирования и условий развития толерантной личности. Именно творческое начало в человеке предполагает наличие опыта внутренней свободы, интереса, принятия, т.е. того, что является частью характеристики толерантности, поэтому исследование проблемы взаимосвязи и взаимовлияния креативности и толерантности как показателей адаптированности представляется нам актуальным.

Научные исследования показали, что креативность достоверно связана с критичностью мышления, адекватной самооценкой, развитыми коммуникативными качествами, умением эффективно взаимодействовать в группе, с ответственностью и самостоятельностью.

Иногда эти качества трактуют как самодостаточность. «Когда человек самодостаточен, опирается на свои знания, умения, навыки, силы, умеет требовать и соблюдать законность и порядок, ему врагов искать не надо».

Другими словами, креативность способствует процессу адаптации личности в новых условиях жизнедеятельности. Адаптация же – это тот социально-психологический процесс, который при благоприятном течении приводит личность к состоянию адаптированности.

Креативный человек адаптирован и толерантен, он готов жить в мире с окружающими и сотрудничать. Имея развитое мышление, такой человек способен использовать плюсы и обходить минусы взаимодействия, находить взаимоприемлемые точки соприкосновения, не только сохранять границы своей личности в неприкосновенности, но и не нарушать чужие. Он способен «жить сам и давать жить другим».

Адаптированному человеку свойственен низкий уровень тревожности, адекватность самооценки, творческий настрой, положительное восприятие окружающих связаны с внутренним равновесием, душевным комфортом и, как следствием, готовностью быть терпимым, позволять другому отличаться, быть непохожими.

Конечно, существует противоречие между требованиями к личности, которые выдвигает общество, и самим уровнем развития этой личности.

Все сказанное в полной мере относится к студентам, гражданам РФ, и к учебным мигрантам, гражданам других стран, которые приехали получать высшее образование в нашей стране.

Исследования, проведенные в КГАУ на факультетах учетно-финансовом и электрификации и автоматизации сельского хозяйства, позволили получить следующие результаты, отражающие особенности взаимосвязи толерантности и креативности личности.

Группа, в которой обучаются в основном девушки (учетно-финансовый факультет), показывает по вербальной и невербальной креативности средние результаты по оригинальности, беглости и по гибкости. Менее всего развито такое качество креативности как разработанность.

Другая группа (факультет электрификации и автоматизации), в котором обучаются в основном юноши, имеет по вербальной и невербальной креативности низкие результаты по оригинальности, почти не развита у них разработанность, средние и высокие результаты по беглости и гибкости, В вербальной сфере гибкость по значениям превосходит беглость.

Такие показатели креативности как гибкость, беглость примерно одинаковы в обеих группах испытуемых, по оригинальности и разработанности испытуемые 1 группы превосходят испытуемых 2 группы.

Все испытуемые имеют средний уровень общей толерантности. Однако если значения 1 группы расположены ближе к верхним границам, то у испытуемых 2 группы они ближе к нижним, у некоторых юношей опускаются в зону интолерантности.

Такие результаты показывают респонденты, которые могут в одних социальных ситуациях вести себя толерантно, а в других могут проявлять интолерантность. Это может зависеть от их актуального состояния, настроения, от значимого окружения.

Социальная толерантность как черта личности менее всего выражена в группах. Почти все опрошенные считают, что психически больных людей нужно изолировать от общества, что если

друзья предадут, то им нужно мстить и т.д. У жителей города социальная толерантность выражена сильнее. Возможно, это связано с тем, что в городе чаще встречаются малые социальные группы, в которых испытуемые взаимодействуют.

Этническая толерантность и толерантность как черта личности более выражены в группах, особенно в первой. У респондентов из города уровень этнической толерантности выше, чем у сельских жителей.

У юношей более выражены этническая и социальная толерантность, у девушек – толерантность как личностная черта. Городские жители более толерантны, сельские же жители более интолерантны. Особенно это заметно во второй, «мужской», группе.

Сравнивая результаты корреляционного анализа показателей двух групп, можно отметить, что в первой группе креативность и толерантность имеют прямо пропорциональные связи, а во второй группе противоречивые (прямо пропорциональные и обратно пропорциональные). Возможно, это связано с тем, что во второй группе учатся юноши, а в первой группе большинство девушек.

Чем выше вербальная креативность личности, тем более выражена толерантность этой личности. Чем выше такие показатели вербальной креативности как гибкость и беглость, тем более выражена толерантность как черта личности. Эти данные указывают на хорошо развитые коммуникативные навыки, которые способствуют общению и терпимости.

Необходимо отметить противоречивые связи вербальной и невербальной креативности с толерантностью во 2 группе: невербальная креативность имеет обратно пропорциональные связи с толерантностью, а вербальная креативность, наоборот, прямо пропорциональные. Обнаружено, что креативность достоверно не связана с социальной толерантностью. Это явление требует дальнейших исследований.

В подгруппе сельских жителей имеются противоречивые корреляционные связи невербальной и вербальной креативности и толерантности.

Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов.

Высокий и средний уровень таких показателей креативности как беглость и гибкость, средний и низкий уровень оригинальности показали испытуемые обеих групп. Разработанность имеет средние и низкие значения в группе, где обучаются в основном девушки. Городские жители более креативны. Все испытуемые имеют средний уровень толерантности. Наиболее развита у испытуе-

мых этническая толерантность. Менее всего развита социальная толерантность. У девушек более выражена толерантность как черта личности. Сельские жители менее креативны и толерантны, чем городские.

Юноши менее толерантны, чем девушки, у них же из показателей креативности развита только часть. Чем выше вербальная креативность личности, тем более выражена толерантность этой личности.

Подводя итоги, мы можем утверждать, что чем выше уровень креативности личности, тем она более толерантна, тем более адаптирована к меняющимся условиям жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Петрова, Н. П. Креативность и адаптированность личности / Н. П. Петрова, Я. Улезькова // Наука и современность : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф. – Уфа, 2015. – Ч. 1. – С. 284–286.

2. Петрова, Н. П. Развивающие программы Б. Эльконина – В. В. Давыдова как фактор изменения учебной мотивации и креативности младших школьников : дис. ... канд. психол. наук / Петрова Н. П. – СПб., 2001.

3. Почебут, Л. Г. Взаимопонимание культур: Методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межэтнической толерантности : учеб. пособие / Л. Г. Почебут. – 2-е изд. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2007. – 280 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНЫХ ОЖИДАНИЙ ЛИЧНОСТИ В АДАПТАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

И. С. Попович (г. Херсон, Украина)

Отправной точкой в разработке концепции социальных ожиданий личности является абсолютно новый подход к пониманию и организации исследования. Нами осуществлено теоретическое обоснование социальных ожиданий личности в системе регуляции социального поведения как процесса психической регуляции. Социальные ожидания исследованы как психическое состояние личности и выделены их психологические свойства. Такой инте-

грированный подход позволяет целостно взглянуть на указанную проблему, акцентировать внимание на внешних и внутренних факторах исследуемого феномена. Определен ряд принципов, на которых базировалось построение концепции социальных ожиданий личности. Каждый принцип, использованный в данном исследовании, был обусловлен или верифицирован другим, создавая, благодаря этому, систему принципов, которая придает исследованию содержательности и психологической наполненности. В основу разработки концепции заложены следующие принципы: системности и целостности исследуемого предмета; принцип комплексного подхода к предмету исследования; принцип отражения внутреннего и внешнего мира субъекта исследования; принцип взаимозависимости внутренних и внешних факторов исследования; принцип функциональности и социального детерминизма исследуемого предмета; принцип субъектности.

С целью исследования внутренних детерминант, психологических параметров социальных ожиданий личности был создан искусственный прототип исследуемого феномена – структурно-функциональная модель социальных ожиданий личности.

Обзор иностранной и отечественной литературы. Научный интерес представляют фундаментальные положения экспериментальной психологии моделирования (В. Н. Дружинин, В. В. Никандров и др.); теоретико-методологические основы исследования моделирования (Г. А. Балл, В. И. Войтко, Т. М. Титаренко, В. А. Штофф и др.); понимание личности как субъекта самоактивности (М. И. Боришевский, С. Л. Рубинштейн, В. А. Татенко, Т. М. Титаренко и др.); методологические основы применения системного подхода в психологии (Б. Г. Ананьев, Б. Ф. Ломов, Б. Д. Парыгин, М. М. Слюсаревский, В. А. Татенко и др.). Безусловно, в содержательном плане, привлекает внимание концептуальная модель ожиданий в выборе карьеры (А. В. Тишковский), принято во внимание ряд мотивационных теорий, в которых ожидания являются ключевой категорией (В. Врум, Е. Лоулер, Л. Портер и др.).

Цель статьи заключается в построении, обосновании и психологическом анализе структурно-функциональной модели социальных ожиданий личности в адаптационном процессе.

Результаты исследования. Мы предполагаем, что для эффективности исследования содержательных параметров социальных ожиданий личности, понимания процессов оптимизации развития социальных ожиданий личности и ее способности конструировать ожидаемое будущее, целесообразно создать модель социальных

ожиданий личности, структурные составляющие которой будут служить прообразом исследуемого социально-психологического феномена. Моделирование, как метод научного познания, основан на способности человеческого ума абстрагировать сходные признаки или свойства различных по природе объектов и устанавливать определенные связи между ними. Структурно-функциональная модель социальных ожиданий личности – специально искусственно созданный объект, по своим характеристикам похож на социальные ожидания личности, который подлежит изучению. Структурно-функциональная модель является моделью смешанного типа, с необходимыми структурными и функциональными признаками. К ним относим четкое отображение структурных составляющих и их структурных элементов, демонстрирующих структуру объекта исследования. Функциональными признаками являются: взаимосвязи и связи внутри модели, с окружающей средой, выделение сферы «Я» и сферы «не-Я» личности, наличие «входа – выхода», что является необходимым условием для построения такого уровня структурно-функциональных моделей.

Реализация системного подхода к изучению социальных ожиданий предполагает выделение трех составляющих, которые, собственно, и образуют упрощенную структурно-функциональную модель социальных ожиданий личности. Внутреннюю организацию составляющей социально-психологических особенностей осведомленности личности о предполагаемом ходе событий имитируют такие структурные элементы: совокупность знаний о себе и представление о восприятии себя; информация о предполагаемом ходе событий; информация об участниках взаимодействия, восприятие окружающих; возможные варианты сценариев развития событий. Внутреннюю организацию составляющей социально-психологических особенностей ожидаемого отношения личности к участникам межличностного взаимодействия имитируют следующие структурные элементы: ценностно-смысловые и жизненные ориентации личности; оценка себя, своих действий и поступков; оценка действий и поступков окружающих; отношение как к окружающим, так и к себе. Внутреннюю организацию составляющей социально-психологических особенностей регуляции личности ожидаемых результатов деятельности имитируют такие структурные элементы: социально-психологическая регуляция своего поведения и деятельности; согласование представлений, ожиданий других со своими мыслями, желаниями, действиями; регуляция своего поведения с учетом ожиданий сообщества; соб-

ственные притязания, реализация поставленной цели, достижение успеха. Соответственно, структурные составляющие имитируют внутреннюю организацию объекта-прототипа – структурно-функциональную модель социальных ожиданий личности (рис. 1).

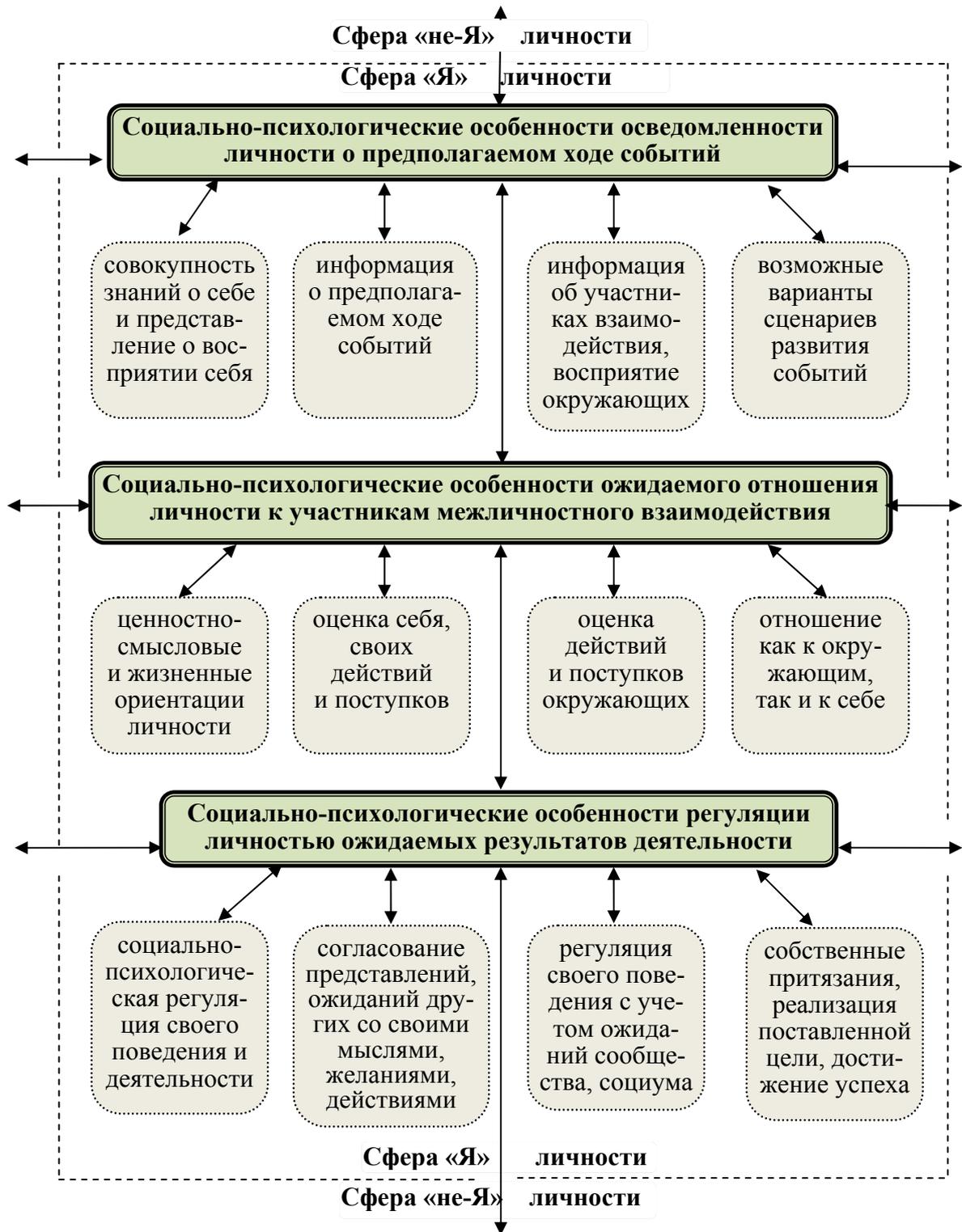

Рис. 1. Структурно-функциональная модель социальных ожиданий личности

Структурные составляющие, структурные элементы и взаимосвязи между ними отражают сферу «Я» личности. Сфера «Я» на рис. 1 условно обозначена контурной линией. За пределами контурной линии условно показано сферу «не-Я» личности – социальное окружение. Все структурные составляющие имеют входные и выходные связи: каждая из составляющих имеет непосредственную связь с социальным окружением, так же как влияние социального окружения может сказываться на каждой из них, является реализацией принципа целостности. Создавая модель, мы руководствовались исходными положениями системного подхода, что позволило рассмотреть объект исследования – социальные ожидания личности, как совокупность взаимосвязанных составляющих, ряд упорядоченных структурных элементов, которые имеют выход, то есть цель, и вход – ресурс и условия образования, обладают связи с окружением и обратной связью. Структурно-функциональная модель построена исключительно на взаимосвязях, что является реализацией системно-структурного аспекта системного подхода к исследованию.

Композиция размещения структурных составляющих следующая: 1) социально-психологические особенности осведомленности личности о предполагаемом ходе событий; 2) социально-психологические особенности ожидаемого отношения личности к участникам межличностного взаимодействия; 3) социально-психологические особенности регуляции личностью ожидаемых результатов деятельности. Мы руководствовались таким пониманием – сначала человек воспринимает информацию, дает ей оценку, формирует отношение, которое сопровождается активностью, действиями, поступками или отсутствием их, как таковых. Такое размещение не является и не должно восприниматься как иерархическая подчиненность. Сформированное отношение к отдельному участнику взаимодействия может быть источником поведения личности и, собственно, на основании поведения окружающих можно составить первоначальное впечатление о них, и соответственно формировать отношение. Несомненным подтверждением этого принципа является размещение под каждой структурной составляющей ее элементов. Если говорить о входе / выходе структурно-функциональной модели, то выходом является цель. Структурный элемент «собственные притязания, реализация поставленной цели, достижение успеха» – является воплощением цели модели. Хотя и есть противоречие аргументов, это не уменьшает ценности сделанного, а настраивает на поиск достоверного, истин-

ного. Это не единственное противоречие, которое мы наблюдаем и обосновываем, строя структурно-функциональную модель социальных ожиданий личности. Заслуживает быть упомянутым изоморфизм / гомоморфизм. Изоморфизм является полным сходством или взаимной однозначностью соответствия исследуемого объекта и модели исследования. Гомоморфизм является частичным сходством между моделью и ее прототипом, при котором обратного соответствия нет. Мы понимаем, что, какую бы модель мы не создали, она будет иметь признаки изоморфизма и гомоморфизма. Если бы между оригиналом и его моделью не существовало различий, то исчезла бы необходимость создавать модель. Актуальным считаем мнение В. А. Штоффа, который характеризует моделирование как отражение определенных сторон прототипа, в отличие от воспроизведения, что является тождеством по всем параметрам. Воспроизведение сохраняет качественную специфику начального объекта, а моделирование – не обязательно (Штофф, 1966). Ученый практически опровергает изоморфизм / гомоморфизм. Важно, чтобы построенная модель наиболее полно отражала структурное и функциональное содержание исследуемого феномена, а полученные выводы были достоверными. Психологический анализ позволяет констатировать, что структурно-функциональная модель социальных ожиданий личности выполняет следующие функции:

- реконструирующую – воспроизводит качественную специфику содержательных параметров исследуемого феномена;
- описательную – обеспечивает наглядность и понятность функционирования структурных составляющих;
- измерительную – способствует получению количественных характеристик объекта исследования;
- гносеологическую – обеспечивает возможность изучения, анализ и синтез структурных составляющих и подчиненных им структурных элементов модели;
- интерпретационную – объясняет обобщение и исчерпывающее описание взаимосвязей составляющих и их содержательных элементов внутри модели, так и взаимосвязей с окружающей средой;
- прогнозирующую – позволяет планировать последовательность необходимых составляющих модели, прогнозирование поведения объекта-прототипа;
- репрезентационную – обеспечивает воспроизведение эталонного образца, который, на наш взгляд, абсолютно отображает объект и предмет исследования;

– критериальную – обеспечивает проверку истинности, адекватности знаний о социальных ожиданиях личности, конструировании модели ожидаемого будущего;

– эвристическую – способствует генерации новых идей и гипотез относительно объекта и предмета исследования, и связанных с ними других социально-психологических феноменов;

– констатирующую – формализация данных о социальных ожиданиях личности, облегчает построение и проверку гипотез и теорий.

Построение структурно-функциональной модели социальных ожиданий личности является необходимым шагом к получению важных научных результатов, которые невозможно было бы достичь другим путем. Именно такой подход позволяет говорить о психологических измерениях социальных ожиданий личности, что является стратегической задачей нашего научного исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Штофф, В. А. Моделирование и философия / В. А. Штофф. – М. ; Л. : Наука, 1966. – 302 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ К НОВЫМ УСЛОВИЯМ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С. П. Ревенко (г. Херсон, Украина)

Здоровье – это необходимое условие активной и нормальной жизнедеятельности личности. Наше время характеризуется очень активным развитием научно-технического прогресса, огромнейшим потоком информации, стремительными изменениями в структуре общественных отношениях, что обуславливает высокие требования к психическим функциям организма. Неблагоприятные социальные, экономические, психологические факторы способствуют психоэмоциональному перенапряжению, которое может вызывать неблагоприятные изменения в психологическом и психическом состоянии человека, и способствовать развитию нервно-психических нарушений, особенно это касается психологического

здоровья и благополучия личности на ранних этапах становления и развития в новых условиях жизнедеятельности.

На современном этапе уделяется большое внимание просветительским мероприятиям, пропаганде здорового способа жизни среди молодежи в работах современных украинских психологов О. В. Губенко, С. Д. Максименко, О. И. Жорнова и др.

Академик С. Д. Максименко в своих работах обращает внимание, что вопрос сохранения и физического развития молодого поколения нации на сегодня очень актуально, поскольку именно у молодежи ухудшение физического, психического, интеллектуального развития сейчас особенно выражено. На современную молодежь все заметнее влияют факторы, действие которых раньше было значительно меньше. А именно, речь идет о снижении физических нагрузок, и в результате этого, повышается нервно-психическое напряжение, стремительно распространяются вредные привычки. Поэтому сосредоточение внимания на проблеме психогигиеничного воспитания и здорового способа жизни среди молодежи очень важно (Максименко, 2007, с. 65).

По данному вопросу привлекают работы О. И. Жорновой, в которой обращается внимание на необходимость проведения реформ высшего образования, как осовременивание ради благополучия граждан в любой другой социальной области... Именно в контексте благополучия нации необходимо направить внимание на новую европейскую стратегию «Здоровье 2020» (Жорнова, 2014, с. 49). По утверждению данного психолога «анализ материалов, в которых было уделено внимание эффекту высшего образования для здоровья и благополучия студентов составляет только 6 %» (Жорнова, 2014, с. 51).

Поэтому, изучение состояния психологического здоровья студентов в высшем учебном заведении в процессе учебной деятельности является важным показателем психологического благополучия и адаптации личности к новым условиям жизнедеятельности.

В рамках работы социально-психологической службы Херсонского государственного университета весной 2015 г. было проведено психодиагностическое исследование психологического здоровья студентов разных курсов.

Для психодиагностического исследования психологического здоровья как показателя психологического благополучия студентов нами были использованы:

1. «Опросник общего здоровья» – позволяет определить негативную эмоциональность (нейротизм), удовлетворенность и

психологическое благополучие в сфере деловой активности, в сфере межличностной активности, а также психологическое здоровье (Бурлачук, 2005, с. 49–57).

2. Методика «Отношение к здоровью» – позволяет оценить качество индивидуальной жизни, выявить сферы жизнедеятельности, которые вызывают наибольший дискомфорт или недовольство (Никифорова, 2005, с. 148–155).

В исследовании приняло участие 659 студентов разных курсов Херсонского государственного университета: 1-х курсов (398 студентов), 2-х курсов (177 студентов), 3-х курсов (61 студент) и 4-х курсов (23 студента). При проведении исследования мы считали необходимым обратить внимание на высокие и низкие показатели, так как они отражают состояние психологического здоровья студентов процессе учебной деятельности.

После проведения психодиагностического исследования «общего здоровья» полученные результаты показали, что

высокий уровень удовлетворенности и ощущения психологического благополучия в сфере межличностной активности был выявлен у 13,4 % от общего количества диагностируемых. Наибольшее количество студентов по данному показателю у студентов 2-ых курсов – 19,2 %, на втором месте студенты 1-ых курсов – 11,6 %, на третьем месте студенты 3-их курсов – 9,8 %. Это студенты доброжелательно расположение к окружающим, с большим желанием проводят много время в общении с другими людьми и получают от этого удовольствия, чувствуют себя гармонично, нужными и счастливыми в межличностном общении.

Низкий уровень удовлетворенности и ощущения психологического благополучия в сфере межличностной активности среди студентов ХДУ, от общего количества исследуемых – у 34,6 %. Сравнение результатов по данному фактору показало, что самые низкие показателя у студентов 4-ых курсов – 39,1 %, на втором месте студенты 1-ых курсов – 36,4 %, на третьем месте студенты 2-х и 3-их курсов – по 31 %.

Высокий уровень удовлетворенности и психологического благополучия в сфере деловой активности был выявлен в 13,4 % от общего количества продиагностированных. Наибольшее количество с высоким уровнем удовлетворенности и психологического благополучия в сфере деловой активности был выявлен у студентов 4-ых курсов – 17,4 % и 2-ых курсов – 16,4 %, на втором месте студенты 3-их курсов – 13,1 %, на последнем третьем месте студенты

1-ых курсов – 11,8 %. Эти студенты почти всегда умеют организоваться и сконцентрироваться на выполнении своих дел, не принимая во внимание препятствия, испытывают чувство удовлетворения от выполнения дел, получают удовольствие от выполненной работы и повседневных заданий, способны принимать решения по разным вопросам, осознавать свои проблемы объективно, энергичные и полные сил при выполнении поставленных целей;

Низкий уровень удовлетворенности и психологического благополучия в сфере деловой активности был выявлен в 24,1 % от общего количества исследуемых. Надо обратить внимание, что, также, наибольшее количество студентов с низким уровнем удовлетворенности и психологического благополучия в сфере деловой активности у студентов 4-ых курсов – 30,4 %, почти такие же показатели студентов 1-ых курсов – 28,9 %, второе место распределили студенты 2-ых – 15,8 % и 3-их – 14,8 % курсов.

Психологически здоровы менее половины студентов 40,4 % от общего числа диагностируемых. Больше всего психологически здоровых студентов на 2 курсе – 45,2 %, второе место разделили студенты 1-ых курсов – 40,2 % и 3-их курсов – 39,3 %, меньше всего психологически здоровых студентов на 4-ых курсах – 8,7 %. Эти студенты почти всегда чувствуют себя полными сил и энергии, оптимистичны, находятся в гармоничном эмоциональном состоянии, довольные жизнью, понимают смысл жизни.

С низким уровнем психологического здоровья – 9,1 % студентов. Наибольшее количество с низкими показателями психологического здоровья на 3-их курсах – 14,8 %, на втором месте студенты 2-ых курсов – 11,9 %, на третьем месте – студенты 1-ых курсов – 7,3 %, наименьшее количество на 4-ых курсах – 4,3 %.

При проведении методики «Отношение к здоровью» полученные результаты свидетельствуют о том, что высокий уровень удовлетворенности работой от общего количества исследуемых у 43,9 % студентов. Наибольшее количество студентов по данному показателю среди студентов 1-ых курсов – 46,9 %, на втором месте, почти с одинаковыми показателями у студентов 2-ых курсов – 41,8 % и у студентов 4-ых курсов – 39,1 %, на третьем месте студенты 3-их курсов – 36,1 %. Для этих студентов работа полностью отвечает интересам и ожиданиям, их удовлетворяет отношение на работе с коллегами, руководством, считают, что финансовое состояние хорошее, стабильное, профессиональная карьера имеет перспективы:

Низкий уровень, по данному показателю, у 20,1 %. Среди студентов разных курсов полученные результаты распределились следующим образом: на первом месте 3-и курсы – 26,2 %, второе место распределили 1-ые и 2-ые курсы – по 19 %, на третьем месте 4-ые курсы – 13 %.

Высокий уровень удовлетворенности личными достижениями, от общего количества исследуемых, было выявлено у 39,1 %. В данной сферы жизнедеятельности наиболее высокий уровень удовлетворенности оказался у студентов 4-ых курсов, их количество составило больше половины исследуемых – 65,2 %, на втором месте, почти с одинаковыми показателями, студенты 3-их курсов – 39,3 %, 2-ых курсов – 37,9 % и 1-ых курсов – 38 %. Эти студенты считают, что достигли многих целей, обычно чувствуют себя удачливыми, уважают себя, имеют ясные и стабильные жизненные ценности и принципы, понимание и уважение в деловой, профессиональной сфере.

Не довольны своими личными достижениями в жизни – 31,9 %. Среди студентов разных курсов, наибольшее количество по данному показателю на 3-их курсах – 37,7 %, второе место, почти с одинаковыми показателями у студентов 2-ых курсов – 33,9 % и 1-ых курсов 31 %.

Очень довольны общением с близкими людьми (друзьями, родственниками), 27,5 % продиагностированных. Наибольшее количество довольных этой сферой жизни, студенты 4-ых курсов – 47,8 %, второе место с минимальной разницей, распределили 2-ые курсы – 28,8 % и 1-ые курсы – 26,2 %, на третьем месте 3-ие курсы – 24,6%. Эти студенты почти никогда не испытывают чувства одиночества, всегда чувствуют радость при общении с другими людьми, независимо от того чьи они, свои или чужие, отношения как в коллективе так и с друзьями дружеские, теплые.

Не получают удовольствия от данной сферы жизни 33 % студентов. Наибольшее количество недовольных студентов 3-их курсов – 36,1 %, на втором месте студенты 1-ых и 2-ых курсов – 33 %, на третьем 4-ые курсы – 21,8 %.

Почти всегда ощущают психоэмоциональную поддержку 38 % студентов университета. Среди студентов разных курсов наибольшее количество довольных данной сферой жизни студенты 4-ых курсов – 60,9 %, на втором месте по показателям студенты 1-ых курсов – 38,8 % и 2-ых курсов – 35 %, на третьем месте студенты 3-их курсов – 32,8 %. Эти студенты чувствуют сильную и

духовную, моральную, эмоциональную, профессиональную поддержку родных и близких друзей, что придает им больше сил и ресурсов для достижений поставленных заданий и целей.

Не довольны психоэмоциональной поддержкой 20,8 % студентов университета, наибольшее количество студентов, которые не чувствуют поддержки на 3-их курсах – 27,9 %, на втором месте студенты 1-ых курсов – 21,1 % и 2-ых курсов – 19,8 %, на 4-ых курсах – 4,3 %.

Оптимистично, положительно, настроены на жизнь почти половина студентов – 47,9 %. Наибольшее количество студентов, которые оптимистично воспринимают окружающий мир на 2-ых курсах – 50,8 % и на 4-ых курсах – 47,8 %, на втором месте студенты 1-ых курсов – 46,9 % и студенты 3-их курсов – 45,9 %. У этих студентов практически всегда хорошее настроение, эмоции положительные, в сложных жизненных ситуациях собраны, не теряют надежду на позитивное решение проблем.

Жизнь воспринимают пессимистично 17,5 % студентов университета. Наибольшее количество студентов по данному показателю на 1-ых курсах – 18,6 %, на втором месте студенты 4-ых курсов – 17,4 %, на третьем месте студенты 2-ых курсов – 16,4 % и на последнем месте студенты 3-их курсов – 13,1 %.

Почти всегда ощущают себя защищено и уютно 36,2 % студентов университета. Среди студентов разных курсов наибольшее количество студентов по данному показателю на 4-ых курсах – 52,2 %, на втором месте студенты 1-ых курсов – 38,5 % и 3-их курсов – 36,1 %, на третьем месте студенты 2-ых курсов – 28,8 %. Эти студенты чувствуют себя спокойно и защищено, умеют организовывать свое время, окружающую среду воспринимают как безопасную и комфортную.

В опасности и напряжении, чувствуют себя 22,3 % студентов. На первом месте студенты 2-ых курсов – 31,7 %, на втором месте студенты 3-их курсов – 26,2 % и 1-ых курсов – 25,5 %, на третьем месте студенты 4-ых курсов – 21,7 %.

Высокий уровень самоконтроля среди студентов университета у 22,3 % от общего количества продиагностированных. Среди студентов разных курсов на первом месте студенты 4-ых курсов – 52,2 %, на втором месте студенты 1-ых курсов – 22,7 %, на третьем месте студенты 2-ых курсов – 19,8 %, на последнем месте студен-

ты 3-их курсов – 16,4 %. Эти студенты практически всегда сохраняют самоконтроль, умеют владеть собой, легко принимают решение, выполняют только то, что могут, не перенапрягаются, при изменении ситуаций или планов легко приспосабливаются и креативно реагируют на изменения обстоятельств:

Низкий уровень самоконтроля среди студентов университета у 33,6 %, а в соответствии с курсом учебы на первом месте по данному показателю студенты 3-их курсов 42,6 %, на втором месте студенты 2-ых курсов 34,4 % и 1-ых курсов 32,2 %, на третьем месте студенты 4-ых курсов 26,1 %.

Полученные результаты указывают на необходимость дальнейшего, более глубокого изучения данного вопроса, а также организации систематической и целенаправленной психологической работы, просветительских мероприятий, которые будут охватывать все факторы влияния на личность в разных ее структурах, уровнях и способствовать улучшению и становлению психологического, психического, морального здоровья, а также благополучия личности в обществе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бурлачук, Л. Ф. Опросник общего здоровья: предварительные итоги русскоязычной адаптации / Л. Ф. Бурлачук, В. Н. Духневич, Г. Р. Дубровинский // Журнал практикующего психолога. – 2005. – № 11. – С. 49–57.

2. Губенко, О. В. Особливості пропагування просвітницьких заходів щодо проведення молоддю активного дозвілля, спрямованого на здоровий спосіб життя / О. В. Губенко // Практична психологія та соціальна робота. – 2008. – № 12. – С. 80.

3. Жорнова, О. І. Соціально-психологічні ефекти вищої освіти в загальній поліфонії благополуччя українців / О. І. Жорнова // Практична психологія та соціальна робота. – 2014. – № 2. – С. 49–53.

4. Максименко, С. Д. Пропагування психогігієнічного виховання і здорового способу життя серед молоді (психологічне обґрунтування) / С. Д. Максименко // Практична психологія та соціальна робота. – 2007. – № 9. – С. 65.

5. Никифорова, Г. С. Практикум по психологии здоровья / Г. С. Никифорова ; под ред. Г. С. Никифорова. – СПб., 2005. – С. 148–155.

МОЛОДЫЕ ИЗРАИЛЬТЯНЕ ИЗ СЕМЕЙ ИММИГРАНТОВ: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ, РИСКОВАННОГО ПОВЕДЕНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ

А. Резник, Р. Израйловиц (г. Беэр-Шева, Израиль)

В любой стране иммигранты представляют собой группу повышенного риска, требующую особого внимания со стороны социальных служб. Среди тех проблем, которые существуют у иммигрантов, наибольшую тревогу вызывает ситуация с употреблением иммигрантской молодежью алкоголя и наркотиков и попаданием ее в группу риска.

Как показывают исследования, проблемное поведение молодежи носит в иммигрантской среде более выраженный характер, по сравнению с ситуацией у коренных израильтян (Isralowitz & Reznik, 2007). Данное обстоятельство можно рассматривать как одно из проявлений трудностей адаптации к новой социально-экономической, языковой и культурной среде. Основное внимание исследователей обычно привлекают иммигранты из бывшего СССР, вследствие своей многочисленности. На этом фоне недостаточно изученными остаются процессы, происходящие в среде иммигрантов из Эфиопии.

Община выходцев из Эфиопии заметно выделяется на фоне иммигрантов из других стран. Во-первых, эта община неоднородна и состоит из двух этнокультурных групп: так называемых бет-исраэль, которые являются евреями и имеют право на возвращение в Израиль, и так называемых фалашмура, эфиопских евреев, которых в XIX в. принудительно обратили в христианство. Фалашмура разрешена ограниченная иммиграция в Израиль при условии их последующего перехода в иудаизм. Во-вторых, выходцы из Эфиопии характеризуются недостаточно высокими показателями своей аккультурации и адаптации в израильское общество, низким социально-экономическим уровнем, невысоким качеством жизни, большой безработицей, низким уровнем образования и профессиональной подготовки. Ситуация среди молодого поколения, которое выросло или родилось в Израиле, носит более благополучный характер, но этого недостаточно для того, чтобы в целом переломить ситуацию в лучшую сторону. Так, среди израильского среднего класса практически отсутствуют представители эфиопских евреев (Haaretz Editorial, 2005).

В ряде израильских городов сформировались кварталы, населенные преимущественно «эфиопской» беднотой и схожие с черными гетто в США. Социальное неблагополучие, типичное для таких «эфиопских гетто», является питательной средой для различных правонарушений, включая употребление наркотиков. В частности, уровень преступности среди молодых представителей общины в три раза превышает аналогичный показатель среди других представителей израильской молодежи (Haaretz Editorial, 2005).

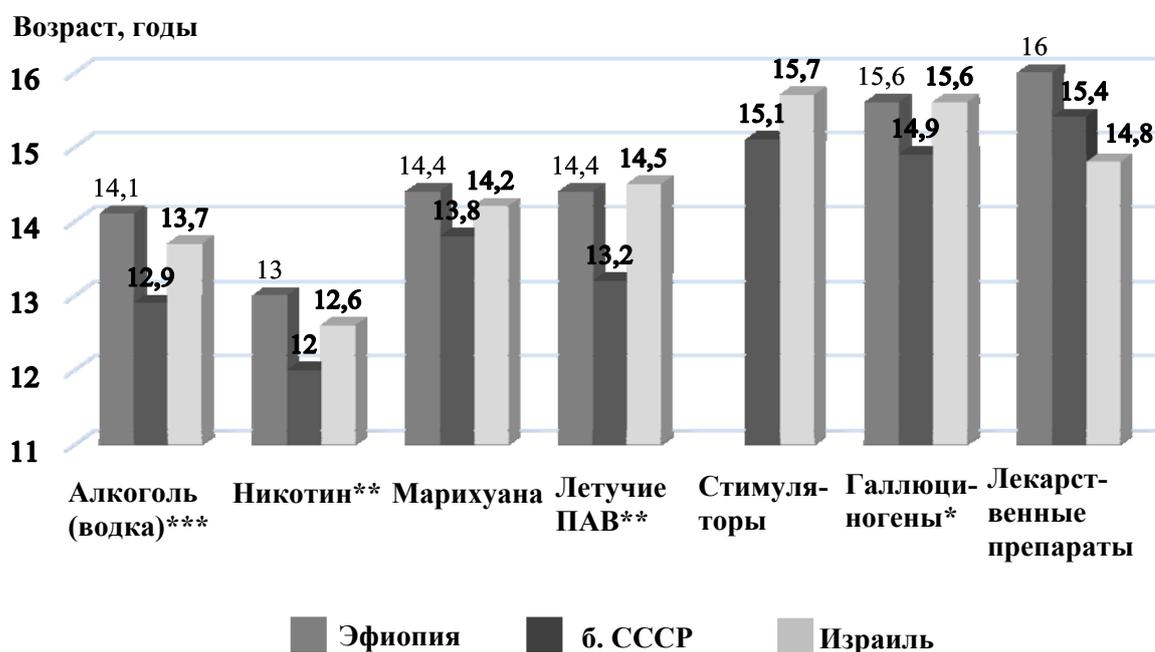
Исследовательский центр RADAR (Regional Alcohol and Drug Abuse Research Center) Университета Бен-Гурион в Негеве в период с 2004 по 2014 г. проводил мониторинг ситуации с употреблением психоактивных веществ (ПАВ) израильскими подростками, относящимися к группе риска. Сбор данных проходил в специализированном интернате для таких подростков (не старше 18 лет), куда они направлялись социальными службами в связи с употреблением ПАВ и поведенческими проблемами. В качестве инструмента использовался опросник SUSI (Substance Use Survey Instrument), разработанный центром RADAR. Опросник имеет высокую степень надежности (α Кронбаха = 0,93) и на протяжении более 15 лет используется в различных исследованиях. С целью устранения влияния гендерных различий, ниже показаны результаты только для подростков-мальчиков. Всего было опрошено 576 поступивших в интернат подростков (мальчиков) в возрасте от 13 до 18 лет. Среди них было 234 коренных израильтянина, 192 подростка, родившихся в семьях иммигрантов из бывшего СССР, 73 подростка, принадлежащих общине эфиопских евреев и 77 подростков, являющихся выходцами из других стран мира (США, Франция, Аргентина, Индия и др.).

Показатели «эфиопских» подростков сравнивались с показателями выходцев из стран бывшего СССР и показателями коренных израильтян. В качестве контрольной группы использовалась выборка из 202 израильских нормативных подростков, учащихся обычных школ (89 коренных израильтян, 80 подростков, родившихся в семьях иммигрантов из бывшего СССР, 33 подростка из общины эфиопских евреев).

С точки зрения употребления алкоголя, значимые различия между выборками были выявлены в отношении употребления пива, а также в возрасте начала употребления различных алкогольных напитков (пива, вина и водки). Подростки из бывшего СССР

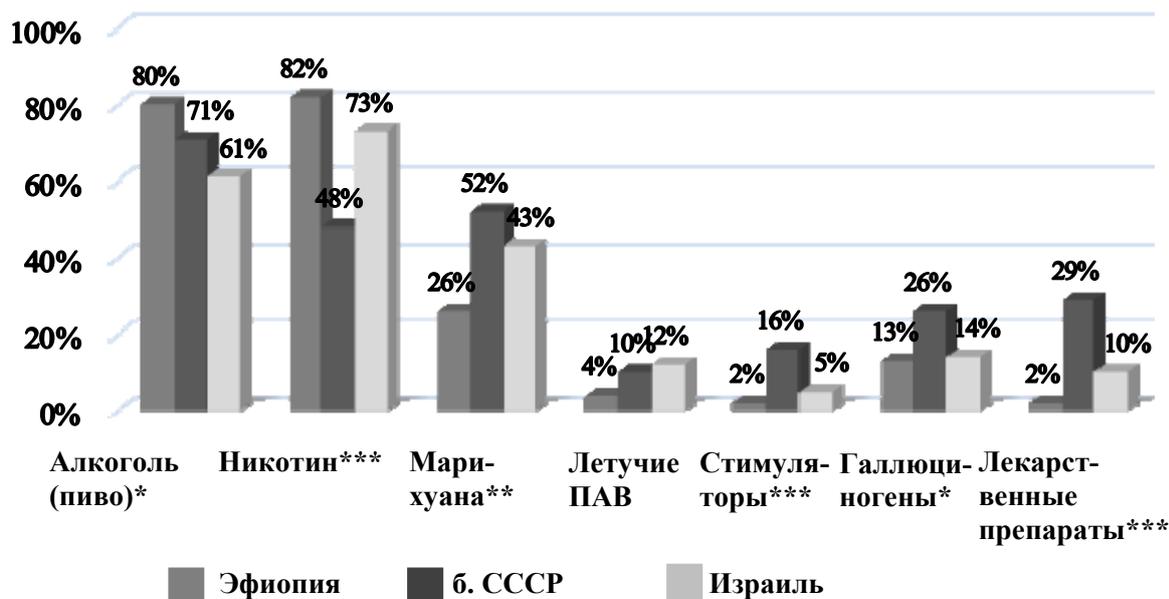
начинают употребление алкоголя в более раннем возрасте по сравнению с коренными израильтянами и представителями эфиопской общины. Аналогичная ситуация с возрастом начала употребления наиболее распространенных в молодежной среде наркотиков (рис. 1). В целом, многие наркотики употребляются подростками из бывшего СССР чаще, чем их израильскими или «эфиопскими» сверстниками (рис. 2). Таким образом, ситуация среди подростков группы риска показывает, что по большинству показателей выходцы из Эфиопии выглядят относительно более благополучными, по сравнению с коренными израильтянами и, тем более, с выходцами из бывшего СССР.

Для сравнения укажем, что в контрольной группе нормативных подростков показатели употребления ПАВ значительно ниже: алкоголь (пиво) – 53 %; никотин – 49 %; марихуана – 9 %; летучие ПАВ – 5 %; стимуляторы – 6 %; галлюциногены – 4 %; лекарственные препараты – 6 %. При этом подростки из бывшего СССР в этой группе также доминируют по всем показателям, кроме курения. Среди «эфиопских» подростков курящих было более 85 %.

* $p < 0,5$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$ (One-way ANOVA)

Рис. 1. Страна происхождения и возраст начала употребления различных ПАВ

* $p < 0,5$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$ (Тест χ^2)

Рис. 2. Употребление ПАВ в течение последних 30-ти дней, предшествующих поступлению в интернат

Рассмотрим другие характеристики каждой из трех выборок. Перейдем от употребления ПАВ к показателям, говорящим о социо-экономическом статусе респондентов, и тем маркерам, которые позволяют судить об их проблемном поведении (табл. 1).

Таблица 1

Социо-экономические и поведенческие характеристики выборок

	Эфиопия ($N = 73$)	Быв. СССР ($N = 192$)	Израиль ($N = 234$)
Один или оба родителя безработные***	37,1 %	16,2 %	26,8 %
Получение социального пособия***	62,1 %	31,0 %	60,1 %
Участие в серьезных драках*	57,1 %	52,2 %	42,8 %
Наличие холодного оружия*	14,5 %	22,5 %	12,8 %
Угрозы со стороны окружающих*	30,0 %	29,8 %	19,9 %
Ранения в результате драк**	36,6 %	28,0 %	17,7 %
Снижение школьной успеваемости*	66,1 %	57,7 %	46,8 %

* $p < 0,5$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$ (Тест χ^2)

Как можно видеть, полученные результаты носят неоднозначный характер. Экономическая ситуация (наличие работы и от-

сутствие зависимости от социальных пособий) в семьях иммигрантов из бывшего СССР заметно лучше, чем у коренных израильтян и выходцев из Эфиопии, но при этом «русские» подростки употребляют ПАВ чаще и с более раннего возраста. Можно предположить, что существующие у подростков из иммигрантских семей проблемы невозможно объяснить действием только экономических факторов (бедностью, безденежьем, безработицей и т.п.).

Далее, из табл. 1 также видно, что «эфиопские» подростки в целом чаще других фиксировали имеющиеся у них поведенческие проблемы: участие в серьезных драках (и получаемые в них ранения), наличие у себя холодного оружия (ножей), угрозы в свой адрес, а также чаще других сталкивались с проблемами в учебе, приводящими к снижению школьной успеваемости.

Ситуация в контрольной группе не носит столь выраженного характера, но также говорит о существовании у "эфиопских" подростков большего числа проблем, по сравнению с другими сверстниками.

Если рассматривать поведенческие проблемы и употребление ПАВ как индикатор неблагополучной адаптации, то ситуация в этой области носит неоднозначный характер. Традиционный подход, при котором многие проблемы иммигрантов выводятся из их бедственного экономического положения, не в состоянии объяснить полученные нами данные. Можно предположить, что проблемы адаптации носят многофакторный характер и, скорее всего, в целом определяются доминирующей в обществе атмосферой по отношению к иммигрантам. Употребление подростками ПАВ является одним из отражений этой атмосферы, которую невозможно изменить только за счет улучшения экономического положения иммигрантов. Выходцы из Эфиопии, возможно, в большей степени, чем иммигранты из бывшего СССР, воспринимаются в израильском обществе как «чужаки», которым так и не удалось стать «своими», даже после нескольких десятилетий жизни в стране. Чувствуемое ими явное или неявное отторжение со стороны общества является более сильным фактором неуспешной адаптации подростков, по сравнению с экономическим положением их родителей. Специалисты все чаще говорят о маргинальном статусе иммигрантской молодежи, когда она не идентифицирует себя ни с той страной, откуда вышли их родители, ни с Израилем. Ситуация, при которой часть молодых выходцев из семей иммигрантов воспринимает себя либо чужими в своей стране, либо чужими в чу-

жой стране, рассматривается как источник многих проблем – от правонарушений до употребления ПАВ (Резник, Израйловиц, 2011; Hoffmann, 2007).

Рассмотренные нами проблемы способствуют лучшему пониманию происходящего в иммигрантской среде. Необходимы дальнейшие исследования, чтобы подтвердить полученные результаты, которые позволят специалистам (социальным работникам, школьным педагогам и психологам) сделать свою деятельность в большей степени, отвечающей потребностям подросткам, выходящим из Эфиопии и бывшего СССР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Резник, А. Д. Иммигранты и наркотики. Демографический, статистический и культурологический анализ / А. Д. Резник, Р. Израйловиц. – М. : Весь мир, 2011.
2. Haaretz Editorial. Breaking the Glass Ceiling. Retrieved from Haaretz Editorial. – 2005. – URL: <http://www.haaretz.com/breaking-the-glass-ceiling-1.160485>
3. Hoffmann, K. Spätaussiedler und ihre Angehörigen als Patienten im Maßregelvollzug [Migrants from the Former Soviet Union Born in German Families and their Relatives as Patients in Forensic Units] / K. Hoffmann // Psychiatrische Praxis. – 2007. – № 34. – P. 320–324.
4. Isralowitz, R. Former Soviet Union Immigrant and Native-Born Adolescents in Israel: Substance Use and Related Problem Behavior / R. Isralowitz, A. Reznik // Journal of Ethnicity in Substance Abuse. – 2007. – № 6. – P. 131–138.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СФЕРЕ МИГРАЦИИ

Е. Н. Рогова (г. Пенза, Россия)

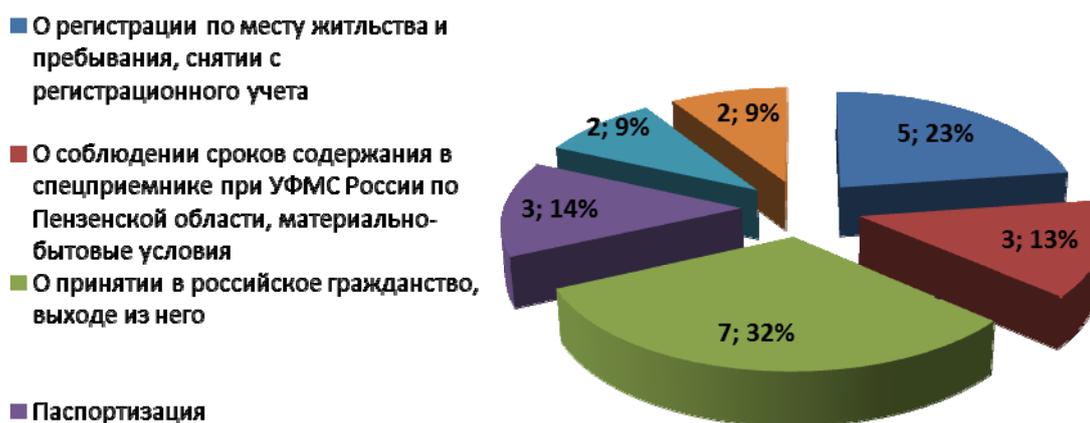
Обращения по вопросам защиты прав в сфере миграции в аппарат Уполномоченного составляют незначительный процент от общего числа жалоб, однако поступают ежегодно.

Следует отметить, что в 2015 г. произошло снижение количества обращений по данной тематике более чем в два раза. Так, в 2015 г. аппаратом Уполномоченного рассмотрено 22 обращения по вопросам защиты прав в сфере миграции, в 2014 г. – 53 обращения, в 2013 г. – 67.

Миграционное законодательство регулирует различные процедуры, при совершении которых у людей возникают вопросы.

В течение 2015 г. Уполномоченному поступали обращения, связанные с регистрацией граждан по месту жительства (пребывания), получением гражданства Российской Федерации, со сроками депортации с территории России и др.

Права человека в сфере миграции

По данным УФМС России по Пензенской области миграционная обстановка на территории региона в 2015 г. характеризовалась снижением числа прибывших иностранных граждан и лиц без гражданства.

Так, число иностранных граждан, прибывших на территорию Пензенской области и поставленных на миграционный учет первично, сократилось по сравнению с 2014 г. на 21,7 % (с 29534 человек до 24265). Также отмечается сокращение количества первично оформленных видов на жительство на 21,3 % (с 910 до 737). При этом более чем в два раза выросло число видов на жительство, полученных лицами, выехавшими с территории Украины (с 91 в 2014 г. до 146 в 2015 г.).

В 2015 г. в Пензенской области продолжалась реализация программы Пензенской области «Содействие занятости населения в Пензенской области «Содействие добровольному переселению в Пензенскую область соотечественников, проживающих за рубежом, на 2014–2020 годы». В рамках данной программы в гражданство Российской Федерации было принято 1834 человека, из них 439 детей (в 2014 г. гражданство получили 1266 соотечественников).

По данным Министерства труда, социальной защиты и демографии Пензенской области в 2015 г. в программе приняли участие 1095 семей (2284 человека). Из них из Республики Украина 663 семьи (1434 человека).

Следует отметить, что к Уполномоченному жалоб, связанных с участием в программе содействия переселению соотечественников, не поступало.

С января 2014 г. на территории Пензенской области функционирует специальное учреждение временного содержания иностранных граждан УФМС России по Пензенской области. В 2015 г. в данном учреждении содержалось 476 иностранцев, из них 34 человека с 2014 г. В течение года 406 человек были выдворены в административном порядке за пределы Российской Федерации, 30 человек депортированы, 17 человек освобождены по решению суда.

В аппарат Уполномоченного в течение года поступали обращения от лиц, содержащихся в специальном учреждении временного содержания иностранных граждан УФМС России по Пензенской области, а также их родственников, связанные со сроками отправки их за пределы Российской Федерации.

Так, в ноябре 2015 г. обратился Д. по вопросу исполнения решения суда об административном выдворении его брата. Заявитель пояснил, что его брат более двух недель содержится в спецприемнике УФМС России по Пензенской области, решение суда о его выдворении не исполняется.

На запрос Уполномоченного УФМС России по Пензенской области было сообщено о том, что постановлением Октябрьского районного суда г. Пензы от 02.11.2015 брат заявителя, являющийся гражданином Республики Узбекистан, был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1.1. ст. 18.8 КоАП РФ, ему назначено наказание в виде административного штрафа в сумме 2000 руб. с принудительным административным выдворением за пределы Российской Федерации.

В конце ноября 2015 г. постановление суда было исполнено.

Процедура исполнения решений об административном выдворении, депортации иностранных граждан в ряде случаев значительно затягивается, что приводит к увеличению сроков содержания их в спецприемнике. То есть люди помимо предусмотренного законом наказания за совершение миграционного законодательства, фактически лишаются свободы на месяцы.

Причиной затягивания сроков отправки иностранных граждан в их страны является отсутствие у них документов, необходимых для пересечения государственной границы.

В марте 2015 г. в аппарат Уполномоченного поступило обращение А., содержащегося в спецприемнике УФМС России по Пензенской области. Заявитель указал, что был освобожден из исправительного учреждения в октябре 2014 г. по отбытии наказания, сразу же задержан и доставлен в спецприемник, где ему пояснили, что принято решение о его депортации. На момент обращения его к Уполномоченному указанное решение исполнено не было.

В ходе рассмотрения обращения было установлено, что А. въехал на территорию РФ в 1997 г. из республики Грузия, документов, удостоверяющих личность, не имел, на миграционном учете не стоял, по месту жительства (пребывания) зарегистрирован не был, родственников в России не имеет. В связи с чем, УФМС России по Пензенской области было вынесено распоряжение о его депортации за пределы Российской Федерации.

С целью получения необходимых документов УФМС России по Пензенской области был направлен запрос в Консульство секции интересов Грузии Посольства Швейцарии в РФ, которым сообщено, что А. гражданином Грузии не является и ему отказано в документировании свидетельством на возвращение в Грузию. Несмотря на получение такого ответа А. продолжили содержать в спецприемнике.

После обращения Уполномоченного к руководству УФМС России по Пензенской области, Управлением был направлен повторный запрос в Консульство секции интересов Грузии Посольства Швейцарии в РФ о рассмотрении вопроса по оформлению свидетельства о возвращении А. в государство гражданской принадлежности в связи с получением от его сестры гарантийного письма о регистрации по месту жительства в Республике Грузия. На данный запрос ответа не поступило.

До 29 июля 2015 А. содержался в спецприемнике, затем был освобожден в соответствии с решением Городищенского районного суда Пензенской области. Перед освобождением А. сообщал, что собирается поехать для проживания в г. Краснодар.

По данным УФМС России по Пензенской области из общего числа лиц, поступивших в спецприемник в 2015 г., 69 человек не имели документов, удостоверяющих личность. В отношении 6 человек консульскими учреждениями было отказано в оформлении

сертификатов (свидетельств) на возвращение в страну гражданской принадлежности (подданства). Впоследствии пятеро из них были освобождены из спецприемника по решению суда.

К сожалению, подобные случаи не единичны, их возникновение неизбежно, так как в исправительных учреждениях региона содержатся лица, не имеющие каких-либо документов подтверждающих гражданскую принадлежность. Зачастую это выходцы из стран бывшего СССР, которые при въезде в Российскую Федерацию в 90-х гг. предъявляли паспорта старого образца и никак не оформляли свое пребывание в стране в последующем. Совершив преступление такие люди теряют всякую возможность стать гражданами России, поскольку в соответствии со ст. 16 Федерального закона от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», заявления о приеме в гражданство Российской Федерации и о восстановлении в гражданстве Российской Федерации, поданные лицами, которые имеют неснятую или непогашенную судимость за совершение умышленных преступлений на территории Российской Федерации или за ее пределами, признаваемых таковыми в соответствии с федеральным законом, отклоняются.

При этом, депортированы они быть не могут, поскольку государства гражданской принадлежности у таких лиц не имеется.

Таким образом, при освобождении из мест лишения свободы они не могут быть приняты в гражданство РФ, соответственно не могут получить никаких социальных гарантий (пенсии, пособия, медицинское обслуживание, помощь в трудоустройстве), что, безусловно, приводит к совершению повторных преступлений.

Разрешение данного вопроса возможно путем внесения соответствующих изменений в действующее федеральное законодательство.

К ВОПРОСУ О МИГРАЦИОННОЙ ОБСТАНОВКЕ В ПЕНЗЕНСКОМ РЕГИОНЕ

М. А. Салмин (г. Пенза, Россия)

Социально-психологические проблемы адаптации мигрантов и перспективы их адаптации в принимающее сообщество стали особо актуальными в России 90-е гг. XX в., когда в страну мигрировали многотысячные потоки бывших граждан Советского Союза.

В настоящее время острота проявлений дезадаптации мигрантов прямо связана с наличием эффективно работающей системы административного, правового и социально-психологического сопровождения таких процессов. Неизменным регулятором данного процесса являются органы Федеральной Миграционной службы России.

Характеризуя основные тенденции развития миграционной обстановки в Пензенской области отметим, что в 2015 г. Управлением Федеральной миграционной службы по Пензенской области на миграционный учет поставлено (продлен миграционный учет) 48782 (-10,7 %; 2014 г. – 54632) иностранных мигранта, прибывших из 113 государств дальнего и ближнего зарубежья, в том числе по месту жительства – 4490 (+4,4 %; 2014 г. – 4300), месту пребывания – 44292 (-12,0 %; 2014 г. – 50332).

При этом количество иностранных граждан, прибывших на территорию региона и поставленных на миграционный учет первоначально, сократилось по сравнению с 2014 г. на 17,8 % (с 29534 до 24265).

По состоянию на 1 января 2016 г. на территории региона находилось 13030 иностранных граждан и лиц без гражданств, в том числе прибывших из государств:

– СНГ – 87,4 % (11388 человек), из них преобладали граждане Узбекистана – 34,19 % (3893), Украины – 24,93 % (2839), Таджикистана – 10,14 % (1155), Армении – 6,66 % (758), Азербайджана – 6,63 % (755);

– ЕС – 2,35 % (306), наибольшее количество прибыло из Германии – 41,50 % (127), Литвы – 12,42 % (38), Эстонии – 5,56 % (17);

– иных государств – 10,41 % (1356), в том числе граждане Вьетнама – 17,04 % (231), Индии – 17,80 % (244), Турции – 6,64 % (90), Китая – 5,68 (77).

Иностранцам и лицам без гражданства оформлено 2999 (-0,6 %; 2014 г. – 2981) разрешений на временное проживание в Российской Федерации и 737 (-19,0 %; 2014 г. – 910) видов на жительство. В гражданство Российской Федерации принят (восстановлен, признан) 2661 (+37,0 %; 2014 г. – 1942) человек.

Временное убежище на территории Российской Федерации предоставлено 1226 (2014 г. – 2417) иностранным гражданам, из которых абсолютное большинство составляют граждане Украины (1222 человека).

На 1 января 2016 г. состоит на учете лиц, имеющих временное убежище на территории Российской Федерации – 2668 (2014 г. – 2336), в том числе граждан Украины – 2652.

Участие в Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, приняло 2603 (2014 г. – 1745) человека: 1223 участника программы и 1380 членов семей.

По состоянию на 1 января 2016 г. на учете состояло 6746 соотечественников (с учетом членов семей). Из общего числа состоящих на учете соотечественников в гражданство Российской Федерации принято 68,8 % (4649 человек), в том числе в 2015 г. – 1834 человека или 39,4 % от общего числа принятых в российское гражданство за все время реализации Государственной программы.

Отмечается возросший интерес иностранных граждан к получению образования в учебных заведениях Пензенской области.

В 2015 г. число иностранных граждан, поставленных на территории региона на миграционный учет по месту пребывания первоначально с целью въезда «учеба», по сравнению с 2014 г., возросло на 42,1 % (с 1796 до 2553). Наибольшее число мигрантов прибыло в регион с данной целью из Туркмении – 19,9 % (509 человек), Таджикистана – 11,6 % (296), Индии – 10,4 % (266), Кыргызстана – 7,6 % (195), Казахстана – 5,3 % (136), Узбекистана – 5,0 % (128).

В высших учебных заведениях г. Пензы на 1 января 2016 г. проходили обучение 1995 (+32,7%; 2014 год – 1503) иностранных студентов.

По сравнению с 2014 г. сократилось количество оформленных иностранным гражданам (лицам без гражданства):

- разрешений на работу – на 89,7 % (с 3536 до 364); причина – с января 2015 г. привлечение к трудовой деятельности иностранных граждан, прибывших в безвизовом порядке, осуществлялось на основании патентов (в том числе у юридических лиц);

- патентов на право осуществления трудовой деятельности – на 19,4 % (с 6523 до 5257).

С учетом складывающейся криминогенной обстановки в миграционной сфере вопрос, связанный с профилактикой правонарушений с участием иностранных граждан, в декабре 2015 года рассмотрен на заседании межведомственной комиссии при Правительстве Пензенской области по профилактике правонарушений.

В 2015 г. (на 1 января 2016 г.) окончено производством 176 (+4,7 %; 2014 г. – 168) уголовных дел, возбужденных по фактам преступлений, совершенных иностранными гражданами (лицами без гражданства), из них зарегистрированных непосредственно в 2015 г. – 137 (–4,8 %; 2014 г. – 144).

Преобладают преступления, квалифицируемые по ст. 158 УК РФ (кража) – 34 (удельный вес – 19,3 %), ст. 159 УК РФ (мошенничество) – 14 (8,0 %), ст. 327 УК РФ (использование заведомо подложных документов) – 36 (20,5 %).

По вопросам реализации контрольно-надзорных полномочий в сфере миграции обеспечивается взаимодействие с территориальными органами МВД России, ФСБ России, ФСКН России.

В 2015 г. на территории региона проведено 1351 (2014 г. – 1341) оперативно-профилактическое, проверочное мероприятие.

Осуществлены проверки 830 (2014 г. – 746) мест пребывания (проживания) иностранных граждан (лиц без гражданства) и 521 (2014 г. – 595) объект возможной трудовой деятельности.

В ходе проведенных проверок выявлено 2726 (2014 г. – 2847) нарушений норм административного законодательства в сфере миграции, ответственность за совершение которых предусмотрена статьями гл. 18 КоАП РФ, в том числе:

- 1182 (2014 г. – 1158) – связанных с нарушением иностранными гражданами режима пребывания на территории Российской Федерации (ст. 18.8 КоАП РФ);

- 637 (2014 г. – 581) – нарушением принимающими лицами правил пребывания иностранных граждан в Российской Федерации (ст. 18.9 КоАП РФ);

- 377 (2014 г. – 525) – незаконным осуществлением иностранными гражданами трудовой деятельности (ст. 18.10 КоАП РФ);

- 421 (2014 г. – 509) – незаконным привлечением иностранных граждан к трудовой деятельности (ст. 18.15 КоАП РФ);

- 44 (2014 г. – 74) – несоблюдением установленных в отношении иностранных граждан ограничений на осуществление отдельных видов деятельности (ст. 18.17 КоАП РФ).

Также выявлены правонарушения, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 18.18 КоАП РФ (2 правонарушения), ст. 18.19 КоАП РФ (1), ст. 18.20 КоАП РФ (62).

К административной ответственности привлечено 44 (2014 г. – 78) должностных лица и 35 (2014 г. – 100) – юридических.

Решение об административном выдворении за пределы Российской Федерации вынесено в отношении 366 (+58,4 %; 2014 г. – 231) иностранных граждан (лиц без гражданства), депортации – 54 (+42,1 %; 2014 г. – 38), сокращении срока временного пребывания на территории Российской Федерации – 145 (2014 г. – 735).

Направлено в ФМС России 924 (+0,7 %; 2014 г. – 918) представления о не разрешении (закрытии) иностранным гражданам въезда на территорию Российской Федерации.

С 1 января 2014 г. в регионе функционирует специальное учреждение временного содержания иностранных граждан УФМС России по Пензенской области.

В 2015 г. в специальном учреждении содержалось 476 (из них помещено в 2015 г. – 442) иностранных граждан, из которых в административном порядке выдворено за пределы Российской Федерации – 406, депортировано – 30, освобождено по решению суда – 17.

Проводилась работа по контролю и надзору за соблюдением гражданами Российской Федерации и должностными лицами правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и месту жительства.

На территории региона в 2015 г. осуществлено 2278 (2014 г. – 2107) проверок мест пребывания (проживания) граждан Российской Федерации. Должностными лицами УФМС России по Пензенской области выявлено 9461 (2014 г. – 10548) нарушение норм административного законодательства, связанных с несоблюдением гражданами Российской Федерации паспортных правил и регистрационного учета (ст. 19.15 – 19.18, 19.15.1 – 19.15.2 КоАП РФ).

Вынесено постановлений о наложении административных штрафов за совершенные административные правонарушения (гл. 18 и 19 КоАП РФ) на сумму 19,7 млн руб., взыскано – 18,2 млн руб. Взыскиваемость составила 92,4 %.

По выявленным фактам возбуждено уголовных дел по признакам составов преступлений, предусмотренных:

– ст. 322.1 УК РФ (организация незаконной миграции) – 4 (2014 г. – 9);

– ст. 322.2 УК РФ (фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации) – 24 (2014 г. – 3);

– ст. 322.3 УК РФ (фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации) – 28 (2014 г. – 25);

– ст. 327 УК РФ (использование заведомо подложных документов) – 36 (2014 г. – 46).

Обеспечивалась деятельность по предоставлению государственных услуг в отношении граждан Российской Федерации.

За 2015 г. оформлено 60266 (–5,6 %; 2014 г. – 63833) внутренних паспортов гражданина Российской Федерации и 19787 (–53,9 %; 2014 г. – 42897) – заграничных. Зарегистрировано российских граждан по месту жительства – 70526 (–9,7 %; 2014 г. – 78102), месту пребывания – 81952 (–19,3 %; 2014 г. – 101543); снято с регистрационного учета по месту жительства – 55858 (+1,8 %; 2014 г. – 54878).

С августа 2014 г. УФМС России по Пензенской области принимало участие в проводимом ФМС России эксперименте по оформлению и выдаче внутреннего паспорта гражданина Российской Федерации за 1 час. По принципу «паспорт за один час» оформлено и выдано внутренних паспортов гражданина Российской Федерации: 2014 г. – 6273, 2015 г. – 7238.

С положительной стороны зарекомендовала себя деятельность вновь созданного в 2015 г. при содействии Правительства Пензенской области отдела УФМС России по Пензенской области в г. Пензе, специализирующегося на предоставлении государственных услуг по оформлению (выдаче) внутренних паспортов гражданина Российской Федерации и регистрационному учету граждан Российской Федерации по принципу «одного окна». Сотрудниками данного подразделения за период с 1 июня по 31 декабря 2015 г. оформлено 21199 внутренних паспортов гражданина Российской Федерации, осуществлено регистрационных действий в отношении граждан Российской Федерации – 62153.

Обеспечивается работа всех структурных подразделений в системе межведомственного электронного взаимодействия. В 2015 г. с использованием возможностей СМЭВ направлено исходящих запросов – 157011 (2014 г. – 137269), поступило входящих запросов – 71642 (2014 г. – 80814).

На основании заявлений, поступивших в электронном виде, предоставлено государственных услуг – 3645 (2014 г. – 7618), с использованием возможностей многофункциональных центров – 52576 (2014 г. – 58954).

Наиболее актуальные вопросы в сфере миграции в 2015 г. рассмотрены на заседаниях:

– межведомственной комиссии по оказанию содействия добровольному переселению в Пензенскую область соотечественников, проживающих за рубежом (июнь);

– постоянно действующего Координационного совещания по обеспечению правопорядка в Пензенской области (август);

– межведомственной комиссии по вопросам привлечения и использования иностранных работников на территории Пензенской области (август, сентябрь);

– межведомственной комиссии при Правительстве Пензенской области по профилактике правонарушений (ноябрь).

Вопрос «О совершенствовании миграционной политики, создании условий для социально-культурной адаптации трудовых мигрантов и реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» в июле 2015 г. рассмотрен на Координационном совещании под председательством главного федерального инспектора по Пензенской области. Предпринятые совместные меры профилактической и контрольно-надзорной направленности позволили обеспечить на территории Пензенской области в 2015 г. достаточно стабильную миграционную обстановку.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГРУППОВОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНЧЕСКИХ ГРУПП¹

С. В. Сарычев, С. Г. Маслова (г. Курск, Россия)

Проблема. Второе десятилетие двадцать первого века можно охарактеризовать как время существенных изменений во многих сферах жизни российского общества, что выводит на первый план новые объекты исследования в отечественной социальной психологии. Социальными психологами обсуждаются возможности психологии решать в системе социогуманитарных наук стратегические задачи развития российского общества. К числу таковых относятся, в частности, задача оптимизации психологического состояния общества (Чернышев и др., 2015). В условиях социальных

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проекты № 14-06-00876 и № 14-06-00426).

изменений в современной России социальные психологи отмечают неспособность многих людей эффективно осуществлять совместную деятельность в составе группы, достигать в ней социально-значимых результатов (Журавлев, 1999). Необходимо выявить условия, способствующие оптимизации совместной деятельности, в частности, исследовать как параметр «групповая подготовленность» может влиять на процесс и результаты совместной деятельности группы (Чернышев, Сарычев, 2009).

Очевидна необходимость прогнозирования процесса и результатов совместной деятельности малых групп в различных социальных ситуациях (Сидоренков, Сидоренкова, 2011), что делает необходимым исследование их подготовленности и, следовательно, требует поиска современных средств ее решения. Необходимость изучения подготовленности группы к совместной деятельности обусловлена также тем, что психологами главным образом изучалась деятельность индивида.

Подготовленность группы – это знания, навыки, привычки и умения группы в осуществлении групповой деятельности, опыт, который накопила данная группа в том или ином виде совместной деятельности. Речь идет именно о групповой подготовленности, а не о подготовленности к деятельности каждого отдельно взятого члена группы. Хотя личная подготовленность, безусловно, входит в общий баланс возможностей группы и влияет на групповую подготовленность, отождествлять их нельзя. Например, в составе одной группы много хоккеистов. Но данная группа как единая команда ни разу в хоккей не играла, следовательно, не имеет опыта группового взаимодействия в данном виде совместной деятельности. С большей степенью вероятности можно предположить, что групповая подготовленность такой «профессиональной» команды не велика. В другой группе – мало хороших спортсменов или они могут совсем отсутствовать, но она часто играет вместе как единая команда. В связи с этим имеет групповой «багаж» навыков, умений, опыта, то есть является более подготовленной к командной игре как виду деятельности (Уманский, 1980).

В отличие от других групповых параметров (организованность, нравственная направленность, психологическое единство) групповая подготовленность не стала предметом специального теоретического и эмпирического исследования в рамках параметрической концепции групп и коллективов. Влияние подготовленности группы на результативность совместной деятельности ис-

следовано, по нашему мнению, недостаточно. До настоящего времени в социальной психологии исследователями не уделялось должного внимания проблеме подготовленности группы в различных социальных условиях осуществления совместной деятельности, практически отсутствуют специальные эмпирические исследования влияния групповой подготовленности на совместную групповую деятельность.

Гипотеза. При разработке программы исследования мы исходили из предположения о том, что продуктивность совместной деятельности студенческих групп опосредуется уровнем развития общих социально-психологических качеств группы, опосредующих параметр групповая подготовленность (интегративность, микроклимат, референтность, лидерство, интрагрупповая активность, интергрупповая активность).

Эмпирическую базу исследования составили реальные студенческие группы Курского государственного университета – формальные (академические группы студентов факультета педагогики и психологии) и неформальные (из студенческого объединения «Профком» и психологического клуба «Бумеранг»).

Методы исследования. На различных этапах исследования нами использовался комплекс методов: теоретический анализ литературы, диагностические методы сбора фактического материала, элементы лабораторного эксперимента, методы статистической обработки данных. В исследовании использовались следующие психологические методики изучения группы как субъекта.

– «Карта-схема психолого-педагогической характеристики группы» (далее в тексте – «Карта-схема ...») Л. И. Уманского, А. С. Чернышева и др. «Карта-схема» состоит из опросных листов, представляющих собой оценочную шкалу (пятибалльную), смонтированную в набор качеств, характеризующих наиболее существенные свойства изучаемой группы. Данной методикой мы измеряли такие показатели как микроклимат группы и лидерство.

– Разработанная В. А. Хащенко методика «Зрительно-аналоговая шкала» (ЗАШ) была нами модифицирована и использовалась для изучения мнений членов малых групп о группе членства по показателям «референтность», «интрагрупповая активность», «интергрупповая активность». Методика представляет собой три неградуированные шкалы от 0 до 100. Обработка полученных данных предполагает их измерение с помощью линейки и вычисления средних групповых показателей по каждой шкале.

– Методика субъективной оценки согласованности действий группы. Данной методикой измерялась интегративность как общегрупповое качество. Методика состоит из опросных листов, представляющих собой оценочную (семибалльную) шкалу по следующим показателям «интегративности»: наличие и качество плана; согласованность и распределение функций; соответствие совместной деятельности плану.

– Для выявления наиболее характерных для изучаемых групп студентов видов совместной деятельности нами использовалось мини-сочинение на тему «Расскажите, что Вы делаете вместе с Вашей группой, и что Вам удается лучше всего».

– Прибор-модель совместной деятельности «Арка».

Организация исследования. Исследование осуществлялось среди реальных групп студентов и магистрантов Курского государственного университета и включало два основных этапа. На первом этапе нами изучалась актуализации параметра подготовленность в общих групповых качествах «интегративность», «микроклимат», «референтность», «лидерство», «интрагрупповая активность», «интергрупповая активность».

На втором этапе был проведен лабораторный эксперимент, в котором мы исследовали продуктивность совместной деятельности групп студентов в стандартных, напряженных и особомотивированных условиях.

Зависимой переменной в данном лабораторном эксперименте является результативность совместной деятельности. Зависимая экспериментальная переменная измерялась при помощи аппаратной методики «Арка».

Независимые переменные – уровень развития социально-психологических (общих) качеств группы. Независимые экспериментальные переменные измерялись при помощи методики «Карта-схема ...» модифицированной нами методики ЗАШ, методики субъективной оценки согласованности действий группы.

Результаты исследования. Выявленные нами типы динамики уровня результативности групп мы обозначили как «оптимальный», «промежуточный» и «ограниченный». Группы, отнесенные нами по критерию динамики уровня результативности относительно социальных условий осуществления совместной деятельности к «оптимальному» и «промежуточному» типам, достигают максимального значения результативности в совместной деятельности в особомотивированных условиях, тогда как группы, отнесенные нами к «огра-

ниченному» типу, максимальные показатели результативности достигаются в обычных условиях совместной деятельности.

Динамика разброса минимальных и максимальных показателей результативности у групп различных типов носит неоднозначный характер. Среди групп, отнесенных к «оптимальному» типу, выявлено как увеличение, так и уменьшение диапазона разброса по данному показателю. У групп «промежуточного» и «ограниченного» типа динамика разброса минимальных и максимальных показателей результативности имеет незначительные вариации.

Анализ соотношения интегративности групп разных типов подготовленности, выявил, что представленность показателей в структуре интегративности групп типа «оптимальный» характеризуется уровнем высоким и средним, либо только средним. Представленность показателей в структуре интегративности групп типа «промежуточный» характеризуется средним и низким уровнем. Представленность показателей в структуре интегративности групп типа «ограниченный» характеризуется разнородным набором уровней: высокий для показателя «наличие и качество плана», средний для «соответствие совместной деятельности плану» и низкий для «согласованность и распределение функций».

Выводы. В результате исследования в рамках параметрической концепции коллектива групповая подготовленность операционализирована на уровне показателей и эмпирических референтов, подобраны методики для измерения каждого из эмпирических референтов.

Существуют значительные различия в выраженности групповой подготовленности у студенческих групп, как по видам совместной деятельности (учебная, досуговая, творческая, общественная), так и по уровню выраженности данного параметра.

Динамика продуктивности совместной деятельности относительно условий ее исполнения (обычных, напряженных, особомотивированных) определяется актуализацией в групповой подготовленности общих социально-психологических качеств группы – «интегративность», «референтность», «интрагрупповая активность».

Актуализация в групповой подготовленности общих социально-психологических качеств «микроклимат» и «лидерство» не оказывает существенного влияния на динамику и уровень продуктивности совместной деятельности студенческих групп.

Группы, отнесенные нами по критерию динамики уровня результативности относительно социальных условий осуществления совместной деятельности (стандартных, напряженных и особомо-

тивированных) к «оптимальному» и «промежуточному» типам, достигают максимального значения результативности в совместной деятельности в особомотивированных условиях, тогда как группы, отнесенные нами к «ограниченному» типу, максимальные показатели результативности достигаются в стандартных условиях совместной деятельности.

Различные группы (даже в рамках одного типа динамики результативности совместной деятельности) характеризуются различным соотношением показателей общих качеств группы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Журавлев, А. Л. Психология совместной деятельности в условиях организационно-экономических изменений : дис. в виде научного доклада ... д-ра психол. наук : 19.00.05 / Журавлев А. Л. – М., 1999. – 132 с.
2. Сидоренков, А. В. Эффективность малых групп в организации. Социально-психологические и организационно-деятельностные аспекты : моногр. / А. В. Сидоренков, И. И. Сидоренкова. – Ростов н/Д, 2011. – 256 с.
3. Уманский, Л. И. Психология организаторской деятельности школьников / Л. И. Уманский. – М. : Просвещение, 1980. – 160 с.
4. Чернышев, А. С. К вопросу о перспективах отечественной психологии в решении задач российского общества / А. С. Чернышев, С. В. Сарычев, С. Г. Елизаров // Психологический журнал. – 2015. – Т. 36, № 2. – С. 113–119.
5. Чернышев, А. С. Параметрическая теория коллектива: история создания и тенденции развития [Электронный ресурс] / А. С. Чернышев, С. В. Сарычев // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2009. – № 3 (11). – URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/011-16.pdf>

ФАКТОРЫ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ-МИГРАНТОВ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

А. С. Силаков (г. Курск, Россия)

В последние десятилетия перед Российской Федерацией все острее встает вопрос управления процессами миграции в нашу страну и дальнейшей адаптации приезжих. По разным данным, ежегодно в нашу страну прибывает от одного-двух до трех-четы-

рех миллионов человек. Многие из них планируют остаться жить навсегда, многие – провести в ней достаточно много лет. И первые, и вторые, сталкиваются с проблемой получения их детьми образования. Адаптация к школе, тем более к школе начальной, сама по себе является достаточно сложным процессом, но он еще и усугубляется тем, что недостаточное знание русского языка, несовпадение этнических обычаев и традиций разных стран может приводить к серьезным недостаткам в качестве как получаемого образования, так и вхождения в новую социально-культурную среду.

Процесс адаптации человека к меняющимся условиям среды рассматривался многими отечественными и зарубежными психологами. Среди них А. Маслоу, К. Роджерс, Л. И. Божович, А. Н. Леонтьев, В. В. Давыдов, И. С. Кон, Д. И. Фельдштейн, В. П. Зинченко и многие другие. С практической точки зрения о необходимости психологического и педагогического сопровождения процесса социальной адаптации личности в целом, и личности ребенка в частности, говорили А. В. Мудрик, Т. А. Дубровская, Р. В. Овчарова и иные авторы.

Появляются диссертационные работы, посвященные непосредственно тематике работы с детьми и подростками из других стран.

Так, Е.А. Бауэр полагает, что эффективная работа по психосоциальной адаптации подростков-мигрантов к новой социокультурной среде возможна при комплексном использовании как внешних, так и внутренних механизмов приспособления к изменениям, причем в школе необходимо создавать полноценное психолого-педагогическое сопровождение процесса адаптации детей мигрантов на основе межкультурной толерантности и формирования полноценной развивающей среды школы (Бауэр, 2012).

М. А. Лобас, изучая подростков-мигрантов, приходит к выводу о том, что взаимодействие учащихся из разных этносов трансформирует национальное самосознание всех участвующих групп, а развитие адаптивного поведения учеников не отрицает тесной связи со своими корнями, но предполагает демонстрацию таких форм поведения, которые не акцентируют внимания окружающих на этнических различиях (Лобас, 2001).

Можно упомянуть и прикладные разработки – В. В. Гриценко и Н. Е. Шустова предложили систему психодиагностических и тренинговых занятий, способствующих успешной адаптации де-

тей-мигрантов в новой социальной среде (Гриценко, Шустова, 2011).

Однако, с нашей точки зрения, описываемое явление нуждается в дальнейшем изучении, с учетом всей совокупности факторов, влияющих на ход социализации личности. И школа, особенно ее начальная ступень, выступает важнейшим инструментом оптимизации данного процесса.

Нами было проведено исследование проблемы адаптации детей-мигрантов в начальной школе. В качестве базы исследования были взяты несколько курских школ. Среди учеников их начальных классов (с первого по четвертый включительно) мы выделили тех, кто вместе с родителями относительно недавно переехал в Россию и при этом учится в данной школе с первого класса. Нескольких детей, которые перевелись из других школ, сменив, таким образом, учебную группу, мы не включили в данную выборку, так как в этом случае помимо изучаемых факторов адаптации, связанных с этнокультурными различиями, к ним добавляются и более универсальные социально-психологические, связанные с адаптацией к новой группе членства.

В качестве основных методов исследования использовалось наблюдение и экспертная оценка.

При наблюдении фиксировалась частота контактов со сверстниками, его инициатор, эмоциональная составляющая.

В качестве экспертов выступили классные руководители начальных классов, так как они обладали возможностью длительное время взаимодействовать с детьми, накапливая информацию о специфике их общения с окружающими, качестве адаптации к учебе и своей группе, владении русским языком.

Всего младших школьников, подходящих под названные критерии, оказалось 34 человек, в возрасте от 7 до 10 лет. Из них семь человек учатся в первом классе, десять – во втором, одиннадцать – в третьем и шестеро – в четвертом. Дополнительно они были распределены по параметрам пола, длительности проживания в России и знания русского языка.

Соответственно, в выборку вошли семнадцать мальчиков и тринадцать девочек, родом из Азербайджана, Армении и Узбекистана. Поскольку гендерный аспект в данном исследовании рассматривался нами как вспомогательный, подробный анализ различий изучаемых параметров у детей разного пола мы в данной работе не приводим. Однако сразу отметим, что учителя не отмечали

у них каких-либо особых гендерных отличий от представителей коренного населения. Напротив, указывалось, что они совпадали с давно известными – девочки более послушны, мальчики менее дисциплинированы.

Время проживания в России на момент исследования: с рождения – у девяти детей; пять-шесть лет – у тринадцати; два-три года – у восьмерых.

Качество освоения русского языка оценивалось экспертами по пяти уровням: 1 – очень плохо – говорит и понимает с трудом; 2 – плохо – словарный запас имеется, но малый, полноценное общение не возможно; 3 – средне – ребенок может общаться на различные темы, но с рядом ошибок, правильное произношение выработано слабо; 4 – выше среднего – затруднения возникают редко, акцент незначительный или отсутствует; 5 – хорошо – богатый словарный запас, при восприятии на слух сложно определить, что русский язык для ребенка не родной.

Процентное соотношение детей с разным уровнем освоения русского языка мы привели в табл. 1.

Таблица 1

Удельный вес разных уровней освоения русского языка детьми-мигрантами в начальной школе

Уровень освоения речи	Класс			
	1	2	3	4
Очень плохо	10 %			
Плохо	20 %	20 %		
Средне	30 %	40 %	46 %	33 %
Выше среднего	30 %	30 %	36 %	50 %
Хорошо		10 %	18 %	17 %

Как мы видим из представленных данных, наиболее ярко проблема освоения речи выражена в первых классах – два низших уровня отмечены у 30 % первоклассников. Во вторых классах детей с практически нулевым знанием русской речи уже не отмечено, но 20 % знают ее плохо, а вот в третьих и четвертых классах уровни ниже среднего уже отсутствуют. Соответственно, с возрастом наблюдается положительная динамика освоения языка – два высших уровня в сумме имеются у 30 % первоклассников, 40 % второклассников, 54 % третьеклассников и 67 % четвероклассников. Тем не менее, надо отметить, что хороший уровень, при котором можно говорить о полном освоении русской речи, наблюдается достаточно редко, а ведущим является уровень «выше среднего».

Из бесед с учителями нам удалось установить, что основной причиной этого можно считать преобладающую языковую среду в семьях детей-мигрантов и длительность их проживания в России. Там, где русская речь использовалась наряду с родным языком во внутрисемейном общении, особенно задолго до того, как ребенок пошел в школу, качество освоения русского языка было высоким. Если же он использовался только для внесемейного общения, то к моменту поступления в школу его уровень освоения, как правило, был недостаточным. К сожалению, большая часть родителей не проявила желаний общаться на изучаемую нами тему, поэтому пришлось ограничиться той информацией, которая была доступна педагогам.

Относительно индивидуальной динамики изучаемого процесса можно сказать следующее. По мнению педагогов третьих-четвертых классов, она наиболее заметна для тех детей, которые на момент поступления в первый класс владели русским языком на плохом или среднем уровне, так как за два-три года обучения прогресс был несомненным. Отметим, что чем выше был уровень погружения в чужую языковую среду, тем эффективнее осваивалась и русская речь. Так, в тех классах, где было несколько детей-мигрантов одной национальности, динамика снижалась, так как потребность в общении хотя бы частично могла быть удовлетворена за счет родной речи.

По мнению экспертов, адаптация к школе детей-мигрантов, прежде всего, опосредована именно качеством освоения ими русского языка. Если он достаточно высок, то освоение учебного материала идет успешно, нормы поведения в школе прививаются достаточно эффективно.

Однако в плане адаптации среди сверстников ситуация была более сложной. Качество речи вновь можно считать ведущим фактором адаптации – легкость общения с товарищами способствует установлению контакта, поиску общих интересов, активному включению в общегрупповую деятельность, получению более высокого социометрического статуса. Но при этом важными идентификаторами схожести или отличий от большинства выступают внешность, наличие/отсутствие акцента, звучание имени. У первоклассников приходилось наблюдать ситуации, когда на этапе знакомства дети осознавали отличия своих товарищей по национальному признаку только после того, как узнавали их имена или фамилии.

Заметим, что, по словам педагогов, каких-либо проявлений национализма ими не было обнаружено, конфликты в общении детей разных национальностей провоцировались либо непониманием, либо несовпадением интересов детей. Межличностные отношения в классе, прежде всего, были опосредованы качеством владения русским языком, а затем уже личностно-индивидуальными качествами школьников.

Конечно же, и позиция самих классных руководителей очень важна. Все они отмечали, что при наличии в классе детей-мигрантов уделяли большое внимание их взаимодействию со сверстниками, старались способствовать развитию контактов с окружающими, не допускали какой-либо дискриминации по национальному признаку.

Итак, можно сделать вывод о том, что успешность адаптации детей-мигрантов в начальной школе опосредована рядом факторов, среди которых: качество освоения русского языка; длительность проживания в России; внутрисемейные установки по отношению к освоению новой культуры; межличностные отношения в учебной группе; наличие в данном учебном заведении действующей программы адаптации таких детей и активность педагогов в ее реализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бауэр, Н. А. Научно-практические основы психолого-педагогического сопровождения социально-психологической адаптации подростков-мигрантов : дис. ... д-ра психол. наук / Бауэр Н. А. – М., 2012. – 503 с.
2. Гриценко, В. В. Социально-психологическая адаптация детей из семей мигрантов / В. В. Гриценко, Н. Е. Шустова. – М., 2001.
3. Лобас, М. А. Особенности психологической адаптации детей-мигрантов к русскоязычной школе : дис. ... канд. психол. наук / Лобас М. А. – Ярославль, 2001. – 158 с.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ МИГРАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В. М. Смирнов (г. Балашов, Россия)

Проблема миграционной безопасности является одной из актуальнейших проблем нашего общества. Современная Европа захлебывается от постоянного потока вновь и вновь прибывающих

мигрантов из стран третьего мира, и, особенно из территорий, охваченных войной и находящихся в данный момент под властью ИГИЛ.

В то же время, кроме непосредственных проблем, связанных с необходимостью более или менее адекватного размещения такого количества мигрантов, европейцы испытывают и еще большие проблемы, связанные с поведением этих людей. Об этом свидетельствуют события, произошедшие в новогоднюю ночь в Кельне. И я уже даже не говорю о терактах в Париже.

Термин «мигрант» все чаще приобретает негативную коннотацию. Таким образом, мы видим что политика толерантности и мультикультурализма не смогла полностью себя оправдать.

В то же время полностью отказаться от мигрантов мир не может. Вряд ли без Европа сможет прожить без постоянного притока свежей крови в виде дешевой рабочей силы.

Таким образом, говоря о миграционной безопасности, следует иметь в виду две противоположных составляющих этого процесса. Во-первых, это безопасность общества и государства, которое принимает у себя иммигрантов. И, конечно, не нужно забывать и о безопасности самих мигрантов.

Обеспечение миграционной безопасности, как государства, так и непосредственно мигрантов можно рассматривать с нескольких основных позиций.

Если мы говорим о миграционной безопасности как составляющей общей безопасности всего населения земного шара, то обеспечение безопасности мигрантов с этих позиций, а тем более самой уязвимой их части – беженцев, провозглашается приоритетной задачей, требующей решения. И одним из основных путей решения проблемы считается смягчение и полная легализация миграционной политики. К решению проблемы миграционной безопасности не просто допускаются, но и активно привлекаются сами мигранты, их сообщества и организации [Попов, 2006, с. 8].

Однако такой подход не учитывает огромную роль этнокультурных особенностей как принимающей стороны, так и самих мигрантов, нежелание или препятствование их процессу глобализации.

Концепция социетальной безопасности, ставящая во главу угла защиту системы благ, накопленных цивилизацией (имеется в виду, конечно, в основном, западная цивилизация), от угрожающих внешних воздействий, рассматривает проблему миграционной

безопасности с нескольких позиций. С одной стороны, эта концепция поддерживает свободное перемещение определенной части граждан, например, в рамках Евросоюза. С другой стороны, миграция представителей развивающихся стран рассматривается как источник разнообразного рода угроз. Считается, что положительные стороны миграции никак не способны компенсировать ее отрицательные последствия. Способом устранения противоречий между западным цивилизованным миром и мигрантами провозглашается опять же контроль над миграционным потоком и ассимиляцию мигрантов в западное общество.

Если рассматривать миграционную безопасность как компонент национальной безопасности, то государство не только может, но и должно в первую очередь заботиться о своей собственной безопасности и безопасности своих граждан. А это может включать в себя меры, ограничивающие перемещения неграждан в пределах своих границ и определенные запреты, связанные с въездом мигрантов на собственную территорию. Причем эти меры могут быть закреплены на законодательном уровне, а также пропагандироваться среди населения для закрепления их на ментальном и поведенческом уровнях. Такая миграционная безопасность несколько односторонняя и не касается безопасности самих мигрантов. Кроме того, такая миграционная безопасность не совсем вписывается в концепцию современного правового государства с его, по крайней мере, провозглашаемым толерантным отношением ко всем и ко всему.

В данный подход практически целиком вписывается миграционная политика Российской Федерации. Анализируя Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», можно сделать вывод, что основной приоритет остается за государством и его безопасностью. Глобализация частично рассматривается как процесс, создающий угрозы национальной безопасности РФ. А основными направлениями обеспечения национальной безопасности Российской Федерации являются стратегические национальные приоритеты, которыми определяются задачи важнейших социальных, политических и экономических преобразований для создания безопасных условий реализации конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, осуществления устойчивого развития страны, сохранения территориальной целостности и суверенитета государства.

Соответственно и неконтролируемая миграция также рассматривается как угроза национальной безопасности России наряду с организованной преступностью и наркоторговлей. Решение проблемы видится в контроле за миграционными потоками, обеспечении баланса интересов коренного населения и трудовых мигрантов, включая совершенствование миграционного учета, территориальном распределении трудовых мигрантов исходя из потребностей регионов в трудовых ресурсах.

Где-то между этими противоположными подходами и кроется решение проблемы. Окончательный ответ на вопрос о том, является ли миграция угрозой или благом, является дискуссионным и требующим всестороннего комплексного изучения и осмысления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Попов, Г. Г. Миграционная безопасность России: институционально-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Попов Г. Г. – Ростов н/Д, 2006. – 27 с.

СПЕЦИФИКА СОВЛАДАНИЯ С ЧУВСТВАМИ ВИНЫ И СТЫДА У ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАНТОВ И ПРИНИМАЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Т. Н. Смотровая (г. Балашов, Россия)

В исследовании проблемы морально-нравственной регуляции поведения и деятельности человека все чаще ученые обращаются к изучению феноменов вины и стыда.

Если чувства вины и стыда, возникая в ответ на осознание причиненного вреда и факта нарушения социальных норм, переживаются очень интенсивно, то они могут стать источником стресса и будут продуцировать возникновение психологических защит и совладающего поведения, направленных на снижение

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Феномены вины и стыда как регуляторы социального поведения в контексте традиционных и современных ценностей», № 13-06-00492.

эмоциональной напряженности, тревоги и преодоление психотравмирующих ситуаций.

Переживание вины, связанное с нанесением кому-либо ущерба, как правило, будет подталкивать человека к действиям компенсирующего характера, «заглаживанию» вины, ее искуплению, стремлением к получению прощения. И такое поведение само по себе уже является способом преодоления этого чувства. Компенсировать последствия «постыдного» поведения гораздо сложнее, и именно поэтому психика совладания с переживанием стыда вырабатывает комплекс самых разнообразных защит и копинг-стратегий (Смотрова, 2014).

Ключевыми факторами предпочтения стратегий совладания являются особенности процессов категоризации – самокатегоризации и категоризации трудных ситуаций (В. И. Голованевская, 2006) – на протекание которых, в свою очередь, серьезное влияние оказывает культура, задающая эталонные модели восприятия окружающего мира. Например, Walbott и Scherer указывают на разницу в стилях совладания со стыдом у представителей коллективистских и индивидуалистических культур (Wallbott, Scherer, 1995).

Именно поэтому небезынтересным будет выявление особенностей совладания с чувствами вины и стыда у представителей разных этнокультурных групп из числа этнических мигрантов и принимающего населения Саратовской области.

В исследовательскую выборку общим объемом 300 человек было включено пять этнических групп, выровненных по численности и основным социально-демографическим характеристикам. Принимающее население представлено традиционными жителями обозначенного региона – русскими и татарами. В роли этнических мигрантов выступили азербайджанцы, армяне и казахи, переселившиеся на территорию Саратовской области 7 лет назад и более.

В качестве исследовательского инструментария, предназначенного для выявления стратегий совладающего с чувствами вины и стыда поведения респондентов, принадлежащих к разным этническим группам, был использован вариант копинг-теста Р. Лазаруса и С. Фолькман в адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляевой (Крюкова, Куфтяк, 2007).

По мнению авторов методики совладание с жизненными трудностями заключается в непрерывном приложении индивидом усилий (когнитивных и поведенческих) для «...управления специ-

фическими внешними и (или) внутренними требованиями, которые оцениваются им как подвергающие его испытанию или превышающие его ресурсы». Задача совладания с негативными жизненными обстоятельствами состоит в том, чтобы преодолеть, избежать, вытерпеть эти трудности, либо уменьшить их отрицательные последствия. Кроме того, совладающее поведение определяется как целенаправленное социальное поведение, важное для социальной адаптации здоровых людей, которое позволяет справиться с трудной жизненной ситуацией (или стрессом) через осознанные стратегии действий адекватными личностным особенностям и ситуации способами. В ситуациях, поддающихся контролю, такое сознательное поведение, направлено на их преобразование, в ситуациях, не поддающихся контролю – на приспособление к ним. Его стили и стратегии рассматриваются как отдельные элементы сознательного социального поведения, с помощью которых человек справляется с жизненными трудностями.

Диагностируемые с помощью данной методики копинг-стратегии можно сгруппировать следующим образом:

– активные проблемно-разрешающие копинги, которые являются наиболее эффективным способом преодоления трудностей, связаны с созданием и выполнением плана разрешения трудной ситуации и проявляются в таких реакциях, как самостоятельный анализ случившегося, обращение за помощью к другим, поиск дополнительной информации – «принятие ответственности», «планирование решения проблемы», «поиск социальной поддержки»;

– конструктивные стратегии эмоционально-ориентированного копинга, направленного на совладание с отношением индивида к проблеме – «самоконтроль» и «положительная переоценка»;

– эмоционально-ориентированные деструктивные копинг-стратегии «бегство-избегание» и «дистанцирование» – следствие эмоционального реагирования на ситуацию, которое не сопровождается конкретными действиями, а проявляется в виде попыток не думать о проблеме, вовлечением других в свои переживания, желанием забыться во сне, растворить свои невзгоды в алкоголе, наркотиках или компенсировать отрицательные эмоции едой;

– непродуктивная стратегия копинг-поведения – «конфронтация» заключается в совершении агрессивных усилий по изменению ситуации, что предполагает определенную степень враждебности и готовности к риску.

Применительно к нашим исследовательским задачам была модифицирована инструкция копинг-теста: респондентов просили оценить, насколько предложенные варианты поведения соответствует тому, что с ними происходило в ситуациях, связанных с переживаниями вины и стыда.

Обработка полученных данных предполагала расчет среднего балла, отражающего выраженность копинг-стратегий. По показателям среднего балла определялся процент реализации той или иной копинг-стратегии представителями исследуемых групп, на основании которого ту или иную стратегию совладания можно было отнести в разряд повышенного копинга, если стратегия набирает свыше 60 %, или дефицитарного копинга, если процент ее реализации не достигает 40 %.

Для выявления интенсивности переживания чувств вины и стыда были использованы шкалы вины и стыда из методики «Измерение чувства вины и стыда» (TOSCA) Дж. П. Тангней (Ильин, 2013).

На основе регрессионного анализа была выявлена зависимость между интенсивностью переживания вины, стыда и стратегиями совладания с данными чувствами.

Испытывая вину, респонденты всех этнических групп (кроме азербайджанцев) чаще используют активный проблемно-разрешающий копинг принятия ответственности. Принятие ответственности заключается в понимании связи между собственными действиями и их последствиями, готовности признать свою роль в проблеме или сложившейся ситуации, признать свои ошибки, проанализировать их и вынести определенный урок, чтобы впредь не допустить повторения подобного. Но только казахи и татары в условиях переживания вины массово применяют адаптивный копинг планирования решения проблемы, который состоит в анализе произошедшего, рассмотрении возможных вариантов поведения, планирования собственных действий и выработке стратегии разрешения проблемы на основе прошлого опыта и наличных ресурсов. Армяне и русские в аналогичных обстоятельствах вместо активных усилий по исправлению ситуации не менее активно прибегают к поиску социальной поддержки, демонстрируя стремление получить поддержку, сочувствие или чью-либо действенную помощь в разрешении возникшей проблемы.

Чем выше интенсивность переживания стыда, тем чаще казахи, русские и татары ориентированы на поиск социальной поддержки, испытывая острую потребность быть выслушанным, раз-

делиться с кем-либо свои переживания, получить эмоциональный отклик, понимание, сочувствие или даже совет. У азербайджанцев, армян и татар совладание с чувством стыда обусловлено активной позицией принятия ответственности. Между тем, испытывая стыд армяне, казахи и русские реализуют эмоционально-ориентированные копинги, направленные на совладание с отношением к проблеме. У армян – это стратегия самоконтроля, сдерживания и подавления эмоций, сокрытия их от окружающих. У казахов и русских такое эмоционально-ориентированное совладание осуществляется за счет положительной переоценки, представляющей собой попытку справиться с трудностями через интерпретацию обстановки в позитивных терминах, через способность переоценить ситуацию в положительном ключе, увидеть в ней некий смысл и стимул для личностного роста.

Как видим, для совладания с чувствами вины и стыда представители исследуемых групп в основном используют конструктивные проблемно-разрешающие и эмоционально-ориентированные копинги. Однако в условиях переживания стыда армяне прибегают также и к неконструктивной стратегии конфронтации, а русские – к деструктивному копингу бегства-избегания. То есть армян чувство стыда толкает на проявление неприязни, гнева в отношении того, что создало проблему, а также на готовность к риску для изменения неудовлетворительной для себя ситуации. Посредством стратегии конфронтации армяне стремятся отреагировать негативные эмоции, вызванные чувством стыда, и получить, таким образом, эмоциональную разрядку. Русские же для преодоления чувства стыда используют стратегию ухода, уклонения от сопровождающих его негативных переживаний. Эта стратегия чаще всего реализуется через дезадаптивные формы псевдосовладающего поведения, которые нередко лишь усугубляют ситуацию – например, игнорирование проблемы, попытки не думать об этом или «заглушить» эмоциональный дискомфорт употреблением психоактивных веществ, перееданием и т.д.

Таким образом, в исследуемых этнических группах, представляющих мигрантов и принимающее население Саратовской области, удалось обнаружить общие и специфические проявления поведения, направленного на совладание с чувствами вины и стыда:

– в ситуации переживания вины копинг принятия ответственности реализуется представителями практически всех этногрупп, а планирование решения проблемы – преимущественно казахами и татарами;

– из ситуации переживания стыда казахи и русские могут извлечь для себя урок и использовать ее в целях личностного роста, но признают свою ответственность за создавшееся положение вещей азербайджанцы и татары;

– к поиску социальной поддержки русские прибегают, испытывая вину и стыд, армяне – только вину, казахи и татары – только стыд;

– при переживании стыда наряду с конструктивными проблемно-разрешающими и эмоционально-ориентированными копингами армяне и русские используют неконструктивные стратегии совладающего поведения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Голованевская, В. И. Факторы предпочтения стратегий совладания : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Голованевская В. И. – М., 2006. – 31с.

2. Ильин, Е. П. Психология общения и межличностных отношений / Е. П. Ильин – СПб. : Питер, 2009. – 576 с.

3. Крюкова, Т. Л. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) / Т. Л. Крюкова, Е. В. Куфтяк // Журнал практического психолога. – М. : 2007. – № 3. – С. 93–112.

4. Смотровая, Т. Н. Чувство стыда и способы совладания с ним / Т. Н. Смотровая // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии : материалы IV Междунар. науч. конф. (30–31 мая 2014 г.) / отв. ред. В. В. Гриценко. – Смоленск : Смоленский гуманитарный ун-т, 2014. – Т. 1. – С. 231–235.

5. Wallbott, H. G. Cultural determinants in experiencing shame and guilt / H. G. Wallbott, K. R. Scherer // Self-conscious emotions: the psychology of shame, guilt, embarrassment and pride / eds. J. P. Tangney, K. W Fischer. – New York : Guilford Publications, 1995. – P. 465–487.

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКСКЛЮЗИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ МИГРАЦИИ

И. Ю. Суворова (г. Москва, Россия)

На сегодняшний день миграция является одной из самых острых социальных проблем. Число мигрантов в России, согласно Федеральной службе государственной статистики за 2014 г. равняется 578 511 человек. Согласно изданию «Новости Швейцарии» ходатайство о получении убежища в Европе в 2014 г. подало

640 070 человек. Большое количество исследований социальных проблем миграции (Liebkind, 1996; Berry et al., 1987; Berry, 1990) показывают нарушение этнической идентичности у детей иммигрантов, что является очевидным следствием культурной изоляции. Эти и другие данные (Иванова, 2004; Walker, Stephenson, 2010) привлекают общественное внимание к феномену исключения из социальной системы и приводят к необходимости всестороннего его изучения.

Социальная эксклюзия как фактор нарушения личностных конструктов

В рамках социального конструкционизма социальная эксклюзия рассматривается как социально-психологический феномен, возникающий вследствие нарушения связи между человеком и социальной системой. При этом наблюдается нарушение структуры социальной идентичности (Marcia, Friedman, 1970), когда человек является обладателем всего лишь нескольких социальных ролей, и они не интегрируются в единую структуру (Суворова, 2014). Более того, в ходе исследований были выделены механизмы защиты, актуализирующиеся у некоторых людей в результате социальной эксклюзии (Суворова, в печати): если в отсутствие защит диффузная идентичность сочетается с негативной самооценкой, то при подключении защитных механизмов при диффузной идентичности наблюдается неадекватно высокая самооценка.

Социальная эксклюзия как фактор психоэмоциональных расстройств

Психоэмоциональный компонент социальной эксклюзии был выделен еще Адамом Смитом, который говорил, что бедный человек, во-первых, имеет меньший доступ к ресурсам, а во-вторых, переживает свою бедность на эмоциональном уровне как стыд. Сейчас переживания, вызванные социальной эксклюзией, в основном изучаются на группах детей и подростков. Было установлено, что невозможность подростков удовлетворить фундаментальную потребность в принадлежности (Baumeister, Leary, 1995) приводит к депрессии, тревоги (Baumeister, Leary, 1995), подавлению мотивации достижения (Killen, Hitti, Mulvey, 2012). Будучи исключенным из системы, ребенок, а в случае исключения из больших социальных систем и взрослый, переживает изоляцию и беспомощность в потенциально гостеприимном мире, где беспомощность понимается как отсутствие контроля над социальной реальностью (Barden, Garber, Leiman, Ford, Masters, 1985).

Социальная эксклюзия как фактор физиологических изменений

В ходе психофизиологических исследований социальной эксклюзии изменения опиоидной и окситоциновой нейроэндокринных систем совпадали с изменением этих систем в случае физической боли (Eisenberg, Lieberman, 2004). Эти данные привели к созданию Наоми Айзенберг теории совпадения социальной и физической боли (Social Pain/Physical Pain Overlap Theory - SPOT) (Eisenberg, Lieberman, 2004; MacDonald, Leary, 2005). Эта теория объясняет эмоциональные переживания социальной эксклюзии как врожденные механизмы, выработанные в процессе эволюции, и находит поддержку во многих исследованиях мозговой активности, где сравнивались очаги возбуждения в случае социальной и физической боли (Eisenberg, 2014).

Предпосылки к созданию комплексной модели

Несмотря на ряд подтверждений, теория совпадения социальной и физической боли имеет ряд противоречий. Во-первых, вызывает вопрос, действительно ли страх исключения из общества является врожденным, инстинктивным, механизмом. Контраргументом выступают социальные фобии, идущие под классификацией F 40.1 в МКБ-10. Во-вторых, по последним данным dACC не является специфическим центром социальной боли, так как активируется на любые неприятные события, как и не является специфически центром боли вообще, поскольку активируется также и при выполнении логических задач (Eisenberg, 2015). Для решения возникших противоречий предлагается модель взаимосвязи нарушения структуры социальной идентичности и переживанием тревоги и стресса, спровоцированными исключением из системы социальных отношений (рис. 1).

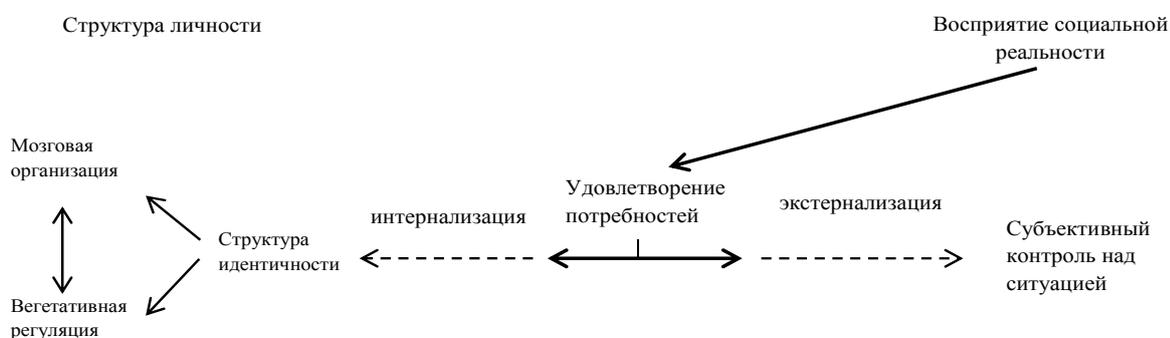

Рис. 1. Комплексная модель психологических и физиологических изменений человека в системе социальных отношений

На рисунке показано влияние социальной системы на конструкты личности. Личностные конструкты, в свою очередь, отражены в особенностях мозговой организации и вегетативной регуляции. В случае невозможности удовлетворить базовые социальные потребности человек исключается из социальной системы, нарушая тем самым механизмы интернализации и экстернализации. Нарушение этих механизмов ведет к невозможности конструирования структуры социальной идентичности и потере контроля над реальностью. Эти психические процессы отражаются в психофизиологической регуляции в виде нарушения связей между областями мозга и функционировании вегетативной системы в состоянии стресса.

Таким образом, влияние миграции на психоэмоциональное и соматическое благополучие можно представить в виде сложной модели взаимосвязи трех систем человека: социальной (восприятие социальной реальности), психологической (структура социальной идентичности) и физиологической (вегетативная регуляция). Данная же теоретическая модель социальной эксклюзии нуждается в эмпирической проверке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Иванова, Н. Л. Социальная идентичность в различных социокультурных условиях / Н. Л. Иванова // Вопросы психологии. – 2004. – Т. 4. – С. 65–75.
2. Суворова, И. Ю. Социальная эксклюзия как социально-психологический феномен / И. Ю. Суворова // Социальная психология и общество. – 2014. – Т. 5, № 4. – С. 29–41.
3. Суворова, И. Ю. Применение теории динамики идентичности для описания психологической составляющей социальной эксклюзии / И. Ю. Суворова // Мир науки, культуры, образования (в печати).
4. Factors governing the effective remediation of negative affect and its cognitive and behavioral consequences / R. C. Barden, J. Garber, B. Leiman, M. E. Ford, J. C. Masters // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1985. – Vol 49. – Iss. 4. – P. 1040–1053.
5. Baumeister, R. F. The Need to Belong: Desire for Interpersonal Attachments as a Fundamental Human Motivation / R. F. Baumeister, M. R. Leary // *Psychological Bulletin*. – 1995. – Vol. 117. – Iss. 3. – P. 497–529.
6. Berry, J. W. Psychology of Acculturation / J. W. Berry // *Cross-cultural Perspectives. Nebraska Symposium on Motivation 1989* / eds. J. J. Berman. – Lincoln : University of Nebraska, 1990. – Vol. 37.

7. Comparative studies of acculturative stress / J. W. Berry, U. Kim, T. Minde, D. Mok // *International Migration Review*. – 1987. – Vol. 21. – P. 491–511.

8. Eisenberger, N. I. “Why it hurts to be left out”: The neurocognitive overlap between physical and social pain / N. I. Eisenberger, M. D. Lieberman // *Trends in Cognitive Sciences*. – 2004. – Vol. 8. – P. 294–300.

9. Eisenberg, N. I. Meta-analytic evidences for the role of cingulate cortex in social pain / N. I. Eisenberg. – Oxford University Press, 2014. – P. 1–2.

10. Eisenberger, N. Social Pain and the Brain: Controversies, Questions, and Where to go from Here / N. Eisenberger // *Annual Review of Psychology*. – 2015. – Vol. 66. – P. 601–629.

11. Killen, M. Social Exclusion in Childhood: A Development Intergroup Perspective / M. Killen, K. L. Mulvey, A. Hitti // *Child Development*. – 2012. – Vol. 84. – P. 772–790.

12. Liebkind, K. Vietnamese Refugees in Finland – Changing Cultural Identity / K. Liebkind // *Changing European Identities: Social Psychological Analyses of Social Change* / ed. by G. Breakwell and E. Lyons. – Oxford, 1996. – P. 3–13.

13. MacDonald, G. Why does social exclusion hurt? The relationship between social and physical pain / G. MacDonald, M. R. Leary // *Psychological bulletin*. – 2005. – Vol. 131. – Iss. 2. – P. 202–223.

14. Marcia, J. E. Ego identity status in college women / J. E. Marcia, M. L. Friedman // *Journal of personality*. – 1970. – T. 38, №. 2. – P. 249–263.

15. Feeling Unreal: A PET Study of Depersonalization Disorders / D. Simeon, O. Guralnik, E. A. Hazlett, J. Spiegel-Cohen, E. Hollander, M. S. Buchsbaum // *American Journal of Psychiatry*. – 2000. – Vol. 157. – P. 1782–1788.

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ И АССОЦИИРОВАННЫХ АФФЕКТИВНЫХ РАССТРОЙСТВ У ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ И МИГРАНТОВ-СОТЕЧЕСТВЕННИКОВ

А. Н. Султанова (г. Новосибирск, Россия)

Мигранты, в отличие от этнического большинства, имеют проблемы не только с физическим здоровьем (производственные травмы, хронические боли, болезни сердца, онкологические новообразо-

вания), но и с психическим состоянием (Hovey J. D., Magaña C. G. 2000, 2002; Lloyd D. A., Taylor J., 2006; Wiesner M., Windle M., Freeman A., 2005; O'Donnell K., Wardle J., Dantzer C., Steptoe A., 2006). Депрессивные и тревожные расстройства широко распространены (Kessler R. C., Angermeyer M., Anthony J. C. et al., 2007; Alonso J., Angermeyer M. C., Bernert S. et al., 2004) и в значительной степени связаны с нарушениями качества жизни (Ustün T. B., Ayuso-Mateos J. L., Chatterji S., Mathers C., Murray C. J., 2004; Saarni S. I., Suvisaari J., Sintonen H., Pirkola S., Koskinen S., Aromaa A., Lönnqvist J., 2007). По оценкам ученых, распространенность депрессии варьируется в разных этнических группах. Например, европейское исследование показало, что распространенность депрессивных симптомов среди взрослых этнических меньшинств была значительно выше, чем среди коренного населения (Missinne S., Bracke P., 2012; Kerkenaar M. M., Maier M., Kutalek R., Lagro-Janssen A. L., Ristl R., Pichlhöfer O. J., 2013). Оценка распространенности и детерминанты депрессивных симптомов среди мигрантов, этнических меньшинств и коренных жителей было изучено в 23 европейских странах. Было доказано, что депрессивные симптомы наиболее часто сопровождают людей, проживающих в иной культурной среде и являющихся представителями этнического меньшинства (Missinne S., Bracke P., 2012).

Более низкие социально-экономические условия и дискриминация в отношении этнических меньшинств были признаны значимыми факторами для этих различий. Исследования показывают, что турецкий народ в Нидерландах, один из крупнейших этнических меньшинств в стране, имеют самую высокую распространенность депрессивных и/или тревожных расстройств (18,7 %) по сравнению с голландцами (6,6 %) и марокканцами (9,8 %) (de Wit M. A., Tuinebreijer W. C., Dekker J., Beekman A. J., Gorissen W.H. et al., 2008). Исследования, проведенные в США, говорят о том, что более 60% мигрантов находятся на очень низком уровне бедности (U. S. Department of Labor, 2013; Larson A., 2008; Migrant and Seasonal Farmworker Demographics Fact Sheet, 2013). Низкий уровень заработной платы трудовых мигрантов связан с тем, что основная часть трудоустройства носит сезонный и спорадический характер, что влечет за собой постоянный поиск средств для проживания, что, в свою очередь, также является одним из стрессовых факторов. Кроме того, было установлено, что молодые женщины из Турции и Юго-азиатского происхождения в Нидерландах имеют

повышенный риск для самоубийства. Социальное притеснение признается как один из факторов риска, способствующих повышенному риску суицидальных попыток (van Bergen D., Smit J. H., van Balkom A. J., Saharso S., 2009).

Огромная роль уделяется постмиграционным, или социальным факторам, как пусковым в этиологии психических расстройств мигрантов (Bourque F, van der Ven E, Malla A. 2011). Среди этих факторов на первое место ученые ставят дискриминацию, которой подвергаются мигранты на новом месте. Достаточно работ, которые говорят о высокой взаимосвязи дискриминации и тревожно-аффективных расстройств (Janssen I., Hanssen M., Bak M et al., 2003; Veling W., Selten J. P., Susser E. et al., 2011; Karlsen S., Nazroo J.Y., McKenzie K. et al., 2005; van Dijk T. K., Agyemang C., de Wit M. et al., 2011; Wamala S., Bostrom G., Nyqvist K., 2007; Gee G. C., Spencer M., Chen J. et al., 2007). Среди постмиграционных факторов, как основных предикатов развития психопатологии у мигрантов значительное место занимает отсутствие социальной поддержки, или изоляция мигрантов на новом месте проживания (Cantor-Graae E. 2007; Kuo B. C., Chong V., Joseph J., 2008). Огромную роль здесь имеет плотность населения этнических меньшинств в районе проживания мигранта (Shaw R. J., Atkin K., Vécares L. et al., 2012). Gilbert P. и Allan S. раскрывая теорию социального положения, доказывают, что успех или неудача в конфликтных ситуациях зависят от социальной иерархии в обществе. В частности, подчиненные и те, кто потерял статус, имеют более высокий риск тревожной и депрессивной патологии, чем победители и индивиды с более высоким статусом (Gilbert P., Allan S., 1998).

Было проведено скрининговое исследование на базе УФМС по Новосибирской области мигрантов-соотечественников в количестве 141 человек (72,3 % – из Казахстана; 9,2 % – из Узбекистана; 5,7 % – из Таджикистана; 4,96 % – из Армении; 3,5 % – из Кыргызстана; 2,8 % – из Молдовы и 1,4% – из Украины) и трудовых мигрантов в количестве 728 человек (50 % – из Таджикистана; 28 % – из Узбекистана; 12 % – из Кыргызстана и 10 % – из Казахстана). Во время анкетирования была проведена категоризация трудовых мигрантов, в зависимости от положения в социальной иерархии, которое зависело как от знания языка, так и знания культуральных особенностей принимающей страны, в частности

особенностей правил выражения эмоций, особенностей невербальной коммуникации, которые формируются в процессе инкультурации. Нами были сформированы две условные группы среди трудовых мигрантов: «доминирующие» в количестве 50 человек и «зависимые» мигранты, не знающие языка, не интегрированные в российскую культуру – 678 человек. Исследование проводилось с марта 2010 г. по декабрь 2013 г.

В нашем исследовании количество пациентов с аффективными расстройствами составили 174 человека. Из них в группе зависимых диагностировано максимальное количество относительно всех пациентов с аффективными расстройствами – 60,9 % (106 человек), в группе доминирующих – 28,7 % (50 человек) и в выборке мигрантов-соотечественников – 10,3 % (18 мигрантов).

Тревожно-депрессивные расстройства в контексте аффективных расстройств составили 94 человека, из них максимальное количество пациентов с данной патологией – это пациенты из группы зависимых мигрантов (70,2 % – 66 человек); 18,09 % (17 случаев) – в группе доминирующих мигрантов и 11,7 % (11 человек) – в выборке мигрантов-соотечественников.

Дистимические расстройства диагностированы у 80 мигрантов. После исключения из исследования мигрантов со сформировавшимся дистимическим расстройством на родине, количество пациентов с дистимическим расстройством, актуальным для нашего исследования, составило 64 человека, из них 84,4 % (54 человека) составили зависимые мигранты, 10,9 % (7 человек) – мигранты-соотечественники и 4,7 % (три человека) – доминирующие мигранты.

Депрессивные расстройства, а также тревожно-депрессивные расстройства предполагали общий механизм формирования этих расстройств в группе доминирующих мигрантов, что связано с высоким уровнем такого индивидуально-психологического механизма, как «ответственность».

С целью выявления особенности социально-психологической адаптации, как одного из ключевых механизмов формирования тревожно-депрессивных расстройств, нами было проведено исследование по методике социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда (рис. 1).

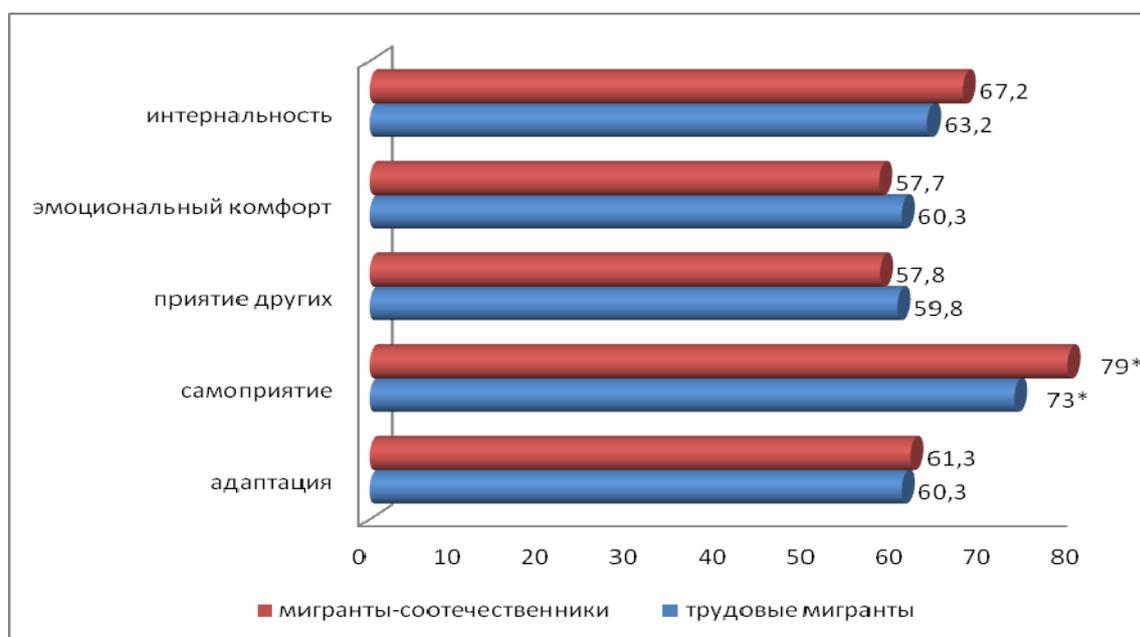

Рис. 1. Средние значения показателей по методике диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса, Р. Даймонда

Примечание: * – значимость различий показателя $p = 0,022$.

Как видно из рис. 1 по шкале «адаптация» средние показатели ниже нормы как в выборке трудовых мигрантов ($60,3 \pm 9,9$), так и в выборке мигрантов-соотечественников ($61,3 \pm 10,5$). По шкале «самопринятие» средние показатели в норме как в выборке трудовых мигрантов ($73 \pm 10,5$), так и в выборке мигрантов-соотечественников ($79 \pm 11,1$). По шкале «принятие других» средние значения ниже нормы как в выборке трудовых мигрантов ($59,8 \pm 13,4$), так и в выборке мигрантов-соотечественников ($57,8 \pm 12,5$). По шкале «эмоциональный комфорт» средние значения ниже нормы как в выборке трудовых мигрантов ($60,3 \pm 13,4$), так и в выборке мигрантов-соотечественников ($57,7 \pm 15$). По шкале «интернальность» средние значения ниже нормы как в выборке трудовых мигрантов ($63,2 \pm 12,6$), так и в выборке мигрантов-соотечественников.

Сравнительный анализ средних значений показал, что при использовании U -критерия Манна-Уитни есть тенденции ($p = 0,022$) к значимости различий показателя самопринятия в исследуемых группах.

О том, что миграция – это процесс, являющийся в большинстве случаев вероятным источником стресса, в настоящее время не вызывает сомнения у специалистов, занимающихся психологиче-

ским здоровьем населения. Опираясь на полученные предварительные результаты исследования, мы можем утверждать, что очень важно учитывать личностные особенности мигранта, мотивы, сопровождающие процесс миграции, взаимосвязь между родной культурой и культурой принимающей стороны (индивидуализм-коллективизм). Трудовые мигранты оказались наиболее уязвимыми в отношении формирования аффективных расстройств, в сравнении с выборкой мигрантов-соотечественников. Зависимые мигранты, будучи группой, наиболее психологически незащищенной, в связи с некомпетентностью в новой культуре, оказались главной мишенью в развитии аффективных расстройств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Alonso, J. Investigators, European Study of the Epidemiology of Mental Disorders (ESEMED) Project Disability and quality of life impact of mental disorders in Europe: results from the European Study of the Epidemiology of Mental Disorders (ESEMED) project / J. Alonso, M. C. Angermeyer, S. Bernert // *Acta Psychiatr. Scand. Suppl.* – 2004. – Vol. 420. – P. 38–46.
2. Bourque, F. A meta-analysis of the risk for psychotic disorders among first- and second-generation immigrants / F. Bourque, E. van der Ven, A. Malla // *Psychol. Med.* – 2011. – Vol. 41. – P. 897–910.
3. Cantor-Graae, E. The contribution of social factors to the development of schizophrenia: a review of recent finding / E. Cantor-Graae // *Can. J. Psychiatry.* – 2007. – Vol. 52. – P. 277–286.
4. Depressive and anxiety disorders in different ethnic groups: a population based study among native Dutch, and Turkish, Moroccan and Surinamese migrants in Amsterdam / M. A. de Wit, W. C. Tuinebreijer, J. Dekker, A. J. Beekman, W. H. Gorissen // *Soc. Psychiatry Psychiatr. Epidemiol.* – 2008. – Vol. 43 (11). – P. 905–912.
5. The association between self-reported racial discrimination and 12-month DSM-IV mental disorders among Asian Americans nationwide / G. C. Gee, M. Spencer, J. Chen [et al.] // *Soc Sci Med.* – 2007. – Vol. 64. – P. 1984–1996.
6. Gilbert, P. The role of defeat and entrapment (arrested flight) in depression: an exploration of an evolutionary view / P. Gilbert, S. Allan // *Psychol Med.* – 1998. – May. – Vol. 28 (3). – P. 585–598.
7. Hovey, J. D. Acculturative stress, anxiety, and depression among Mexican immigrant farmworkers in the midwest United States / J. D. Hovey, C. G. Magaña // *J. Immigr. Health.* – 2000. – Vol. 2. – P. 119–131.
8. Hovey, J. D. Psychosocial predictors of anxiety among immigrant Mexican migrant farmworkers: Implications for prevention and treatment /

J. D. Hovey, C. G. Magaña // *Cultur. Divers. Ethnic Minor. Psychol.* – 2002. – Vol. 8. – P. 274–289.

9. Hovey, J. D. Cognitive, affective, and physiological expressions of anxiety symptomatology among Mexican migrant farmworkers: Predictors and generational differences / J. D. Hovey, C. G. Magaña // *Community Ment. Health J.* – 2002. – Vol. 38. – P. 223–237.

10. Janssen, I. Discrimination and delusional ideation / I. Janssen, M. Hanssen, M. Bak // *Br. J. Psychiatry.* – 2003. – Vol. 182. – P. 71–76.

11. Karlsen, S. Racism, psychosis and common mental disorder among ethnic minority groups in England / S. Karlsen, J. Y. Nazroo, K. McKenzie // *Psychol. Med.* – 2005. – Vol. 35. – P. 1795–1803.

12. Kerkenaar, M. M. Depression and anxiety among migrants in Austria: a population based study of prevalence and utilization of health care services / M. M. Kerkenaar, M. Maier, R. Kutalek, A. L. Lagro-Janssen, R. Ristl, O. J. Pichlhöfer // *Affect Disord.* – 2013. – Vol. 151 (1). – P. 220–228.

13. Kessler, R. C. Lifetime prevalence and age-of-onset distributions of mental disorders in the World Health Organization's World Mental Health Survey Initiative / R. C. Kessler, M. Angermeyer, J. C. Anthony // *World Psychiatry.* – 2007. – Vol. 6 (3). – P. 168–176.

14. Kuo, B. C. Depression and its psychosocial correlates among older Asian immigrants in North America: a critical review of two decades' research / B. C. Kuo, V. Chong, J. Joseph // *J. Aging. Health.* – 2008. – Vol. 20. – P. 615–652.

15. Larson, A. Migrant and Seasonal Farmworker Enumeration Profiles Study–North Carolina; Report Prepared for the Migrant Health Program / A. Larson ; Bureau of Primary Health Care, Health Resources and Services Administration . – Washington, DC, USA, 2008.

16. Lloyd, D. A. Lifetime cumulative adversity, mental health, and the risk of becoming a smoker / D. A. Lloyd, J. Taylor // *Health.* – 2006. – Vol. 10. – P. 95–112.

17. Missinne, S. Depressive symptoms among immigrants and ethnic minorities: a population based study in 23 European countries / S. Missinne, P. Bracke // *Soc Psychiatry Psychiatr Epidemiol.* – 2012. – Jan. – Vol. 47 (1). – P. 97–109.

18. O'Donnell, K. Alcohol consumption and symptoms of depression in young adults from 20 countries / K. O'Donnell, J. Wardle, C. Dantzer, A. Steptoe J. // *Stud. Alcohol.* – 2006. – Vol. 67. – P. 837–840.

19. Impact of psychiatric disorders on health-related quality of life: general population survey / S. I. Saarni, J. Suvisaari, H. Sintonen, S. Pirkola, S. Koskinen, A. Aromaa, J. Lönnqvist. // *Br J Psychiatry.* – 2007. – Apr. – Vol. 190. – P. 326–32.

20. Impact of ethnic density on adult mental disorders: narrative review / R. J. Shaw, K. Atkin, L. Bécares [et al.] // *Br J Psychiatry*. – 2012. – Vol. 201. – P. 11–19.
21. Global burden of depressive disorders in the year 2000 / T. B. Ustün, J. L. Ayuso-Mateos, S. Chatterji, C. Mathers, C. J. Murray // *Br J Psychiatry*. – 2004. – May. – Vol. 184. – P. 386–392.
22. Age at migration and future risk of psychotic disorders among immigrants in the Netherlands: a 7-year incidence study / W. Veling, H. W. Hoek, J. P. Selten, E. Susser // *Am. J. Psychiatry*. – 2011. – Vol. 168 (12). – P. 1278–1285.
23. The relationship between perceived discrimination and depressive symptoms among young Turkish-Dutch and Moroccan-Dutch / T. K. van Dijk, C. Agyemang, M. de Wit [et al.] // *Eur J Public Health*. – 2011. – Vol. 21. – P. 477–83.
24. Suicidal behaviour of young immigrant women in the Netherlands. Can we use Durkheim's concept of 'fatalistic suicide' to explain their high incidence of attempted suicide? / van D. Bergen, J. H. Smit, A. J. van Balkom, S. Saharso // *Ethnic and Racial Studies*. – 2009. – Vol. 32. – P. 302–322.
25. Wamala, S. Perceived discrimination and psychological distress in Sweden / S. Wamala, G. Bostrom, K. Nyqvist // *Br J Psychiatry*. – 2007. – Vol. 190. – P. 75–76.
26. Wiesner, M. Work stress, substance abuse, and depression among young adult workers: An examination of main moderator effect models / M. Wiesner, M. Windle, A. Freeman // *J. Occup. Health Psychol.* – 2005. – Vol. 10. – P. 83–96.

ДИАДА «ПРЕПОДАВАТЕЛЬ – ИНОСТРАННЫЙ СТУДЕНТ» В ЗЕРКАЛЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Е. В. Рягузова (г. Саратов, Россия)

Происходящие в современном мире трансформационные процессы, обусловленные информатизацией, глобализацией, виртуализацией, затрагивают все сферы функционирования общества, включая высшее образование. Современный университет является открытым социальным институтом, для которого характерна подвижная внутренняя динамика, способствующая тому, что вуз адекватно и эффективно реагирует на различного рода изменения, запросы и вызовы. Академическая мобильность студентов и пре-

подавателей, выступая как образовательный ресурс, обеспечивает интеграцию и консолидацию университетов в единое международное образовательное пространство, стимулирует развитие вуза, совершенствует его образовательные практики, формирует положительный имидж и деловую репутацию, повышает престиж, привлекательность и конкурентоспособность университета.

Кроме этого академическая мобильность связана с личностным ростом, развитием и самореализацией каждого ее субъекта, возможностью самостоятельно формировать образовательную и профессиональную траекторию, развивать социокультурную компетентность, приобретать языковые навыки, уникальный культурный и личностно-значимый опыт. Однако не стоит забывать, что академическая мобильность сопряжена с готовностью личности идти на определенные риски, обусловленные географическими и климатическими, экономическими и политическими, этнокультурными, социально-психологическими и психологическими факторами и различиями.

НИУ «Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского» активно реализует программы академической мобильности студентов и преподавателей, расширяя научные и учебные коммуникации, реализуя подписанные соглашения о сотрудничестве с университетами США, Италии, Германии, Великобритании, Франции, Турции, Казахстана, Болгарии, Ирака и др. В СГУ с каждым годом увеличивается контингент иностранных студентов. По данным, представленным Управлением международного сотрудничества и интернализации (сайт СГУ www.sgu.ru), в 2014 г. по программам магистратуры, аспирантуры и бакалавриата в университете обучалось свыше 470 иностранных студентов из 34 стран мира (Казахстан, Турция, Ирак, Азербайджан, Туркменистан, Колумбия, Гана, Нигерия и др.).

Следовательно, актуализация проблем, связанных с включением иностранных студентов в состав учебных групп и образовательный процесс, социально-психологической и психологической адаптацией всех субъектов образовательной среды, спецификой межличностных отношений иностранных студентов с принимающим большинством и преподавателями, является важной, востребованной и имеющей существенное практическое значение.

Реализуя масштабный проект, включающий диагностический, прогностический, практический этапы и ориентированный на психологическое сопровождение как иностранных студентов,

обучающихся в СГУ, так и преподавателей, тесно взаимодействующих с ними, мы остановимся в рамках данной работы на анализе коммуникативных рисков и ресурсов интеракции, возникающих в образовательном пространстве внутри диады «преподаватель – иностранный студент».

Для изучения коммуникативных рисков и ресурсов взаимодействия использовались: а) специально составленная анкета (для иностранных студентов), включающая в себя как вопросы социально-демографического характера, так и вопросы, имеющие отношение к социокультурной адаптации иностранных студентов; стратегиям аккультурации; социальной и этнической идентичности; б) структурированное интервью (для преподавателей), направленное на определение качественных изменений, возникающих вследствие интеракции с иностранными студентами, интегрированными в гомогенную или гетерогенную (по этническому признаку) учебную группу.

В исследовании принимали участие иностранные студенты, обучающиеся в СГУ в рамках магистерских и бакалаврских программ, и преподаватели университета, взаимодействующие с иностранными студентами в образовательном пространстве.

Для начала проанализируем данные, полученные в результате анкетирования студентов, приехавших из Ирака и включенных в смешанную по этническому составу группу магистрантов-экономистов. Прежде всего, обращает на себя внимание доминирование у них мотивационно-смыслового компонента получения высшего образования, их заинтересованность в обучении и направленность на сотрудничество. По мнению И. А. Горьковской и А. А. Бакановой, с которым мы полностью солидаризируемся, рефлексия смысла получения образования способствует тому, что студент не просто овладевает знаниями и повышает свой социальный статус, но и формирует профессиональную компетентность и готовность успешно реализовывать приобретенные компетенции, а также амплифицирует развитие собственной личности, реализуя жизненный замысел (Горьковская, Баканова, 2015). На наш взгляд, в исследуемой выборке это связано со следующими факторами: 1) возраст – все магистранты старше 30 лет; 2) осознанность выбора профессии, обусловленная практическим успешным опытом и определенными достижениями после окончания бакалавриата («опыт работы бухгалтером, финансовым аудитором, менеджером аудита»); 3) личностная и социальная ответственность перед страной и семьей (большинство женаты и имеют детей).

Исходя из критериев психологической и социально-психологической адаптации, предложенных Н. М. Лебедевой (Лебедева, 2009), можно констатировать, что иракские студенты за год пребывания в России хорошо адаптировались к инокультурной среде. У всех диагностируется четкая личностная и культурная идентичность («хороший человек», «иракец», «араб», «Ирак – моя родина», «Ирак – вся моя жизнь»), причем некоторые из магистрантов включают в идентичность такую идентификацию как «студент СГУ»; хорошее психологическое здоровье («счастливый студент»); достижение психологической удовлетворенности в новых условиях («Россия – помощник», «мой второй дом», «самые красивые дни моей жизни»); позитивные установки в отношении базовых правил и норм страны пребывания («Россия – великая страна, великий народ»), достаточно интенсивное взаимодействие с представителями русской культуры и уважение к ним («люблю Россию и русских людей»); владение русским языком. Необходимо отметить, что уровень языковой подготовки сами студенты оценивают как недостаточный, выделяя языковые трудности в качестве самых значительных, которые они испытывают, находясь в России. Кроме языкового барьера студенты отмечают также климатические и бытовые условия, культурные различия, что полностью согласуется с данными аналогичных исследований, проведенных отечественными учеными (Иванова, 2001; Дрожжина, 2013; Титова, 2015).

Трудности в обучении практически все опрашиваемые иракские студенты связывают с тремя моментами. Во-первых, большое количество учебной информации, передаваемой на русском языке, невозможность ее адекватного и быстрого понимания, сложность выражения собственных мыслей. Указанная трудность обусловлена не только языковым, но и семантическим барьером, возникающим благодаря особенностям русского языка (полисемия, синонимия, коннотация), использованию специальных профессиональных терминов и различиям вербального поведения представителей разных культур. В целом это может приводить к своеобразному семантическому насыщению, при котором речь начинает восприниматься как бессмысленные звуки. Во-вторых, трудности, связанные с взаимоотношениями с преподавателями, частично обусловленные теми же языковыми барьерами, мешающими успешной и эффективной коммуникации, а частично детерминированные личностными особенностями преподавателей, их ценностями и уста-

новками, особенностями когнитивного стиля и системой субъективных отношений. В-третьих, это трудности, возникающие в сфере межличностных отношений и взаимодействий со студентами, обусловленные различными этноцентристскими установками и стереотипами, различного рода атрибуциями.

Что касается стратегий аккультурации (Берри, 2001), то для всех студентов, участвовавших в опросе, основной стратегией является интеграция, подразумевающая как сохранение культурной идентичности личности, так и желание включиться в новую социокультурную среду. Полученный факт был вполне ожидаем, поскольку целью приезда иракских студентов являлось получение высшего образования, после достижения которой они намерены вернуться в Ирак. Вместе с тем, учитывая, что университет как любой социальный образовательный институт выступает в качестве транслятора культуры принимающего общества (Хухлаев, Кузнецов, Чибисова, 2013), можно констатировать обязательные изменения в структуре ценностей иракских студентов, поскольку благодаря прямой и не прямой культурной трансмиссии они приобретают иной контекст опыта и, вернувшись домой, могут формировать некоторую инаковость по отношению к своей группе (Шутц, 2001).

Проанализируем результаты интервьюирования преподавателей, имеющих успешный педагогический опыт, но разные ситуации взаимодействия с иностранными студентами, дифференцируемые по характеру учебных групп: 1) обычная группа, в которую включены несколько иностранных студентов; 2) гетерогенная группа со смешанным этнокультурным составом; 3) гомогенная группа, состоящая только из иностранных студентов. Обобщенные результаты представлены в табл. 1.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что преподаватель, взаимодействующий с группой, в которую интегрировано небольшое количество иностранных студентов, не испытывает никаких специфических коммуникативных трудностей в процессе взаимодействия со студенческой группой, подчас не обращая внимание на иностранного студента, особенно, если он ведет себя не активно, безучастно и индифферентно. Это достаточно опасная ситуация для иностранного студента, поскольку у него может сформироваться отчуждение от учебной деятельности и утрата продуктивной мотивации, обусловленные низким уровнем поддержки со стороны преподавателя (Осин, 2015).

Результаты интервьюирования преподавателей

Взаимодействие преподавателя с	Характеристики и особенности взаимодействия					
	Речевое общение	Невербальное поведение	Фокус на инос.	Специальные дидактические приемы	Спец. стратегии интеракции	Интерес к иной культуре
обычной группой (1–2 иностранца)	не меняется	не меняется	нет	нет	нет	нет
гетероген. группой	простая речь, полиязык	медл. темп, исп. жестов и мимики	да	активная обратная связь	задания для микрогрупп; переписка	да
гомогенной группой (все студенты – иностранцы)	Упрощение речи, лексическая скованность	исп. жестов и мимики, четкая арт., контроль позы и дист.	да	прим. ориен. на культуру. аудирование, повторение	сравнение культур на основе уважения	да

Как видно из полученных данных, преподаватель, работающий с гетерогенной группой, вынужден адаптироваться к специфическому контингенту, используя разные приемы речевой коммуникации (простые по форме короткие предложения, упрощенная речь, использование в качестве ресурса слов на других языках), изменяя параметры невербального поведения (медленный темп речи, использование мимики и жестов для усиления смысла с сказанного). Отмечается активное применение техник обратной связи (контроль понимания по примерам, которые приводят студенты) и специальных интерактивных стратегий (задания для смешанных микрогрупп). Ориентация преподавателя на иностранных студентов, с одной стороны, способствует их эффективному включению и лучшей интеграции в учебную группу, повышению коммуникативной компетентности, сплоченности группы, но, с другой стороны, может привести к потере учебной мотивации некоторой части русских студентов и нарушению межличностного общения.

Взаимодействуя в рамках образовательного пространства с гомогенной по этническому составу группой, преподаватель вносит существенные изменения в свою профессиональную деятельность, включая содержательную наполненность учебного курса.

Он вынужден подбирать примеры с ориентацией на определенную культурную традицию, проецируя изучаемый материал на бытовой уровень, контролировать вербальную коммуникацию (лексическая скованность, доступные и простые фразы), проксемику (жесткий контроль дистанции), невербальное поведение (использование мимики и жестов, четкое артикулирование, медленный темп). При этом изменения касаются также дидактических приемов и стратегий взаимодействия.

Таким образом, проведенное исследование показывает необходимость и важность комплексного изучения диады «преподаватель – иностранный студент», рассмотрения и рефлексии не только проблем иностранных студентов, но и тех трудностей и коммуникативных рисков, которые возникают у преподавателей, взаимодействующих с ними.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Берри, Дж. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы / Дж. Берри // Развитие личности. – 2001. – № 3, 4. – URL: http://rl-online.ru/articles/3_4-01/198.html
2. Горьковая, И. А. Роль мотивационно-смыслового компонента получения образования в формировании компетентности магистров-психологов / И. А. Горьковая, А. А. Баканова // Психологическая наука и образование. – 2015. – Т. 20, № 1. – С. 5–14.
3. Дрожжина, Д. С. Изучение адаптации иностранных студентов: дискуссия о методологии / Д. С. Дрожжина // Эмпирические исследования. Universitas. – 2013. – Т. 1, № 3. – С. 33–47.
4. Иванова, М. А. Социально-психологическая адаптация иностранных студентов к высшей школе : дис. ... д-ра психол. наук / Иванова М. А. – СПб., 2001.
5. Лебедева, Н. М. Теоретические подходы к исследованию взаимных установок и стратегий межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России / Н. М. Лебедева // Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России : сб. науч. ст. – М., 2009. – С. 10–63.
6. Осин, Е. Н. Отчуждение от учебы как предиктор выгорания у студентов вузов: роль характеристик образовательной среды / Е. Н. Осин // Психологическая наука и образование. – 2015. – Т. 20, № 4. – С. 57–74.
7. Титова, О. И. Психологическое сопровождение иностранных студентов и его роль в обеспечении качества образования в поликультурной среде / О. И. Титова // Сибирский вестник специального образования. – 2015. – № 1 (14). – С. 98–102.

8. Шутц, А. Возвращающийся домой / А. Шутц // Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М., 2004. – С. 550–557.

9. Хухлаев, О. Е. Интеграция мигрантов в образовательной среде: социально-психологические аспекты / О. Е. Хухлаев, И. М. Кузнецов, М. Ю. Чибисова // Психологическая наука и образование. – 2013. – № 3. – С. 5–18.

БИЛИНГВИЗМ: ПУТЬ К МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е. Г. Толбатовская (г. Геленджик, Россия),

И. А. Колесникова (г. Ставрополь, Россия)

На сегодняшний день особую значимость в сфере российского образования приобретает международная деятельность. Еще после подписания Россией положений Болонской декларации, специалисты российской системы образования все чаще говорят о необходимости качественной интеграции России в европейскую систему высшего образования. Налаживая международную деятельность между Вузами России и зарубежья, обязательным требованием кадровой инфраструктуры становится массовое владение иностранным языком, это и обуславливает потребность в квалифицированных специалистах, готовых обучаться за границей и владеть несколькими языками на высоком уровне. Таким образом, мы видим, что возникают новые требования к будущим выпускникам в процессе обучения, а именно готовность к межкультурной коммуникации, которая в свою очередь, несет в себе не только общий коммуникационный аспект, но и важный аспект билингвальной коммуникации.

Результатом любого процесса общения является достижение взаимопонимания между партнерами в соответствии с определенными правилами и нормами. Интерес ученых к феномену общения настолько велик, что рассмотрение проблем общения осложняется различием трактовок самого понятия «общение», а также нахождением его места в иерархии других социально-психологических феноменов, таких как взаимодействие, восприятие, взаимоотношения и др. (Полякова, 2012, с. 238). В последнее десятилетие под понятием «общение» стали широко использовать термин «коммуникация», который прочно вошел в понятийный аппарат социаль-

но-гуманитарного знания. Данные понятия частично совпадают, они хоть и соотнесены с процессами обмена и передачи информации, но различны по форме и содержанию (Садохин, 2005, с. 21–47). Давайте все же дадим более точное определение данному понятию. Коммуникация – это взаимный обмен информацией, который предполагает ориентацию обоих участников на ответную открытость партнера; данный обмен может происходить не только в словесной форме (вербальной), но и в невербальной

Но говоря о межкультурной коммуникации, мы представляем особую форму коммуникационного процесса, в котором задействованы два или более двух представителей различных культур, способные обмениваться не только определенной информацией, но и культурными ценностями (Колесникова, 2013, с. 57–62).

Согласно свободной энциклопедии Википедия, межкультурная коммуникация – это связь и общение между представителями различных культур, что предполагает как непосредственные контакты между людьми и их общностями, так и опосредованные формы коммуникации (в том числе язык, речь, письменность, электронную коммуникацию). Межкультурная коммуникация изучается на междисциплинарном уровне как соотношение таких наук, как культурология, психология, лингвистика, этнология, антропология, экология средств коммуникации.

Межкультурная коммуникация является специфической формой деятельности, она не ограничивается только знаниями иностранных языков, а требует знания духовной культуры других народов, ценностей, религии, мировоззренческих представлений, установок. Именно сочетание вышеописанных знаний с языком может обеспечить плодотворное общение.

Рассматривая межкультурную коммуникацию, необходимо и проанализировать понятие «билингвизм», ведь, по мнению многих ученых, синонимом данного определения является «двуязычие» или свободное владение двумя языками, что в свою очередь, тоже является основой успешной межкультурной коммуникацией.

Проблема билингвизма широко рассмотрена в работах российских и зарубежных ученых, но единой трактовки данного понятия нет. Итак, билингвизм является очень сложным и многогранным объектом научного исследования. Так, например, Ю. Д. Дешериев определяет билингвизм как «свободное владение двумя языками» (Дешериев, 1976, с. 382). Так, В. А. Аврорин пишет: «Двуязычием следует признать одинаково свободное владение двумя языками. Иначе говоря, двуязычие начинается тогда, когда

степень знания второго языка приближается вплотную к степени знания первого». При этом Аврорин и Дешериев отмечают, что ранее такие же взгляды были высказаны Т. А. Бертагаевым, К. М. Мусаевым и С. Н. Оненко. (Аврорин, 1972, с. 49–62).

Известный ученый У. Вайнрайх в своей работе «Языковые контакты» отмечает: «Практику переменного пользования двумя языками мы будем называть двуязычием, а лиц, ее осуществляющих, – двуязычными». Автор не говорит о уровне владения языками, а просто подразумевает, что практика пользования языками по очереди уже предполагает саму возможность их использования для коммуникации (Вайнрайх, 1979, с. 263).

Сравнивая эти две позиции, можно отметить, что возможность одинаково совершенного владения двумя языками встречается в жизни сравнительно редко. Отсюда ясно, что если двуязычие определить как совершенное владение двумя языками, то проблема двуязычия окажется сложна в решении. Поэтому еще в 60-е годы исследовательская мысль пришла к выводу, что любую степень владения двумя языками надо признать билингвизмом.

Так, например, для Дж. Фишмана двуязычие начинается с любого умения вступать в общение посредством более чем одного языка, для Э. Хаугана – даже с самого простого понимания второго языка. По определению Л. А. Леонтьева, быть билингом – это значит «уметь осуществлять речевую деятельность (точнее отдельные виды речевой деятельности или их комплекс), пользуясь в зависимости от ближайшей социальной среды, цели общения, информированности о собеседнике и тому подобными языковыми средствами не одного, а двух языков, имея более или менее свободный выбор языка для общения». На основании анализа вышеперечисленных мнений ученых, вслед за У. Вайнрахом, Дж. Фишманом, мы определяем билингвизм как владение двумя языками в разной степени, умение ими в разном объеме пользоваться в профессиональных сферах общения. Степень и объем знаний и умений характеризуется уровнем готовности к билингвальной коммуникации (Хабибулина, 2011, с. 165–168).

Профессор Е. М. Верещагин, исследуя феномен билингвизма, смог выделить три его уровня, а именно:

- рецептивный – понимание речевых произведений;
- репродуктивный – умение воспроизводить услышанное;
- продуктивный – умение не только понимать и воспроизводить, но и строить цельные осмысленные высказывания (Верещагин, 1990, с. 248).

В 1922 г. в «Логико-философском трактате» философ Людвиг Витгенштейн писал: «Границы моего языка означают границы моего мира». Слова, которые мы имеем в своем распоряжении, влияют на то, что мы видим – и чем больше у нас слов, тем лучше наше понимание. Когда мы учимся говорить на другом языке, мы учимся постигать мир в большем объеме.

Анализируя это высказывание, мы не можем с ним не согласиться, ведь знание нескольких языков, дает нам возможность не только общаться, а совершенствовать свою способность эффективно управлять когнитивными процессами, такими, как решение задач, память и мышление. Билингвизм действительно дает мозгу некоторые преимущества. Ученые – исследователи давно провели ряд экспериментов и определили, что люди – билингвы действительно обладают более гибким и живым умом.

Приобретая второй язык, мозг выращивает совершенно новую, дополнительную систему нейронов, которая и саму информацию обрабатывает по-другому. Каждый новый опыт отражается в мозге и знаменуется появлением новых нервных связей, что называется нейропластичность. При изучении второго языка, гиппокамп, ответственный за память, стимулирует рост новых нейронов. Объем некоторых участков мозга в прямом смысле растет (о пользе билингвизма).

Исследуя данное понятие, мы приходим к выводу о том, что действительно, билингвизм является прямым путем к успешной и эффективной межкультурной коммуникации. Ведь совершенное знание нескольких языков и культур является полезно для развития интеллекта и отдельных способностей, эти знания позволяют быть более гибкими, креативными, свободными, лучше адаптироваться в меняющихся условиях, что необходимо для комфортного присутствия «себя» в межкультурном пространстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аврорин, В. А. Двужычье и школа / В. А. Аврорин // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М., 1972. – С. 49–62.
2. Вайнрайх, У. Языковые контакты / У. Вайнрайх. – Киев, 1979. – 263 с.
3. Верещагин, Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 1990. – 248 с.

4. Дешериев, Ю. Д. Введение / Ю. Д. Дешериев // Развитие национально-русского двуязычия. – М., 1976.

5. Дьяченко, Т. О пользе билингвизма / Т. Дьяченко // Психологос. Энциклопедия практической психологии. – URL: http://www.psychologos.ru/articles/view/o_polze_bilingvizma (дата обращения: 11.01.2016).

6. Колесникова, И. А. Потенциал развития туризма в решении проблем межкультурной коммуникации / И. А. Колесникова, С. А. Тапешкина // Проблемы и перспективы развития туризма, сервиса и социокультурной деятельности в России и за рубежом : сб. материалов I Всерос. науч.-практ. интернет-конф. (с международным участием) (13–19 мая 2013 г.). – Чита : ЗабГУ, 2013. – С. 57–62.

7. Полякова, Е. Г. Межличностное взаимодействие в структуре общения / Е. Г. Полякова // Мир образования – образование в мире : науч.-метод. журн. – 2012. – № 1 (45). – С. 238–242.

8. Садохин, А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации / А. П. Садохин. – М. : Высш. шк., 2005. – С. 21–47.

9. Хабибулина, З. З. Анализ понятия «билингвальная коммуникация» в психолого-педагогической литературе и ее роль в европейской системе высшего образования / З. З. Хабибулина // Молодой ученый. – 2011. – № 6, т. 2. – С. 165–168.

РЕФЛЕКСИЯ КАК ОСНОВА ОРИЕНТИРОВАНИЯ И ГРАЖДАНСКОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

А. И. Троянская (г. Ижевск, Россия)

Современный мир предоставляет широкое разнообразие вариантов выбора жизненного пути, способов реализации сил и направлений развития личности. В цивилизованном обществе приоритетное право этого выбора и его свобода признается за индивидуальностью. Предписанные жизненные сценарии, определяемые принадлежностью к определенной этнической культуре, социальному слою, демонстрируемые примером авторитетов, утрачивают значение обязательных правил. В таких условиях востребованной становится компетентность ориентирования в пространстве разнородных ценностей, осознанного поиска жизненных ориентиров, рефлексивной регуляции, как высшего уровня саморегуляции деятельности (Карпов, 2005).

Значение воспитания патриотизма и создания условий для гражданского самоопределения молодежи невозможно недооценить. Чувство принадлежности к своей Родине, культурной укорененности, берущее начало в любви к своей семье, обеспечивает изначальное базовое ощущение психологической защищенности, уверенности, которое служит основой развития личности. Определенную сложность и специфичность эта задача приобретает у современной молодежи в условиях потенциальной доступности огромного количества вариантов самоопределения. Возрастной этап юности можно рассмотреть как сенситивный период для развития морального качества патриотизма. Задача самоопределения, в том числе и гражданского, является главной возрастной задачей данного этапа.

Для изучения особенностей рефлексии молодых людей, а также их стиля поиска и усвоения информации применялся следующий инструментарий: рефлексивный тест-самоотчет «Кто Я» (Мухина, 2010); анализ жизненных целей Л. Д. Столяренко (Столяренко, 2000); методика предельных смыслов Д. А. Леонтьев (Леонтьев, 1999); опросник индивидуального стиля медиапотребления (Малюченко, Коповой и др., 2009).

В исследовании принимали участие 80 студентов вузов (МПГУ, ИжГТУ им. М. Т. Калашникова) различных профилей подготовки (психология развития, социальная работа с молодежью, менеджмент, управление персоналом), из них 21 человек – мужчины, 59 – женщины.

Были выделены следующие общие характеристики рефлексии молодых людей:

1 – Поверхностный слой рефлексии составляют позитивно эмоционально окрашенные высказывания, комплименты себе, высказывания гедонистической направленности («Я как цветок», «Мне нравятся автомобили, современные гаджеты»).

2 – Рефлексии обнаруживают направленность на поиск себя, стремление к открытию своей личности: «Я не знаю, кто я», «Я человек, который ищет свое место в жизни». Также эта направленность обнаруживает себя в высокой степени принятия задания на составление самоотчетов и серьезном отношении к его выполнению.

3 – Ярко выражена амбивалентность рефлексий. Юность ищет решения собственных мучительных противоречий. Противоречия могут быть как осознанными, так и не осознанными.

Не осознанные противоречия проявляют себя прежде всего в невербальном материале – рисунке, нейро-психологических показателях (нажиме, штриховках). Часто встречаются закрашивания,

обведения букв (особенно буквы Я), неравномерный нажим, зачеркивания. Распространено противоречие рисунка и текстового описания, или столкновение противоположностей в рисунке – солнце и туча, солнце и луна, разделение лица на половины, выражающие диаметрально противоположные эмоции.

Встречаются прямые указания на противоречия – «Я противоречивая натура», «Я не знаю, чего я хочу в жизни».

Анализируя содержание материала, можно выделить несколько общих типов противоречий:

3.1 – противоречие эмоций и разума. Юноша одновременно «горячее» и «холоднее», чем человек в других возрастных периодах [3]. («Я человек, которому сложно ответить «нет», и это мне не нравится», «Я часто хочу быть одна, но совершенно не могу находиться в одиночестве»).

3.2 – противоречие добра и зла. Именно в юности молодой человек сознательно отрабатывает свое место среди категорий добра и зла. «Честь», «достоинство», «право», «долг» остро волнуют человека в юности. («Я бываю безудержная и порывистая и могу обидеть даже близких людей», «Иногда я ставлю себя выше окружающих людей», «Я часто осуждаю других, хоть это мне и не нравится»).

3.3 – противоречие нереализованных возможностей. («Я нереализованная актриса», «Я человек, который хочет добиться чего-то, но совершенно ничего не хочет для этого делать»).

3.4 – противоречие социальных рамок и барьеров и стремления к состоянию так называемой «полной свободы» («Закрывая глаза, я представляю себя той, которой все можно и все сходит с рук», «Смысл жизни – это рамки, в которые необходимо вписаться. Я не понимаю, в чем смысл свободы», «Я всегда чувствую в себе силы, чтобы быть свободным, но боюсь свободы до ужаса»).

Эмоциональные переживания, сопровождающие поиск разрешения внутренних противоречий, его успехи и разочарования, оказывают влияние на психологическое благополучие личности.

4 – Рефлексии молодых людей подчеркивают значение половой идентификации, отношений мужчины и женщины («Я молодая и привлекательная девушка», «Я парень своей девушки»).

5 – Высокое значение придается выбору профессии («Я психолог», «Я экономист», «Я будущий руководитель», «Ответственный работник»).

6 – Отмечается роль дружеских связей («Я готова на все ради своих друзей», «На меня сильно повлияли отношения с моей подругой»).

7 – Содержатся указания на этническую принадлежность, корни («Я сербка, носитель культуры», «Я очень люблю свою малую Родину»).

8 – Подчеркивается достигнутая самостоятельность или притязания на нее («Я самостоятельный», «Я сам оплачиваю свою учебу», «Я хочу решать проблемы так, как сам считаю нужным, а не как говорят другие»).

9 – Психологическое время характеризуется преимущественной направленностью в будущее. По содержанию можно выделить несколько типов направленности:

9.1 – направленность к значимым свершениям в плане социальных и семейных отношений: «Я будущая мать и жена».

9.2 – карьерные ожидания: «Я будущий директор компании».

9.3 – предвосхищение приобретения чего-либо важного из предметного мира: «Я очень хочу накопить на автомобиль», «Я стремлюсь приобрести собственную квартиру и обставить ее».

9.4 – устремленность к самоисследованию: «Я бы хотел найти себя», «Надеюсь, что смогу понять себя».

Выделенные общие черты самоотчетов созвучны ключевым задачам возрастного периода молодости (Мухина, 2009).

Наряду с общими характеристиками рефлексии, отражающими возрастные задачи молодых людей, прослеживаются и особенности, специфические для разных профилей профессиональной подготовки (Троянская, 2015). Имеет место интеллектуальная установка обращать внимание на определенные аспекты жизни, склонность считать их более значимыми. Но в то же время прослеживается интерес к тем сферам жизни, на которые уделяется меньше организованного внимания в рамках учебного процесса. Они вызывают некоторые затруднения, иногда страхи, сопровождаются соответствующими эмоциями.

В современных условиях переизбытка постоянно обновляющейся информации эта особенность человеческого познания акцентировать одни аспекты воспринимаемого материала и абстрагироваться от других проявляется особенно заостренно. Рефлексивная способность быстро оценить информацию и сориентировать свое дальнейшее более детальное восприятие становится компетенцией, обеспечивающей психологическую адаптацию личности.

Психологи, социологи, менеджеры все чаще говорят о, так называемой, «многозадачности» (multitasking) функционирования психики (Друкер, Мейер, Смит, 2012), связанной с неизбежной

необходимостью прерывать работу над заданием с целью приступить к выполнению нового. В условиях избыточности потоков информации на первый план выходят способности ориентирования в них, оценки, фильтрации и расстановки приоритетов – интегративные процессы. Ориентирование реализуется в поисковой и надситуативной активности, становится возможным благодаря активному отражению лишь ключевых объектов, создавая индивидуальный образ среды, опережающему вычленению их смыслов с опорой лишь на ключевые признаки без досконального восприятия. Метафорично представить такое когнитивное ориентирование можно как непрерывное сканирование стимулов в «фоновом», поверхностном режиме и постоянный выбор из этого избыточного множества объектов для более глубокого осмысления.

Ориентирование базируется на родовой и более общей по характеру способности человека к рефлексии, обеспечивающей принципиальную возможность обратимости психики и сознания на самих себя, возможность подвергать свою внутреннюю и внешнюю деятельность сознательному анализу. Рефлексия, как процесс извлечения смысла, представляет собой интегрированный симптомокомплекс как когнитивных, так и личностных характеристик, сопряженных с ценностями. В современной социальной реальности отсутствуют заданные, безоговорочные ориентиры, ослаблено влияние традиционных ценностей социальных групп. В то же время современному человеку необходимы значимые ориентиры как мощное интегративное средство. Первостепенное значение в их утверждении приобретает индивидуальный выбор личности.

При исследовании стиля потребления информации молодыми людьми был обнаружен преимущественно средний уровень рефлексивности, а также такие характеристики стиля потребления информации как сниженная эмоциональная вовлеченность, волевой контроль на уровне выше среднего, средний уровень рефлексивной критичности, высокая эффективность поиска информации. Можно предположить, что эффективность поиска информации не обязательно сопровождается высоким уровнем рефлексивности. В современных условиях избытка информации и недостатка времени востребовано умение выделять в контексте главное, не застревая на отдельных блоках информации. Рефлексия далеко не всегда осуществляется в развернутой форме. Будучи энергозатратным способом саморегуляции высшего уровня, она задействуется в сложных критических ситуациях. В рядовой ситуации рефлексия функционирует как бы в «фоновом» свернутом режиме ориенти-

рования, эффективность поиска информации достигается более простыми способами, как удержание цели непродолжительное время за счет волевого контроля, баланса интеграции-дифференциации, синтеза-анализа, быстрое переключение внимания, поддерживаемое не высокой эмоциональной вовлеченностью.

В ходе реализации воспитательной функции образования и формирования гражданской позиции молодежи в частности необходимо создать соответствующие условия для самоисследования, вовремя предлагать достойные объекты и ситуации для рефлексии, помогающие молодому человеку выработать собственную гражданскую позицию. А именно возможности самопознания в открытом межличностном общении, возможно в форме тренинга, обсуждения и анализа возникающих трудностей, проработки смысловых барьеров в самовыражении, самодиагностики психологических качеств. Уместны будут формы организованной рефлексии собственных убеждений, кейс-метод анализа жизненных ситуаций, литературных произведений, тренинговое проигрывание ситуаций межличностных отношений, работа с коммуникативными барьерами, приемы инвентаризации личного времени и техники структурированного целеполагания, выявление общественного смысла профессии и лично своего труда.

Параллельный путь рефлексии общественной деятельности а также общественной реализации, конкретного планирования карьеры, соотнесения своих возможностей с требованиями общества, ориентировки в реальной социальной ситуации. Особое значение приобретают организованные формы участия в реальной общественной деятельности, волонтерских программах, экспедициях, патриотических, спортивных, туристических играх, помощь и консультации в выстраивании реальной деятельности, технологии супервизорства, наставничества. Возрастные особенности рефлексии молодых людей определяют отправные точки для организации процесса формирования ценностных ориентаций патриотизма. Это направленность на поиск себя и своих ориентиров в жизни, чувствительность к противоречию добра и зла, ориентированность молодых людей на будущее, осознание своей этнической принадлежности, «корней», высокое значение социальных и семейных отношений, своей роли в них, осознание важности выбора профессии, высокие карьерные ожидания, но в то же время и чувствительность к противоречию социальных рамок, барьеров и стремления к состоянию «полной свободы». Эти особенности показывают, по каким векторам должно быть выстроено психологически-грамотно организо-

ванное ориентирование, и предостерегают от навязывания конкретных маршрутов, одновременно подчеркивая и значение специально организованных условий воспитательной среды и тот факт, что самоопределение может быть только свободным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Друкер, П. Менеджмент. Вызовы XXI века / П. Друкер. – М. : Изд-во Манн, Иванов и Фербер, 2012. – 256 с.
2. Карпов, А. В. Психология метакогнитивных процессов личности / А. В. Карпов, И. М. Скитяева. – М. : ИП РАН, 2005. – 352 с.
3. Мухина, В. С. Личность. Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты) / В. С. Мухина. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Прометей, 2010. – 1088 с.
4. Мухина, В. С. Возрастная психология. Феноменология развития : учеб. для студ. высш. учеб. заведений / В. С. Мухин. – 12-е изд. – М. : Академия, 2009. – 640 с.
5. Столяренко, Л. Д. Основы психологии / Л. Д. Столяренко. – Ростов н/Д, 2000. – 672 с.
6. Леонтьев, Д. А. Методика предельных смыслов (МПС) : метод. руководство / Д. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1999. – 36 с.
7. Развитие культуры медиапотребления: социально-психологический анализ – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2009. – 195 с.
8. Троянская, А. И. Особенности рефлексии молодых людей, обучающихся по разным профилям профессиональной подготовки / А. И. Троянская // Вестник ИжГТУ им. М. Т. Калашникова. – Ижевск : Изд-во ИжГТУ. – 2015. – № 3 (67). – С. 140–143.

СПЕЦИФИКА ДЕВИАНТНОЙ АДАПТИВНОСТИ КРЕАТИВНО ОДАРЕННЫХ ДЕТЕЙ К ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТНЫМ ЗАТРУДНЕНИЯМ¹

Н. П. Фетискин (г. Кострома, Россия)

В ряде зарубежных и отечественных работ высказывается положение об идентичности отдельных личностных черт у девиантов и креативных лиц. К числу таких сходных особенностей относят поисковую активность, направленную на удовлетворение по-

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Проект № 15-06-10868/15.

требности в новой информации, в новых переживаниях, расширении своего опыта (Ротенберг, Аршавский, 1984). Обыватель, как типичный представитель нормативного и даже гармоничного поведения, по мнению В. Д. Менделевича, не склонен к поисковой активности. Он стремится максимально избежать риска, а значит, новых ситуаций, новой информации, новых переживаний, нового опыта. Он устремлен на сохранение status quo. В этом ракурсе он предстает нелюбознательным, ищущим гарантий и стабильности, а не знаний, ощущений и переживаний. Девиант же, напротив, излишне любознателен, крайне нестабилен и в высшей степени склонен к риску и существованию в неопределенности (Менделевич, 2007, с. 14)

Ряд авторов находят сходство между девиантными и креативными личностями по таким особенностям как самостоятельность суждений, способность находить привлекательность в трудностях, эстетическую ориентацию и способность рисковать (Д. Ф. Барон, Д. Харрингтон).

Следуя этому, Ф. Фарли выделяет особый тип личности – Т-личность. Она определяется как «искатель возбуждения» люди с таким типом личности могут достигать либо высокой степени креативности, либо демонстрировать деструктивное, даже криминальное поведение.

В обобщенном виде идентичность между девиантными и креативными личностями показана Д. Симонтоном в виде семи базовых векторов. Результаты сравнения личностных особенностей между креативными личностями и девиантами, выделенные Д. Симонтоном и В. Д. Менделевичем, подтверждают их сходство и свидетельствуют о том, что нельзя отрицать, что многие лица с девиантным поведением – творческие люди.

Известно, что активные игроки (гемблеры) обладают более высоким уровнем интеллектуального развития по сравнению с обычными людьми-неигроками (Custer, 1981). Отклоняющееся поведение порой оправдано активным творческим поиском, имеющим, однако, неадаптивную и зачастую саморазрушающую направленность. Отличие заключается в том, что в подлинном творчестве (идеальной норме) удовольствие доставляет сам процесс поиска, а отрицательный результат только усугубляет знание о предмете и сигнализирует, о том, что направление поиска должно быть изменено, в то время как для девиантной разновидности поисковой активности основной целью является результат – удовольствие.

Сравнительные особенности девиантов и креативных личностей

№	Креативная личность (по Д. Симонтоу)	Девиант (по В. Д. Менделевичу)
1	Независимость взглядов и неконформность суждений	Неконформность, неадаптивность поведения и суждений вследствие скрытого комплекса неполноценности
2	Стремление выйти за рамки, «нарушить границы», оригиналь- ность и нестандартность	Жажда острых ощущений, необычных переживаний, склонность к риску, эпатажность
3	Открытость ко всему новому и необычному	Хорошая переносимость кризисных ситуаций в сочетании с плохой адаптацией к обыденным ситуациям
4	Устойчивость к неопределенным ситуациям	высокий уровень поисковой активности в сфере девиантных интересов
5	Конструктивная активность в предметной деятельности	Независимость в недевиантных сферах деятельности, сочетаемая со стремлением обвинять окружающих и с зависимостью в сфере аддикции
6	Сила «Я», связанная с возможно- стью автономного функциониро- вания и устойчивость к давлению социального окружения	
7	Чувствительность к красоте в широком смысле	Внешняя социабельность считающаяся со страхом перед стойкими контактами
8		Стремление уходить от ответственности
9		Стремление говорить неправду
10		Тревожность

В целом же, независимо от направленности личности (продуктивной или деструктивной), креативность включает творческие возможности (способности) индивида, характеризующиеся готовностью к продуцированию принципиально новых идей. Фундаментом креативности служит дивергентное мышление – способность мыслить равноценными альтернативами в ответ на требования новой ситуации.

В этой связи в ряде работ выявлено, что девианты (наркоманы) являются более творческими личностями, чем здоровые (неноркаманы). Они обладают достаточной силой Я-авторского

(по Л. Я. Дорфману), чтобы справляться с жизненными трудностями, т.е. имеют инстанцию, относительно независимую от внешних влияний. Однако показатели таких инстанций, как Я-превращенное и Я-вторящее, говорят о самоотчуждении и подверженности влиянию социальных ролей на самовосприятие, что может также трактоваться как «отказ от авторского Я в пользу переживаний внешних впечатлений и событий». Более того, для наркозависимых (как это ни парадоксально) характерными оказываются некоторые качества самоактуализирующейся личности: высокая: высокая потребность в познании, открытость новому опыту, автономность, стремление к самораскрытию в общении с другими людьми (Менделевич, 2007, с. 16).

Автор объясняет этот феномен, что опыт фобического и иных разновидностей невротического отклоняющего поведения нередко приводит к личностному росту и раскрытию творческих способностей бывшего девианта. У бывших наркоманов и членов их семей также в случае положительного эффекта терапии регистрируется личностный рост и креативность (Менделевич, 2007, с. 17).

Особого внимания заслуживают девиации, обусловленные гиперспособностями человека, способности которого значительно выше среднестатистических. В данном контексте речь идет об одаренных детях в какой либо познавательно-деятельностной сфере. Детская одаренность в одной сфере часто сопровождается девиациями в обыденной жизни, как отмечает В. Д. Менделевич. Такой человек нередко не приспособлен к «бытовой, приземленной» жизни. Он не способен правильно понимать и оценивать поступки и поведение других людей, оказывается наивным, зависимым и неподготовленным к трудностям повседневной жизни. Если при делинквентном поведении наблюдается противоборство во взаимодействии с реальностью, при аддиктивном – уход от реальности, при патохарактерологическом и психопатологическом, – болезненное противостояние, то при поведении, связанном с гиперспособностями – игнорирование реальности. Человек существует в реальности («здесь и теперь») и одновременно как бы живет в иной, собственной реальности, не размышляя о необходимости «объективной реальности», где действуют другие окружающие люди. Он расценивает обычный мир как что-то малозначимое, несущественное и поэтому не принимает никакого участия во взаимодействии с ним, не вырабатывает стиля эмоционального отношения к поступ-

кам и поведению окружающих, принимает любое происходящее событие отрешенно. Вынужденные контакты воспринимаются человеком с гиперспособностями как необязательные, временные и не относятся к значимым для его личностного развития. Внешне в обыденной жизни поступки такого человека могут носить характер чужаковости. К примеру, он может не знать, как пользуются бытовыми приборами, как совершаются обычные действия. Весь интерес сосредоточен на деятельности, связанной с его неординарными способностями (музыкальными, математическими, художественными и иными) (Менделевич, 2007, с. 40).

При наркотическом девиантном поведении на базе гиперспособностей основными мотивами наркотизации являются мода, престиж, чувство принадлежности к рангу избранных, особых, богемы, эпатаж, стремление «взорвать ситуацию», разрушить ненавистную ему действительность, изменять и переделать ее под себя. На эту психопатологическую девиацию гиперспособных лиц социума отвечает попытками изменить и реадaptировать их к реальности или изолировать в целях реабилитации.

Говоря о девиациях в детско-молодежной среде необходимо отметить, что дети обладают разными способностями, сознательно выбирают антисоциальный путь, приспособлявая к нему все остальное), и которым незнакомо понятие (Сагатовская, 1973; Тарарухин, 1974).

Так, например, у младших подростков, с выраженными техническими способностями, в процессе занятий техническими поделками и моделированием со временем появлялись антисоциальные девиации. С чего бы они ни начинали, почти всегда заканчивали изготовлением какого-либо оружия, были склонны производить взрывы, поджоги, звонки в полицию о предлагаемых террористических актах в школах, причем делали все мастерски, часто обнаруживая хорошие технические способности. Террористическая деятельность вызвала у них скорее восхищение, чем осуждение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ильин, Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности / Е. П. Ильин. – СПб., 2011.
2. Менделевич, В. Д. Психология девиантного поведения / В. Д. Менделевич. – М., 2001.
3. Савенков, А. И. Психология детской одаренности / А. И. Савенков. – М., 2009.

4. Пезешкин, Н. Психотерапия повседневной жизни / Н. Пезешкин. – М., 1995.
5. Фетискин, Н. П. Психодиагностика детской одаренности / Н. П. Фетискин. – М. ; Кострома, 2001.
6. Фетискин, Н. П. Детско-молодежная девиантология / Н. П. Фетискин, Т. И. Миронова, С. В. Шепелева. – Кострома, 2015.
7. Шебланова, Е. И. Неуспешные одаренные школьники / Е. И. Шебланова. – М., 2011.

ОБУЧЕНИЕ В СОТРУДНИЧЕСТВЕ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ИНТЕГРАЦИИ ДЕТЕЙ-МИГРАНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

О. Е. Хухлаев, А. Е. Фомичева (г. Москва, Россия)

На сегодняшний день очевидно, что главная задача образования, связанная с интеграцией мигрантов, – это правильная организация повседневного межкультурного взаимодействия, то есть построение образовательной деятельности таким образом, чтобы она обеспечила реальное позитивное взаимодействие между детьми из разных культур, между учащимися-мигрантами и представителями принимающего общества, обеспечивающее целостное понимание детьми-мигрантами культуры принимающего общества.

Однако для того, чтобы сказанное выше не осталось только бесполезным лозунгом, необходимо, чтобы данная деятельность была подкреплена реальными образовательными технологиями. Одна из них давно известна в нашей стране, однако широкого распространения до сих пор не получила. Это обучение в сотрудничестве.

Такая форма обучения воспитывает и развивает многие социальные навыки, позволяющие взаимодействовать людям с разными системами ценностей, обычаями, установками, стилями мышления. Один из пионеров данной технологии, американский социальный психолог Э. Аронсон был в 1971 г. приглашен в школу со смешанным этническим составом учащихся по запросу снижения межгрупповой враждебности и предубеждений (Aronson et al, 1978). В то время во многих школах США имелась существенная проблема – ребята объединялись в группы по этническим признакам и отношения между разными группами были крайне напря-

женными. У них не было ни желания ни причины общаться друг с другом. Это мешало не только развитию межличностных отношений, но и самому процессу обучения.

Аронсон и его коллеги не ставили перед собой задачи изобрести новый метод обучения, им нужно было найти выход из конкретной ситуации. Для этого необходимо было понять, какие условия можно изменить, чтобы преодолеть различия между этническими группами и чтобы их члены начали воспринимать друг друга в более положительном ключе. Понадобилось поставить перед учениками общую значимую цель и дать такое задание, которое невозможно было бы выполнить в одиночку.

Работая в этой школе, команда социальных психологов создавала смешанные (по половому и этническому составу, уровню успеваемости) группы, и подготавливала учебный материал таким образом, что каждый ученик получал только часть, в то время как должен был выучить его целиком. Другие части материала были у других членов группы. Поэтому учащиеся вынуждены были взаимодействовать друг с другом, чтобы получить всю необходимую информацию и выполнить задание.

Авторы методики выбрали в качестве материала для работы биографию знаменитого ученого. Текст разделили на 6 логических частей (описывающих детство, юность, первые труды, основные достижения и т.д.). Класс поделили на группы («мозаичные», т.е. разнообразные по разным признакам участников) по 6 человек, и каждый член группы получил свою часть текста биографии. Ученикам давалось задание внимательно изучить свою часть, уметь пересказать ее, быть способным ответить на вопросы.

После этого учащиеся из разных групп, получившие одинаковые задания, объединялись во временные группы, чтобы вместе обсудить проблему и спланировать свои выступления перед членами их основных групп. На обсуждение давалось 10–15 мин. Во временных группах более «слабые» ученики могли получить помощь от более «сильных», таким образом, чтобы вне зависимости от уровня знаний и умений, ученик мог рассказать свою часть другим. Такие группы получили название «экспертных», поскольку каждый из учеников после обсуждения становился «экспертом» в своей части материала.

Затем ученики возвращались в основные группы, куда их изначально распределил учитель. В этих группах ученики должны были рассказать каждый свою часть материала другим ученикам.

К концу урока каждый член группы должен был иметь представление о полной биографии ученого, об основных событиях, достижениях в его жизни. Данный процесс напоминал складывание мозаики: сначала было много отдельных маленьких кусочков, но, соединяя их друг с другом, можно было получить целую картину. Именно поэтому метод был назван «Мозаичный класс» (в отечественной педагогической литературе часто используется название «Пила» (Новые педагогические и информационные технологии..., 2002).

Оказалось, что взаимодействие, которое происходило в процессе работы над общим заданием, способствует развитию симпатии и позитивных межэтнических отношений. Но, помимо этого оказалось, что применение данной формы работы ведет к большому числу положительных преобразований, как в межличностных, так и в межгрупповых отношениях.

Этот метод учит детей слушать и обучать друг друга. Он подразумевает два важных принципа: 1) никто не может справиться с заданием без помощи остальных членов группы; 2) каждый член группы вносит свой уникальный и необходимый вклад в общее дело. При этом уникальность методики состоит в том, что она побуждает учеников принимать активное участие в процессе обучения. И в мозаичной, и в экспертной группах участники должны взаимодействовать друг с другом, чтобы выполнить задание. Никто не может быть успешен до тех пор, пока не станет сотрудничать с другими членами группы.

Несмотря на то, что обучение в сотрудничестве рассматривается как образовательная технология для достижения широких и разнообразных педагогических целей (Sharan, 2010), она исключительно эффективна именно в культурно-разнообразной школе. Так методика «Мозаичный класс», одна из базовых форм обучения в сотрудничестве, была изобретена именно для решения проблем обучения в поликультурной среде.

Многочисленные исследования показывают, что чем старше дети, тем чаще они выбирают друзей среди представителей своей этнической группы, тем большую роль для них начинают играть этнические особенности, сильнее становятся предубеждения относительно представителей других рас.

В противоположность таким отношениям, исследования в мозаичных классах показывают, что учащиеся устанавливают дружеские связи вне зависимости от этнических признаков, руко-

водствуясь в первую очередь чертами характера, поступками конкретного человека. Такой результат достигается благодаря грамотному составу групп, их смешанному характеру – когда учащиеся различного пола, этнической принадлежности, уровня успеваемости вынуждены работать вместе. Но это не единственный значимый фактор.

Во-первых, обучение в сотрудничестве способствует межличностной аттракции, проще говоря, между учениками возникает взаимная симпатия. Во-вторых, выяснилось преимущество кооперативного обучения по сравнению с конкурентным в том, что оно способствует развитию позитивных этнических установок, установлению дружеских отношений между представителями разных культур, снижает негативные оценки в отношении представителей других национальностей.

Работа в смешанных группах позволяет учащимся лучше узнать друг друга, они начинают понимать друг друга, меньше полагаются на этнические стереотипы и больше рассматривают каждого человека, как индивидуальность. Причем положительный эффект такого обучения на межэтнические отношения проявляется уже в первые недели использования методики. И это позитивное отношение сохраняется в дальнейшем.

Исследователи связывают это с процессом категоризации и изменением когнитивных категорий. В конкурентной среде у ребят, принадлежащих к различным этническим группам, нет необходимости взаимодействовать. Поэтому они склонны замыкаться в рамках своей этнической группы и воспринимают всех остальных как «других», причем часто это именно негативное восприятие.

Что происходит в «Мозаичном классе»? Во время взаимодействия с другими, мы перестаем воспринимать их как «чужих», появляется общее «мы». Если «мы» – группа и должны вместе выполнить определенное задание, при этом справиться с ним успешно и, желательно, лучше других групп, то перестает иметь значение, кто мы по национальности, какие различия есть между нами. Механизм категоризации уже не играет такой важной роли, как раньше, поскольку мы начинаем оценивать людей исходя из их поступков, личностных особенностей, умений, а не принадлежности к той или иной группе.

Члены группы начинают рассматривать друг друга прежде всего с точки зрения того, чему они могут научиться, какими полезными навыками обладает тот или иной член, чтобы справиться с поставленной задачей.

Помимо этого, как уже упоминалось, мозаичный метод развивает эмпатию – способность поставить себя на место другого. Как это помогает преодолеть этнические стереотипы?

Когда я, как член группы, наблюдаю, как кто-то выступает и хочу понять его, я прежде всего прислушиваюсь. Затем, я пытаюсь поставить себя на место докладчика и задумываюсь о том, какой вопрос мне ему задать, чтобы прояснить понимание. В это время я не только узнаю новый материал, но и смотрю на мир глазами другого, стараясь проникнуть не только в содержание того, что говорит, но и в его образ мысли, понять его точку зрения.

Нам представляется важным донести, что грамотно используя данный метод, наряду с другими, учитель может добиться впечатляющих результатов, о чем свидетельствует многолетний опыт и многочисленные положительные отзывы педагогов и учеников.

В отечественной образовательной практике технология «обучение в сотрудничестве» используется крайне редко. Однако, в тех случаях когда ее внедрение действительно реализовано это позволяет достигать впечатляющих результатов (Родкина, 2013). Особую актуальность данный вопрос обретает в условиях ФГОС, неоднократно обращающих внимание педагогов на использование образовательных технологий позволяющих реально учить детей взаимодействовать друг с другом (например: личностные результаты освоения ООП основного общего образования должны отражать формирование коммуникативной компетентности в общении и сотрудничестве со сверстниками).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования : учеб. пособие для студентов пед. вузов и системы повыш. квалиф. пед. кадров / Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина, М. В. Моисеева, А. Е. Петров ; под ред. Е. С. Полат. – М. : Академия, 2002. – 272 с.

2. Родкина, Н. В. Обучение в сотрудничестве на уроках русского языка и во внеурочное время [Электронный ресурс] / Н. В. Родкина // Современная педагогика. – 2013. – № 1. – Январь. – URL: <http://pedagogika.snauka.ru/2013/01/824> (дата обращения: 12.02.2016).

3. Фомичева, А. Е. Методика «Мозаичный класс» как форма осуществления межкультурного диалога / А. Е. Фомичева, О. Е. Хухлаев // Справочник классного руководителя. – 2013. – № 7. – Июль. – С. 52–57.

4. The jigsaw classroom / E. Aronson, N. Blaney, C. Stephan, J. Sikes, M. Snapp. – Beverly Hills, CA : Sage Publications, 1978.

5. Sharan, Y. Cooperative Learning for Academic and Social Gains: valued pedagogy, problematic practice / Y. Sharan // European Journal of Education. – 2010. – Vol. 45. – No. 2, Part I. – P. 300–313.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ И АККУЛЬТУРАЦИЯ СЕВЕРОКОРЕЙСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ

Гунвон Цой (г. Москва, Россия)

Доклад посвящен рассмотрению психологических проблем в сфере адаптации северокорейских переселенцев в Южной Корее, а также анализу стратегий их адаптации. Дается краткое описание результатов социально-психологических, социо-культурных и экономических исследований северокорейских мигрантов, которые проведены Министерством Объединения Р. Корея и другими местными институтами с целью выявления наличия межэтнической напряженности между южнокорейским населением и северокорейскими мигрантами.

Введение. Покидая родных людей и страну, мигранты сталкиваются с необходимостью социоэкономической (это прежде всего поиск работы) и социокультурной адаптации (это прежде всего изучение новой культуры и языка) в новой среде. Различные способы их адаптации связаны с их изначальными ценностями, нормами, установками и, в конечном счете, формируют стратегии их адаптации.

Северокорейские переселенцы, с одной стороны, являются представителями одной нации – корейцами, а с другой стороны – они беженцы, которые, несмотря на риски гибели при переходе границы, бегут из страны с надеждой обрести свободу и нормальное человеческое существование. Сегодня южнокорейское общество воспринимает северокорейских переселенцев как представителей особой группы, которые не воспринимаются в качестве группы, например, брачных или трудовых мигрантов. Правительство Кореи использует их в качестве главной опоры на пути к миру с правительством КНДР, изучая, прежде всего, политические, социологические и экономические реалии в стране, а также индивидуальные ценности, нормы и правила для составления психологического портрета жителей Северной Кореи. Однако, их нежела-

тельный южнокорейский статус – «особый человек» – препятствует их адаптации (Yoon, 2007).

Дальнейшее изучение стратегий социально-психологической адаптации и аккультурации северокорейских переселенцев позволит понять не только проблему адаптации северокорейцев, но и общую проблему мигрантов в Южной Корее, а также может лечь в основу для создания социальных программ правительства Кореи с целью помощи адаптации северокорейских мигрантов.

Проблемы адаптации северокорейских переселенцев

Сегодня миграционная и переселенческая составляющая в южнокорейском обществе чрезвычайно динамична и зависит от многих факторов, в первую очередь от неблагоприятного социально-экономического и политического состояния КНДР, а также возможных угроз для жизни со стороны правительства. До 1998 г. число официально зарегистрированных переселенцев (беженцев) из КНДР составляло всего 947 человек, но за 3 года (1999–2001 гг.) их число выросло до 1043 человек. По состоянию на конец 2015 г., число переселенцев на территории Южной Кореи составляет свыше 28 тыс. человек (Статистические данные..., 2015).

По результатам социологического исследования, проведенного в 2012 г. правительством Южной Кореи, 30 % опрошенных назвали причину своего переезда – «заработать деньги», а 50 % – «приглашение членов семьи» (Фонд..., 2012). Согласно исследованиям других годов от Министерства, больше чем половине переселенцев удастся въехать в южную часть Кореи с помощью членов семьи. Важно заметить, что по последнему докладу Министерства Объединения Республики Корея, 10 % переселенцев (приблизительно 2000 человек), вероятнее всего покинули страну и проживают в США и странах Европы. Данная цифра, возможно, говорит о том, что южнокорейское общество, не готово принять этноэтническую корейскую группу. Местные жители проявляли в отношении к переселенцам, которые являются меньшинством в обществе, дискриминационное поведение и негативные стереотипы. Тем не менее, правительство Южной Кореи пытается разработать различные социально-психологические комплексные программы, снижающие межэтническое напряжение в обществе, формирующие доверие, толерантность и равноправие, а также осуществляющие поддержку финансовой и трудовой деятельности мигрантов (Yoon, 2012).

Ввиду усиливающейся глобализации экономики и динамичного изменения этнического состава Южной Кореи, прежде всего

из-за наполнения миграционных потоков, в том числе учитывая приток населения из Северной Кореи и КНР, важной составляющей мероприятий в межэтнической сфере для органов исполнительной власти стало создание и совершенствование условий для социоэкономической и социокультурной адаптации и интеграции переселенцев.

Найти самую эффективную модель инкультурации переселенцев, по сути, еще не удалось найти ни одной стране мира. Если рассматривать пример с жителями в Германии, то до сегодняшнего дня восточная часть испытывает ряд социально-экономических и межкультурных проблем (Куликова, 2004, с. 115–118). Пример объединения Германии и возникшие проблемы между жителями западной и восточной части страны говорит о том, что даже при условии отсутствия языкового барьера и одной национальной культуры могут возникнуть сложности аккультурации и ситуации культурного шока. Не исключено, что с подобными сложностями также столкнутся и жители Корейского полуострова в случае его объединения.

Исследования адаптации северокорейских переселенцев

Ввиду роста числа северокорейских переселенцев за последнее время, ученые публикуют свои рассуждения, монографии и результаты эмпирических исследований в корейских и англоязычных научных журналах. Однако, данные исследования больше всего обращают внимание на проблему неудавшейся социальной адаптации переселенцев и торопливо ищут ее решение, но не рассматривая корень данной проблемы. Местные жители же рассматривают северокорейских мигрантов как аутсайдеров, потерпевший неудачу в адаптации из-за отсутствия воли и желания приспособиться к новым условиям. Также в исследованиях полностью игнорируется проблема влияния коллективных представлений местных жителей, которые содержат неартикулируемые идеи дискриминации этнических меньшинств и они представляются беспомощными и несамостоятельными. Также, северокорейские мигранты они воспринимаются принимающим обществом как источник траты государственного бюджета.

В последнее время ученые-востоковеды пытаются изменить взгляды на северокорейских мигрантов в положительную сторону – что это самостоятельная этническая группа, а правительство и благотворительные некоммерческие организации должны быть не в роли только источника финансовых средств, а в роли главного ру-

ководителя для создания условий полного самообеспечения и самостоятельного преодоления социально-психологического конфликта в новой среде (Yoon, 2012; Lee, Park, 2014).

В терминах модели аккультурации Дж. Берри (Berry, 1980), северокорейские переселенцы более склонны к ассимиляции. Уровень интеграции очень низкий, а сепарация и маргинализация почти не наблюдалась (Yoon, 2012). Таким образом, северокорейские переселенцы готовы принять более свободную и демократическую культуру, южнокорейскую идентичность.

Также, большинство исследований показывают тот факт, что северокорейские поселенцы при сложной ситуации в новой стране желают обеспечить себя и семью, которая совпадает с реальностью на сегодняшний день в южнокорейском обществе (Lee & Hwang, 2008; Yoon, 2009). Не зря в некоторых населенных пунктах страны говорят о том, что северокорейские мигранты трудятся в десятки раз больше, чем коренные жители южной части Кореи.

Вне зависимости от аккультурационных моделей северокорейские переселенцы стремятся преодолеть нынешнюю трудную ситуацию. На социальную адаптацию также влияет возраст и социальный статус в обществе: чем моложе являлись беженцы, тем сильнее желание влиться в южнокорейскую культуру и чем социальный статус в Северной Корее был выше, тем их аккультурационное поведение было ближе к интеграции, где переселенцы сохраняли свои культурные традиции и культурные связи, признавая при этом культуру и нормы Южной Кореи (Chung & Kim, 2015).

В заключении хотелось бы заметить, что большая часть переселенцев оценивают существующий демократический и капиталистический строй положительно, существует сильное стремление к получению уважения и принятия гражданами Южной Кореи. Также, несмотря на сложное материальное состояние, они не отчаиваются и хотят самостоятельно обеспечивать себя. У многих людей есть чувство благодарности к местному правительству за оказание им помощи на первых стадиях адаптации. Поэтому мнение о том, что северокорейские беженцы склонны жаловаться и протестовать – не соответствует действительности

Новые исследования, могут помочь лучше понять взаимоотношения северокорейских переселенцев и местных жителей, а также исключить негативные стереотипы и дискриминацию, что в итоге может способствовать созданию свободного и равноправного общества для последующих переселенцев из Северной Кореи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Куликова, Л. В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты / Л. В. Куликова. – Красноярск : КГПУ, 2004.
2. Статистические данные въезда переселенцев Северной Кореи в Республику Корея на декабрь 2015 г. по данным Министерства объединения Республики Корея. – URL: http://www.unikorea.go.kr/download.do?filename=44224_201601050934285561.pdf (дата обращения: 04.02.2016).
3. Фонд по поддержке северокорейских переселенцев. Доклад исследования северокорейских подростков. – Сеул : Фонд по поддержке северокорейских переселенцев, 2012. – Февраль. – URL: <http://www.nkrf.re.kr/> (дата обращения: 04.02.2016).
4. Chung, Y. K. The Marital Factors on Social Adaptation among North Korean Refugees / Y. K. Chung, H. J. Kim // Family and Environment Research. – 2015. – № 53(2). – P. 157–168.
5. Berry, J. W. Social and cultural change / J. W. Berry // Handbook of cross-cultural psychology. – 1980. – Vol. 5. – P. 211–279.
6. Berry, J. W. Acculturation: Living successfully in two cultures / J. W. Berry // International Journal of Intercultural Relations. – 2005. – No. 29 (6). – P. 697–712.
7. Lee, C. Y. The Effects of Acculturative Stress and Resilience on Depression of University Students from North Korea / C. Y. Lee, J. H. Park // Family and Environment Research. – 2014. – № 52 (3). – P. 313–324.
8. Lee, J. M. Identifying factors affecting the adaptation of North Korean refugees in South Korea/ J. M. Lee, S. Y. Hwang // Social Welfare Policy. – 2008. – No. 33 (33). – P. 61–84.
9. Yoon, I. J. Social adjustments of North Korean migrants and measures to facilitate their resettlement / I. J. Yoon // The Journal of Asian Studies. – 2007. – No. 50. – P. 106–182.
10. Yoon, I. J. Acculturation and social adaptation of North Korean migrants / I. J. Yoon // The Journal of Korean Studies. – 2012. – No. 41 (41). – P. 37–61.

ВОСПИТАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ У ДЕТЕЙ-МИГРАНТОВ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ

С. В. Шанин (г. Саратов, Россия)

Глобализация, ставшая причиной культурного и этноконфессионального многообразия, обостряет проявление в массовом сознании различных предрассудков и страхов: ксенофобии как реак-

ции на встречу с чужим человеком и культурой, мигрантофобии, антисемитизма, приводящих к ущемлению прав человека, национализму, дискриминации и связанной с ними нетерпимости.

Проблема толерантности также актуальна для современной России в силу ее многонационального состава и многоконфессиональности, усиления проявлений в массовом сознании различных предрассудков и страхов, снижения согласия и терпимости в социуме.

Именно обострение межнациональных отношений в современном мире стало одной из главных проблем современности. Корни и истоки всякой ксенофобии – в отсутствии понимания феномена культуры, интеграции одной культуры в другую на уровне личностного общения. Потому что, общение, взаимопроникновение культур являются необходимыми условиями отсутствия ксенофобии.

Воспитание толерантности, которая рассматривается как средство достижения мира и согласия, является объективной потребностью общества в современной России, стране с множеством культур. Одновременно, эта проблема остро стоит и в Саратовской области – регионе, в котором проживают представители 135 национальностей. В области проживает свыше 2,5 млн человек, из них 87,6 % составляют русские. Среди наиболее многочисленных народов региона – казахи, татары, украинцы, чуваша, мордва (Каменчук, 2011).

Деятельность по поддержанию стабильной общественно-политической и этноконфессиональной ситуации осуществляется на основе «Концепции государственной национальной политики в Саратовской области».

Особенности миграционной ситуации определяются географическим положением Саратовской области, которая является также участником Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом.

Толерантность как способность человека, сообщества слышать и уважать мнение другого дает возможность невраждебно встречать отличающиеся от своего мнения и убеждения. Умение вести межнациональный диалог и с пониманием относиться к вопросам вероисповедания во многом определяют стабильность жизни полиэтнического и многоконфессионального региона (Коповой, Константинов, 2007).

К сожалению, нетерпимость к представителям иных культур все чаще проникает и в школу. Ксенофобия, националистические предрассудки, дискриминация становятся распространенным явлением в детской среде. Проблема распространения нетерпимости встала во весь рост именно сейчас, в эпоху глобализации, когда потоки людей и информации распространяются все с большей скоростью. Люди оказываются неготовыми к этим изменениям, испытывают дискомфорт, с которым далеко не все умеют справляться.

Не обошло стороной межнациональное напряжение и Саратовскую область, подтверждением чему являются случаи конфликтов, возникающие на национальной почве.

Учитывая данные тревожные факты, а также рост числа национальных диаспор в Саратовской области в последнее время, необходимость воспитания толерантности детей-мигрантов в системе образования приобретает особую значимость. Речь идет именно о воспитании, поскольку все человеческое в человеческом существе не задано от рождения, а приобретается им. Воспитание является наиболее эффективным средством предупреждения нетерпимости – эта позиция Декларации принципов толерантности, принятой на Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г. четко отражает задачи современной системы образования.

Важно подчеркнуть важность воспитания толерантности как уважения к многообразию культур. Именно так понимают толерантность авторы Декларации принципов толерантности ЮНЕСКО. В преамбуле Устава ООН толерантность обозначается как проявление терпимости и способность жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи (Преамбула Устава ООН, 1945). В этом ракурсе толерантность выглядит как активная жизненная позиция и воспринимается в виде условия успешной социализации.

Принятые в мае 2012 г. федеральные государственные образовательные стандарты среднего (полного) общего образования среди важнейших задач образования выдвигают:

– толерантное сознание и поведение в поликультурном мире, готовность и способность вести диалог с другими людьми, достигать в нем взаимопонимания, находить общие цели и сотрудничать для их достижения;

– навыки сотрудничества со сверстниками, детьми младшего возраста, взрослыми в образовательной, общественно полезной, учебно-исследовательской, проектной и других видах деятельности;

– нравственное сознание и поведение на основе усвоения общечеловеческих ценностей (ФГОС ООО, 2010).

Толерантность пока, к сожалению, не стала целевой установкой воспитания подрастающего поколения. Несмотря на то, что воспитание в духе терпимости признается в качестве безотлагательного императива, отсутствует система целенаправленных действий по формированию толерантного сознания и поведения обучающихся.

В современной школе весьма распространены случаи, когда в классе появляется один или несколько детей другой по отношению к большинству учащихся национальности. Или вследствие внедрения инклюзивного образования в класс приходит больной ребенок. Часто в такой ситуации возникает проблема отношения к такому не похожему на других ребенку – не столько даже со стороны одноклассников, сколько со стороны родителей, которые полагают, что совместная учеба с таким ребенком их детям бесполезна, потому что в результате они недополучат знания, внимания учителя и так далее. Родители считают, что в итоге образование их детей пострадает из-за присутствия в классе такого ребенка. Таким образом, возникает еще одна важная проблема – это создание системы работы с родителями в данном направлении и в первую очередь с родителями детей-мигрантов, поскольку они являются основными трансляторами ценностей для ребенка. Правильное понимание ими толерантности предполагает приложение определенных усилий, создания ситуаций, способствующих проявлению у ребенка сдержанности, уступчивости, терпимости.

Недостаток многих предлагаемых путей воспитания толерантности в том, что они ориентированы на дополнительные спецкурсы, факультативы, учебные модули и в недостаточной степени используется содержание школьных предметов. Возникает потребность разработки таких методик, применение которых было бы возможным в рамках образовательной программы, на обычных уроках и внеклассных занятиях с обучающимися.

Творческий поиск в этом направлении детерминирован необходимостью разрешения ряда противоречий, характерных для современного образовательного процесса в образовательной организации и семье:

– между потребностями общества и государства в формировании толерантных личностей и недостаточной реальной практикой конструирования педагогического процесса как средства развития толерантности у детей-мигрантов;

– между потенциальными воспитательными возможностями образовательной организации и семьи в преодолении интолерантного поведения и недостаточной теоретической и практической разработанностью технологий ее формирования (Каменчук, 2012);

– между темпами совершенствования новых востребованных технологий и готовностью образовательной организации, семьи к внедрению их в свою деятельность;

– между нормами, ценностями семьи школьника, социальной и этнической группой, к которой он принадлежит, и нормами, ценностями общества, членом которого он является;

– между увеличивающимися интеграционными процессами в образовании, миграционными потоками, приводящими к увеличению числа детей-мигрантов и отсутствием наработок по построению толерантной образовательной среды в образовательных организациях (Шанин, 2014);

– между требованиями ФГОС к уровню гуманистической позиции педагога, общей культуры, включая культуру толерантности, которая определяет характер и стиль педагогической деятельности и реальным состоянием дел, включая подготовку педагога в высшей школе и системе повышения квалификации.

Таким образом, воспитание толерантности, которая рассматривается как средство достижения мира и согласия, является объективной потребностью общества в условиях глобализации. Процессы образования и воспитания обучающихся, в частности детей-мигрантов играют ключевую роль в данном вопросе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Каменчук, И. Л. Культура толерантности в обществе риска. Ценности, риски, коммуникации в изменяющемся мире / И. Л. Каменчук // Материалы шестых Аскинских чтений : сб. ученых тр. – Саратов : КУБиК, 2012. – С. 126–131.

2. Каменчук, И. Л. Проблема толерантности в полиэтническом регионе / И. Л. Каменчук // Народы Саратовской области. История. Культура. Потенциал развития. – 2011. – № 2. – С. 18–20.

3. Коповой, А. С. Адаптация детей-мигрантов в условиях массовой общеобразовательной школы / А. С. Коповой, В. В. Константинов. – Пенза : Изд-во ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2007. – 191 с.

4. Преамбула Устава ООН // Сайт ООН. – URL: <http://www.un.org/ru/documents/charter/preamble.shtml> (дата обращения: 06.12.2014).

5. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования // Сайт министерства образования и науки РФ. – URL: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_10/m1897.html (дата обращения: 06.12.2014).

6. Шанин, С. В. Формирование толерантных отношений у современных школьников в условиях многонационального региона / С. В. Шанин // Этносы и формирование гражданской нации: диалектика российской национальной политики [Электронный ресурс] : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Уфа, 9 декабря 2014 г.) / под общ. ред. И. В. Фроловой. – Электрон. текстовые дан. (3,47 Мб). – Уфа : БАГСУ, 2014. – С. 238–241.

К ВОПРОСУ ОБ АДАПТАЦИИ К НОВЫМ УСЛОВИЯМ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С. В. Шиманчук (г. Кокшетау, Казахстан)

В последние десятилетия и на территории постсоветского пространства и за рубежом наблюдается тенденция роста научного и практического интереса в исследовании феномена адаптации человека к новым условиям жизнедеятельности, что в свою очередь неразрывно связано с интенсификацией миграционных процессов в мире (Константинов, 2012).

То, как человек адаптируется к окружающему миру, влияет на качество его жизни. Богатыми, здоровыми, красивыми, успешными людьми не рождаются, а становятся. Конечно, можно родиться в богатой семье, но со временем «просадить» все родительские деньги. Можно родиться здоровыми и крепкими, но со временем испортить себе здоровье курением, алкоголем, наркотиками и т.д. Можно быть красивым человеком, но одеваться в лохмотья и не соблюдать гигиену тела. Такие простые вещи уже лишают человека того, что дано ему с детства от его родителей. Но ведь есть еще и то, что человек может наработать сам своими усилиями.

Каждому человеку приходится адаптироваться к окружающему миру. Все начинается с того, что каждый человек с маленького возраста копирует своих родителей. Это единственные люди, которым он безоговорочно доверяет. А раз его родители уже многое прожили и до сих пор живут в том мире, в котором оказался малыш, значит, нужно им подражать. Лучше брать пример, чем погибнуть. И это записано у каждого человека в подсознании.

Каждый мальчик или девочка копирует своих родителей в чувствах, характере, поведении, образе жизни и поэтому на родителей возлагается огромная ответственность за социализацию их детей. По мере своего взросления человек начинает менять свои образы для подражания. Он начинает копировать кого-то из своих друзей, появляются кумиры и ребенок старается быть похожим на него.

Можно сказать, что человек все время кому-то подражает. Но с каждым годом своего взросления это становится все менее явным и необходимым. Подражает человек в детстве, а во взрослом возрасте лишь корректирует какие-то свои стороны характера и поведения.

Адаптация происходит в зависимости от того, как живет человек, кто его окружает, в какие ситуации он попадает, что ему советуют более взрослые и авторитетные для него люди. Человек все время учится, но в детстве он этим интенсивнее занимается, а во взрослом возрасте лишь корректирует какие-то черты. Каждый человек рано или поздно адаптируется к новым условиям жизнедеятельности.

Так, И. А. Милославова рассматривает адаптацию как элемент социализации, ее начальный этап (Милославова, 1973). Отметим, что вышеназванная трактовка соотношения процессов адаптации и социализации зачастую базируется на понимании социализации как процесса усвоения социального опыта индивидом и включение его в систему общественных отношений в ходе осуществления индивидом специфических форм деятельности. И. А. Милославова, давая характеристику социальной адаптации, пишет, что это «один из механизмов социализации, позволяющий личности (группе) активно включаться в различные структурные элементы социальной среды путем стандартизации повторяющихся ситуаций, что дает возможность личности (группе) успешно функционировать в условиях динамичного социального окружения». Вышеназванная точка зрения правомерна при условии отсутствия разночтений в понимании общих элементов понятий в качестве механизмов процесса социализации. Например: первая фаза – приспособление индивида к среде (социальная адаптация); вторая фаза – процесс включения социальных норм, ценностей во внутренний мир человека (интериоризация) (Милославова, 1973).

Люди адаптируются по-разному. Есть люди, которые плохо адаптировались к миру взрослых. Это так называемые «психологические дети». Эти люди телами стали взрослыми, но умом оста-

лись на уровне детей, которые плачут, обижаются, являются беспомощными. Все капризные люди являются психологическими детьми. Они похожи на паразитов, которые желают выжить за счет других людей. В эту категорию можно внести женщин (и альфонсов), которые желают выйти замуж только за богатых мужчин (жениться на богатых женщинах). Они не умеют выживать сами, поэтому желают найти тех, к кому они «прицепятся» и за чей счет будут жить. Есть люди, которые более адаптировались к окружающему миру, но он настолько для них жесток, непонятен и агрессивен, что они желают контролировать любое событие в своей жизни. Это так называемые «психологические родители». Эти люди научились жить без помощи окружающих. Но при этом они настолько болезненно переносят любые разочарования и неприятные события, что стараются контролировать всех и вся. Они поучают, заставляют, переубеждают, угрожают, чтобы только события разворачивались по их сценарию. Иначе они ограждаются от тех людей, которые не поддаются их контролю (Берн, 1998).

Каждому человеку нужно адаптироваться к окружающему миру. Но пока человек этим занимается, его неокрепшая психика сбивает его со здоровой приспособленности. Вырастают «дети» или «родители», которые просто боятся того мира, в котором живут. Если вы плохо приспособились к окружающему миру, значит, и вы будете жить со страхом. Все это будет заставлять вас вырабатывать механизмы, благодаря которым вы избежите неприятных событий. И это отличается от здоровой адаптации, когда человек понимает, что проблем и трудностей не избежать, но нужно быть готовым с ними справиться.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Берн, Э. Транзактный анализ в психотерапии / Э. Берн. – М. : Изд-во Ин-та психотерапии, 1998. – 208 с.
2. Милославова, И. А. Адаптация как социально-психологическое явление / И. А. Милославова // Социальная психология и философия / под ред. Б. Ф. Парыгина. – Л., 1973. – Вып. 2. – С. 111–120.
3. Константинов, В. В. Адаптационный процесс у мигрантов и их психологические характеристики (на материалах Приволжского федерального округа) / В. В. Константинов // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2012. – № 2 (20). – С. 114–122.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ГОТОВНОСТЬ К БИЛИНГВАЛЬНОМУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБЩЕНИЮ

*К. В. Ярмашова, И. Е. Лилиенталь
(г. Ставрополь, Россия)*

Современные исследователи проблем Болонского процесса считают важнейшим его качественным показателем мобильность студентов и преподавателей вузов. Но обучение граждан России в европейских университетах и приток в Россию студентов из европейских стран будет сдерживаться наряду с экономическими (Савелло, 2013, с. 1), политическими и языковыми причинами. Таким образом, значимость иностранного языка в процессе подготовки высококлассных профессионалов очевидна. Расширение сфер профессионального и межкультурного взаимодействия, обусловленное повышением академической мобильности, вызывает необходимость определить требования к уровню владения иностранным языком как средством билингвального профессионального общения.

Для того, чтобы быть по-настоящему конкурентоспособным и открытым для международного сообщества в современных условиях, специалист должен обладать способностью решать профессиональные задачи (Колесникова, Лилиенталь, 2015, с. 90–95) как внутри страны, так и за ее пределами, адекватно реагируя на меняющиеся производственные ситуации с учетом социокультурной специфики представителей делового иносоциума, то есть бакалавр должен владеть иностранным языком и тем самым обеспечить высокое качество профессионального общения в рамках профессиональной деятельности в иноязычной среде. Профессиональное общение специалиста в контексте своей эффективности предполагает адекватное владение профессиональным языком; знание и умение учитывать в общении специфику культурной принадлежности собеседника; умение строить профессиональное общение в контексте принципов взаимопонимания и сотрудничества.

Билингвизм представляет собой состояние индивида или общества, которое характеризуется одновременным наличием и использованием в общении двух языков. Билингвальность – это психологическое устройство индивида, имеющего доступ к более чем одному коду как средству социальной коммуникации. Дву-

язычие начинается тогда, когда человек в состоянии высказать различные мысли (и понять высказывания) на двух языках. Исходя из этого, основным критерием для определения билингвизма является способность индивида в различной степени знать и уметь пользоваться в различных ситуациях общения кроме родного языка, еще одним языком

Билингвальное профессиональное общение представляет собой общение специалистов в системе своей профессиональной деятельности, обусловленное содержанием деятельности, в котором особую актуальность имеет межличностный уровень отношений, требующий нравственной ориентации специалиста на общечеловеческие ценностные идеалы, гуманистические принципы множественности и равенства культур. Билингвальное общение осуществляется помощью языка – средства межнационального и международного общения; при этом средством международного общения является иностранный (в первую очередь английский) язык. Поэтому необходимо осуществить профессиональную подготовку специалистов в области овладения иностранным языком.

Билингвальное профессиональное общение представляет собой общение специалистов, содержанием которого является соответствующая профессиональная деятельность. Билингвальное профессиональное общение основано на способности специалиста применять в профессиональном взаимодействии родной и иностранный языки, при этом владение иностранным языком является функционально обусловленным. Качественные характеристики билингвального профессионального общения задают определенные требования к личности специалиста в контексте его способности успешно преодолевать коммуникативные барьеры: барьеры понимания, социокультурные барьеры, барьеры отношений (Савелло, 2013, с. 2–3).

При этом билингвизм обуславливает особенности личности человека – носителя двух или нескольких языков. По мнению ряда зарубежных и отечественных авторов билингвизм влияет на эффективное развитие как эмоциональной, так и когнитивной (интеллектуальной) сфер личности.

Эмоциональная готовность к билингвальному профессиональному общению у специалиста необходимо актуализировать личностные качества (гуманность, порядочность, честность, отзывчивость и т.д.), позволяющие в полной мере реализовать следующие механизмы социальной перцепции (Иванова, 2004, 2005, с. 134–135, 17–25):

– идентификация – механизм, связанный с сознательной постановкой себя на место другого, что реализуется в виде погружения, мысленного перенесения себя в пространство и время другого человека, это постепенно приводит к усвоению его взглядов, установок, привычек, желаний и т.д.;

– эмпатия – способность к сопереживанию другому человеку; она уменьшает эффект искажения восприятия другого и способствует формированию более точного первого впечатления;

– рефлексия – осознание действующим индивидом того, как он воспринимается партнером по общению;

– каузальная атрибуция – процесс приписывания другому человеку причин его поведения, дает возможность контролировать влияние окружающего мира, принимает участие в формировании наших чувств и аттитюдов, влияет на ожидания и поведение человека, способствует созданию целостной картины мира. В контексте билингвального профессионального общения данный компонент проявляется в развитых волевых качествах личности специалиста, которые он проявляет: в процессе билингвальной подготовки, в реальных ситуациях билингвального профессионального общения в процессе преодоления возможных проблем и трудностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Иванова, И. А. Психолого-педагогические условия развития социально-перцептивных способностей у старшеклассников с признаками одаренности : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Иванова И. А. – Ставрополь, 2005. – 220 с

2. Иванова И. А. Сущность и структура социально-перцептивных способностей // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2004. – № 1. – С. 134–135.

3. Колесникова, И. А. Подготовка современного специалиста в системе многоуровневого профессионального образования / И. А. Колесникова, И. Е. Лиликталь // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия. – 2015. – № 2 (3). – С. 90–95.

4. Савелло, Е. В. Профессиональная билингвальная подготовка студентов технического вуза как фактор повышения качества профессионального образования / Е. В. Савелло, Г. Э. Маркосян, Е. О. Мартынова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 1. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-bilingvalnaya-podgotovka-studentov-tehnicheskogo-vuza-kak-faktor-povysheniya-kachestva-vysshego-professionalnogo> (дата обращения: 04.02.2016).

LINGUISTIC CHOICES OF RUSSIAN-SPEAKING PARENTS IN SWEDEN AND THEIR JUSTIFICATION

N. Ringblom (Stockholm, Sweden)

Sweden has become a new home for thousands of people nowadays. It is also one of the countries where many Russians have settled over the past few decades, mostly due to political and economic instability in Russia, work or marriage. Mixed marriages are a common phenomenon, and the number of children growing up exposed to more than one language is steadily increasing. This kind of situation, where one language is not frequently used in the community outside the home, is called family bilingualism (Genesee et al., 2004). Being bilingual or multilingual is a norm nowadays and the major part of the world's population is multilingual or bilingual. A lot of children grow up bilingually, while others miss this opportunity despite their parents speaking different languages. Even though the vast majority of parents chose to promote bilingual development, some of them do choose to speak Swedish to their children.

The aim of the present study is to investigate the linguistic choices of Russian immigrant community in Sweden and their justification. It will be focused on the home languages of the members of the Russian community, and whether Russian as an L1 is maintained and transferred to the second and third generations or not. In this talk I will discuss the attitudes towards the Russian language transmission of 15 Russian-speaking parents living in Sweden, and how these attitudes changed over time. The data was collected with the help of narrative interviews and questionnaires. It represents different kinds of family types: exogamous couples, endogamous couples, blended families and single parents. The preliminary results indicate that success in language transmission is not predicted by the family type.

This study is a part of a bigger project within a COST Action IS1306 “New Speakers in a Multilingual Europe – Opportunities and Challenges” and investigates Russian-language maintenance, transmission and loss, and the social and cultural identities of Russian-speaking informants (both male and female) in multilingual settings in Sweden.

The question of child rearing and what languages should be spoken to the children becomes crucial to almost every parent. Many of them worry whether they should bring up their children as bilinguals at all given still widespread concern that bilingualism may somehow be

harmful to children. As early as 1922, the Danish linguist Otto Jespersen stated that bilingualism was a disadvantage because children could not learn both languages equally well (Jespersen, 1922). This idea was supported by many other researchers, and the belief that bilingualism hinders academic achievement was especially widespread.

Others abandon the idea of a bilingual upbringing when they are confronted with difficulties, when bilingual development does not go so smoothly or when the child refuses to speak one of the languages, usually the language not (or rarely) spoken in the community they live in (in this case – Russian). In some mixed-marriage couples, one partner may be against bilingualism because he/she does not want to feel excluded from the community (and does not want to learn the language). Sometimes the concern may involve a fear that the child will be language-impaired because of dual language exposure. Some parents have even consulted doctors for advice (see Madden 2008). Even nowadays, doctors and nurses in different countries may recommend that parents stop speaking two languages with their children in order not to harm their overall development. The greatest mistake that paediatricians can make is failing to recognize or examine a child who has delays in language development, instead blaming bilingual context for it (see De Houwer 2009:6). Doctors have often recommended that parents should start with one language only and then successfully introduce the second one, usually when the child is around three years old and has mastered the basics of one language. Unfortunately, it is not that easy to introduce the minority language at the age of three, especially when the child does not really have a need to learn it.

On the other hand, most parents of bilingual children strongly reject the idea that their children have somehow suffered from bilingualism. On the contrary, they believe that they benefited cognitively, socially and culturally as a consequence of being bilingual (Caldas, 2006). Moreover, there is no research evidence that linguistic development in bilingual children as a group is slower than in monolingual children. Instead, similar ranges of variation are present (De Houwer, 2009, p. 6).

It is known that language attitudes of adult speakers towards their heritage language, its intergenerational transmission and maintenance are often considered to be the major contributors to the linguistic outcome of their children. The ethno linguistic vitality model proposed by Giles, Bourhis & Taylor (1977) takes into account variables that may contribute to the influence on the maintenance or loss of the home language. Such factors as social networks have also been reported to be re-

sponsible for the high or low maintenance of a specific speech variety (Milroy, Wei, 2005). Clearly defined transmission strategies are associated with success, where the most effective one is the one parent – one language strategy, which has been confirmed by several studies (Ringblom, 2012). Parental language choice is definitely one of the main factors contributing to successful transmission.

However, children's language choices also influence the language choices of their parents, which in turn may change the language patterns among the parents. The parents often switch to the majority language to accommodate the language choices of their children. The question is how this will influence parental attitudes towards bilingual upbringing and language transmission to the second generation.

Individuals change their minds and attitudes, which is reflected in the theory of cognitive dissonance (Festinger, 1957). They try to reduce tension produced by any inconsistency. People do this by changing the inconsistent cognition and they look for additional evidence to prefer one choice over another, often laying the blame on the child who “refuses to speak” some particular language. This “refusal” usually happens around the age of two (the period known as a vocabulary spurt), when the child's vocabulary grows very fast, and if the child does not get enough input in one of the languages, she/he will simply choose the language that is easily accessible to him/her, without even reflecting which language it is.

On the other hand, parental attitudes towards bilingualism and Russian language transmission (including the change of these attitudes over the years) - depending on the parents' success in bringing up children bilingually - seem to matter. A lot depends on whether there is a tendency for integration with the dominant language community, for staying isolated and only preserving the home language or for having a balanced bilingual/multilingual approach and positive attitude towards both majority and minority languages. The socio-economic status, level of education and mother's employability also play crucial roles in language transmission and attitudes. The linguistic repertoire of the father (minority, majority or mixed) also seem to have an effect.

In Sweden, Russian is a migrant language that is still spoken by a rather small minority group – immigrants or members of mixed marriage families – and may come under threat of extinction in the future in this country. Russian-speaking parents often get stuck on the one-parent, one-language strategy when using languages at home. Even though multilingualism and the maintenance of the Russian language

and culture among children are usually encouraged, the parents tend to select mainstream language education (in Swedish) when it comes to school choices and extra curriculum activities.

REFERENCES

1. Caldas, S. Raising bilingual-biliterate children in monolingual cultures / S. Caldas. – Clevedon : Multilingual Matters, 2006.
2. De Houwer, A. Bilingual first language acquisition / A. De Houwer. – Bristol : Multilingual Matters, 2009.
3. Genesee, F. Dual language development and disorders: a handbook on bilingualism and second language learning / F. Genesee, J. Paradis, M. Crago. – Baltimore : Brookes, 2004.
4. Gillis, M. The emergence of sentence modalities in the English of Japanese-speaking children / M. Gillis, R. Weber // Language learning. – 1976. – Vol. 26. – P. 77–94.
5. Jespersen, O. Language: its nature, development and origin / O. Jespersen. – London : Allen & Unwin, 1922.
6. Мадден, Е. Наши трехязычные дети / Е. Мадден. – СПб. : Златоуст, 2008.
7. Ringblom, N. The Acquisition of Russian in a Language Contact Situation. A Case Study of a Bilingual Child in Sweden. PhD Dissertation / N. Ringblom. – Stockholm, 2012.

«OUR CITIZENSHIP IS IN HEAVEN». WHAT ABOUT THE BODIES? COMMON TRENDS IN BODY MASS INDEX OF CHILDREN OF MIGRANTS

A. Suchomlinov (Vilnius, Lithuania)

Objectives. During the recent years, migration has become a global issue having a huge impact on world's economy and politics. A wide range of specialists deals with the problems associated with migration – from police officers to social workers. However, for the anthropologists, one of the most important and interesting things to investigate is the common trend in the body size of children of migrants.

Factors associated with body mass index. In general, the variation in body mass index (BMI) is influenced by genetic and environmental factors (Hermanussen, 2013). In comparison with other envi-

ronmental factors, socioeconomic ones have recently been assumed to have the greatest impact on child growth (Roche & Sun, 2003; Haas & Campirano, 2006; Walker et al., 2006). This big group of factors includes levels of maternal and paternal education, parents' occupation, family income and dietary patterns.

The relationship between socioeconomic factors and child weight and BMI is complex. It has been shown that people in poor countries (both adults and children) living under good socioeconomic conditions have a greater risk of being overweight or obese (Wang, 2001; Ulijaszek & Lofink, 2006; Wang & Lobstein, 2006; Ulijaszek, 2007; Navti et al., 2014). This phenomenon has been explained by the fact that in poor countries high body weight is often associated with greater wealth (Ulijaszek et al., 1998). For a long time, the prevalence of overweight and obesity in poorer countries has been lower than in developed regions. However, recent studies from developing countries have shown an increase in overweight and obesity among children and adolescents (Reddy et al., 2012), especially in large cities (Zhang et al., 2012). Still, obesity problems are more typical of families of low socioeconomic status (Ulijaszek et al., 1998; Ulijaszek & Lofink, 2006; Wang & Lobstein, 2006; Moschonis et al., 2010).

Auxologists agree that such factors as parental occupation, level of education and 'intelligence' (which lead to understanding how a child should be raised) are very important, but are very difficult to measure. Some authors stated that occupation and level of education of both parents have had an impact on their child's growth (Bielicki et al., 2005); others, that a child's growth correlates more with either the father's or mother's educational level (Heineck, 2006; Hui et al., 2008; Bornstein & Bradley, 2014). In some studies the association between children's physical indices and parental educational level was neglected and family income was named as the most important factor (Joshi et al., 2005; Gultekin et al., 2006; Turan et al., 2007). Even occupation of grandparents has been found to play an important role (Young et al., 2008).

In developed countries, father's occupation has been related to bigger body size indices of the child (Brisbois et al., 2012), whereas in developing countries maternal educational level has been found to be more important (Leroy et al., 2014). However, in countries with the best economies and social guarantees (e.g. in Scandinavia), maternal educational level seems to play the most important role: in this case, income does not matter (in such countries even unqualified labourers earn

enough), but an understanding how to raise children matters more, and this might be called ‘intelligence’ (Mortensen et al., 2008).

Other important factors are ethnic and cultural. Though ethnic factors are mainly understood as inherited ones, ethnicity is also related to particular cultural factors: people of different ethnicities live together in one country, but they have different traditions and religious views (i.e. different lifestyles, family patterns, reproductive age, dietary habits, etc.). There is an opinion that due to the globalization process, the associations between body size and cultural factors might even disappear in the future (Roche & Sun, 2003). At present, however, ethnic and cultural factors are still considered to be associated with body size (Guerrero et al., 2015).

Migration and body mass index. An interaction of both socioeconomic and ethnic/cultural factors is observed in a case of migrants and especially their children. It has often been stated that immigrants have the highest chance of being overweight or obese, possibly due to their lower socioeconomic status (Will et al., 2005; Kirchengast & Schober, 2006; Kilaf & Kirchengast, 2011). Thus their risk of suffering from arterial hypertension, coronary heart disease and type II diabetes mellitus is also higher (Ujcic-Voortman et al., 2012). These diseases shorten the lifespan; moreover, their treatment is very costly for the state.

The children of immigrants have been reported to have a higher risk of overweight and obesity even in comparison to the natives from the same socioeconomic stratum (Saxena et al., 2004; Will et al., 2005; Kirchengast & Schober, 2006; Harding et al., 2008; Foets et al., 2015). In the recent years, the trend still persists. In New Zealand, immigration has increased BMI and obesity among 3-5 year-old children of immigrants from Tonga; these impacts have occurred because of dietary change rather than direct income effects (Stillman et al., 2012). In Sweden, children of immigrant parents have a higher risk of overweight and obesity, first of all because of being less physically active (Besharat Pour, 2015).

According to another study, female immigrants to the U.S. often have lower (healthier) pre-pregnancy weight than U.S.-born women, and this may be protective against their children’s obesity. This protection, however, is not sufficiently strong to outweigh factors associated or correlated with their linguistic isolation and marginal status as immigrants (Baker et al., 2015). Moreover, recent immigrants in general are usually larger at their time of arrival to a host country than the earlier

ones; the increase in BMI among Asians is the most rapid (Xi et al., 2015). The latter findings support the observation about the rising body weight and obesity rates worldwide.

Parental out-migration is also associated with negative outcomes for children. Exposure to parental migration and belonging to a remittance-receiving family may predict reduction in physical activity in school-age children left behind (Palos-Lucio et al., 2015); international migration tends to have a less beneficial impact on the growth of children left behind than internal migration (Lu 2015). Children being raised by grandparents seem to have a higher risk of overweight and obesity (Moschonis et al., 2010).

Nevertheless, there also is some good news. Immigrant adolescents residing in Spain for 6 years or under have shown a higher overweight risk than both the Spanish adolescents and immigrants who had lived in Spain for longer than 6 years; later, however, changes in lifestyle associated to a longer duration of residence in a host country seem to have a slightly protective effect on the risk of being overweight in immigrant adolescents (Esteban-Gonzalo et al., 2015). According to Tovar and colleagues, the feeding style of recent immigrant mothers in U.S. on dietary intake of their children also changes to a healthier attitude with length of time (Tovar et al., 2015).

Value. The prevalence of overweight and obesity is different in every country, though the tendency shows that during the last decade it has risen and still remains high worldwide. Up to 35% of school age children in most countries of Europe are overweight and obese; in some countries the rates are still increasing (Ng et al., 2014). Since overweight and obese children remain overweight as adults (Stovitz et al. 2010, Finkelstein et al. 2014), it is very important to target the families at high risk. As seen from above, education and integration seem to be the key answers to this problem in migration-associated individuals.

REFERENCES

1. Baker, E. H. Epidemiological paradox or immigrant vulnerability? Obesity among young children of immigrants / E. H. Baker, M. S. Rendall, M. M. Weden // *Demography*. – 2015. – Vol. 52. – P. 1295–1320.
2. Besharat Pour, M. Body mass index, Nutrition and Parental Migration: From Birth to Adolescence. Thesis for Doctoral degree (Ph.D.) at Karolinska Institutet. Universitetservice US-AB / M. Besharat Pour. – Stockholm, 2015.

3. Changing patterns of social variation in stature in Poland: effects of transition from a command economy to the free-market system? / T. Bielicki, A. Szklarska, S. Koziel, S. J. Ulijaszek // *Journal of Biosocial Science*. – 2005. – Vol. 37. – P. 427–434.

4. Socioeconomic Status, Parenting, and Child Development / M. H. Bornstein, R. H. Bradley (eds). – Routledge, 2014.

5. Brisbois, T. D. Early markers of adult obesity: a review / T. D. Brisbois, A. P. Farmer, L. J. McCargar // *Obesity Reviews*. – 2012. – Vol. 13 (4). – P. 347–367.

6. Immigrant Status, Acculturation and Risk of Overweight and Obesity in Adolescents Living in Madrid (Spain): The AFINOS Study / L. Esteban-Gonzalo, O. L. Veiga, E. Regidor, D. Martinez, A. Marcos, M. E. Calle // *Journal of Immigrant and Minority Health*. – 2015. – Vol. 17. – P. 367–374.

7. Finkelstein, E. A. Lifetime direct medical costs of childhood obesity / E. A. Finkelstein, W. C. Graham, K. R. Malhotra // *Pediatrics*, 2014. – Vol. 133. – P. 854–862.

8. Differences in overweight among children from migrant and native origin in the Netherlands / M. Foets, W. Labree, D. van de Mheen, F. Rutten, G. Rodenburg, G. Koopmans // *European Journal of Public Health*. – 2015. – Vol. 25 (3). – P. 390.

9. Racial and Ethnic Disparities in Early Childhood Obesity: Growth Trajectories in Body Mass Index / A. D. Guerrero, C. Mao, B. Fuller, M. Bridges, T. Franke, A. A. Kuo // *Journal of Racial and Ethnic Health Disparities*. – 2015. – P. 1–9.

10. Growth of children living in the outskirts of Ankara: impact of low socio-economic status / T. Gultekin, R. Hauspie, C. Susanne, E. Gulec // *Annals of Human Biology*. – 2006. – Vol. 33 (1). – P. 43–54.

11. Haas, J. D. Interpopulation variation in height among children 7 to 18 years of age / J. D. Haas, F. Campirano // *Food and Nutrition Bulletin* 27 (supplement) , 2006. – P. 212–223.

12. Ethnic differences in overweight and obesity in early adulthood in the MRC DASH study: the role of adolescent and parental lifestyle / S. Harding, A. Teyhan, M. J. Maynard, J. K. Criuckshank // *International Journal of Epidemiology*. – 2008. – Vol. 37. – P. 162–172.

13. Heineck, G. Height and weight in Germany: evidence for the German socio-economic panel, 2002 / G. Heineck // *Economics & Human Biology*. – 2006. – Vol. 4 (3). – P. 359–382.

14. Auxology. Studying Human Growth and Development / M. Hermanussen [ed.]. – Stuttgart : Schweizerbart Science Publishers, 2013.

15. Birth weight, infant growth, and childhood body mass index: Hong Kong's children of 1997 birth cohort / L. L. Hui, G. M. Leung,

B. J. Cowling, T. H. Lam, C. M. Schooling // *Archives of Pediatrics and Adolescent Medicine*. – 2008. – Vol. 162 (3). – P. 212–218.

16. Joshi, N. Effects of economic status and education level on the height and weight of community adolescents in Nepal / N. Joshi, T. Rikimaru, P. Sharada // *Journal of Nutritional Science and Vitaminology*. – 2005. – Vol. 51 (4). – P. 231–238.

17. Kirchengast, S. To be an immigrant: a risk factor for developing overweight and obesity during childhood and adolescence? / S. Kirchengast, E. Schober // *Journal of Biosocial Science*. – 2006. – Vol. 38. – P. 695–705.

18. Kilaf, E. Socio-economic position and obesity among Turkish migrant women in Vienna, Austria / E. Kilaf, S. Kirchengast // *Life Science Journal*. – 2011. – Vol. 3. – P. 107–116.

19. Maternal education mitigates the negative effects of higher income on the double burden of child stunting and maternal overweight in rural Mexico / J. L. Leroy, J-P. Habicht, T. Gonzalez de Cossio, M. T. Ruel // *Journal of Nutrition*. – 2014. – Vol. 144. – P. 765–770.

20. Lu, Y. Internal migration, international migration, and physical growth of left-behind children: a study of two settings / Y. Lu // *Health, Place*. – 2015. – Vol. 36. – P. 118–126.

21. Social inequality in fetal growth: a comparative study of Denmark, Finland, Norway and Sweden in the period 1981–2000 / L. H. Mortensen, F. Diderichsen, A. Arntzen, M. Gissler, S. Cnattingius, O. Schnor [et al.] // *Journal of Epidemiology & Community Health*. – 2008. – Vol. 62. – P. 325–331.

22. Social, economic and demographic correlates of overweight and obesity in primary-school children: preliminary data from the Healthy Growth Study / G. Moschonis, S. Tanagra, A. Vandorou, A. E. Kyriakou, V. Dede, P. E. Siatitsa [et al.] // *Public Health Nutrition*. – 2010. – Vol. 13. – P. 1693–1700.

23. Contribution to socioeconomic status, stature and birth weight to obesity in Sub-Saharan Africa: cross-sectional data from primary school-age children in Cameroon / L. K. Navti, U. Ferrari, E. Tange, S. Bechtold-Dalla Pozza, K. G. Parhofer // *BMC Public Health*. – 2014. – Vol. 14. – P. 320–327.

24. Global, regional, and national prevalence of overweight and obesity in children and adults during 1980–2013: a systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2013 / M. Ng, T. Fleming, M. Robinson, B. Thomson, N. Graetz, C. Margono [et al.] // *Lancet*. – 2014. – Vol. 384 (9945). – P. 766–81.

25. Association between migration and physical activity of school-age children left behind in rural Mexico / G. Palos-Lucio, M. Flores, M. Rivera-Pasquel, V. N. Salgado-de-Snyder, E. Monterrubio, S. Henao, N. Macias // *International Journal of Public Health*. – 2015. – Vol. 60. – P. 49–58.

26. Rapid increases in overweight and obesity among South African adolescents: comparison of data from the South African National Youth Risk Behaviour Survey in 2002 and 2008 / S. P. Reddy, K. Resnicow, S. James, I. N. Funani, N. S. Kamaran, R. J. Omardien [et al.] // *American Journal of Public Health*. – 2012. – Vol. 102. – P. 262–268.

27. Roche, A. F. *Human Growth: Assessment and Interpretation* / A. F. Roche, S. S. Sun. – Cambridge University Press, Cambridge, 2003.

28. Ethnic group differences in overweight and obese children and young people in England: cross sectional survey / S. Saxena, G. Ambler, T. J. Cole, A. Majeed // *Archives of Disease in Childhood*. – 2004. – Vol. 89. – P. 30–36.

29. Stillman, S. The impact of immigration on child health: experimental evidence from a Migration Lottery Program / S. Stillman, J. Gibson, D. McKenzie // *Economic Inquiry*. – 2012. – Vol. 50 (1). – P. 62–81.

30. Child height and the risk of young-adult obesity / S. D. Stovitz, P. J. Hannan, L. A. Lytle, E. W. Demerath, M. A. Pereira, J. H. Himes // *American Journal of Preventive Medicine*. – 2010. – Vol. 38. – P. 74–77.

31. Low demanding parental feeding style is associated with low consumption of whole grains among children of recent immigrants / A. Tovar, S. F. Choumenkovitch, E. Hennessy, R. Boulos, A. Must, S. O. Hughes [et al.] // *Appetite*, 2015. – Vol. 95. – P. 211–218.

32. The effect of economic status on height, insulin-like growth factor (IGF)-I and IGF binding protein-3 concentrations in healthy Turkish children / S. Turan, A. Bereket, A. Furman, A. Omar, M. Berber, A. Ozen [et al.] // *European Journal of Clinical Nutrition*. – 2007. – Vol. 61. – P. 752–758.

33. Obesity and cardiovascular disease risk among Turkish and Moroccan migrant groups in Europe: a systematic review / J. K. Ujic-Voortman, C. A. Baan, J. C. Seidell, A. P. Verhoeff // *Obesity Reviews* 2012. – Vol. 13. – P. 2–16.

34. Ulijaszek, S. J. Obesity: a disorder of convenience / S. J. Ulijaszek // *Obesity Reviews*. – 2007. – Vol. 8 (1). – P. 183–187.

35. Ulijaszek, S. J. *The Cambridge Encyclopedia of Human Growth and Development* / S. J. Ulijaszek, F. E. Johnston, M. A. Preece. – Cambridge : Cambridge University Press, 1998.

36. Ulijaszek, S. J. Obesity in biocultural perspective / S. J. Ulijaszek, H. Lofink // *Annual Review of Anthropology*. – 2006. – Vol. 35. – P. 337–360.

37. Growth rates and life histories in twenty-two small-scale societies / R. Walker, M. Gurven, K. Hill, A. Migliano, N. Chagnon, R. De Souza [et al.] // *American Journal of Human Biology*. – 2006. – Vol. 18. – P. 295–311.

38. Wang, Y. Cross-national comparison of childhood obesity: the epidemic and the relationship between obesity and socioeconomic status / Y. Wang // *International Journal of Epidemiology*. – 2001. – Vol. 30. – P. 1129–1136.
39. Wang, Y. Worldwide trends in childhood overweight and obesity / Y. Wang, T. Lobstein // *International Journal of Pediatric Obesity*. – 2006. – Vol. 1. – P. 11–25.
40. Will, B. Overweight and obesity at school entry among migrant and German children: a cross-sectional study / B. Will, H. Zeeb, B. T. Baune // *BMC Public Health*. – 2005. – Vol. 5. – P. 45.
41. Xi, J. Are recent immigrants larger than earlier ones at their arrival? Cohort variation in initial BMI among US immigrants, 1989–2011 / J. Xi, B. Takyi, E. Lamptey // *Journal of Immigrant and Minority Health*. – 2015. – Vol. 17. – P. 1854–1862.
42. Young, K. Post-famine stature and socioeconomic status in Ireland / K. Young, J. H. Relethford, M. H. Crawford // *American Journal of Human Biology*. – 2008. – Vol. 20. – P. 726–731.
43. Further increase of obesity prevalence in Chinese children and adolescents – cross-sectional data of two consecutive samples from the city of Shanghai from 2003 to 2008 / M. Zhang, F. Guo, Y. Tu, W. Kiess, C. Sun, X. Li [et al.] // *Pediatric Diabetes*. – 2012. – Vol. 13. – P. 572–577.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алиева Тарлан Икрам-кызы, педагог-психолог, средняя школа № 19 (г. Мингечаур, Азербайджан).

Алишев Булат Салямович, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии Института психологии и образования ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань, Россия).

Арпентьева Мариям Равильевна, доктор психологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры психологии развития и образования, руководитель лаборатории психолого-педагогического сопровождения семьи и детства Центра социально-гуманитарных исследований ФГБОУ ВПО «Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского» (г. Калуга, Россия).

Афанасьев Сергей Владимирович, доктор психологии (PhD.), психолог-психотерапевт частной практики (г. Барнаул, Россия).

Бабкина Надежда Геннадьевна, аспирант кафедры психологии ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет» (г. Курск, Россия).

Беляева Елена Вячеславовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет» (г. Курск, Россия).

Блинова Елена Евгеньевна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Херсонского государственного университета (г. Херсон, Украина).

Бузыкина Юлия Сергеевна, старший преподаватель кафедры прикладной психологии ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Бучилова Ирина Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет» (г. Череповец, Россия).

Гоголь Светлана Сергеевна, магистрант направления подготовки «Психология» (магистерская программа – «Кросс-культурная психология») ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия).

Гриценко Валентина Васильевна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии ОУ ВО «Смоленский гуманитарный университет» (г. Смоленск, Россия).

Дроздова Ирина Ивановна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии образования Академия психологии и педагогики ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону, Россия).

Дубовицкая Екатерина Андреевна, магистрант направления подготовки «Психология» (магистерская программа – «Кросс-культурная психология») ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия).

Елисеева Жанна Михайловна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Журавлева Надежда Анатольевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии РАН (г. Москва, Россия).

Израйловиц Ричард, Ph. D., профессор, директор исследовательского центра RADAR (Regional Alcohol and Drug Abuse Research Center) Университета Бен-Гурион в Негеве (г. Беэр-Шева, Израиль).

Ионова Мария Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева» (г. Саранск, Россия).

Карен Юссара Агилар Онья, магистрант направления подготовки «Психология» ФГБОУ ВПО «Российский университет дружбы народов (РУДН)» (г. Москва, Россия).

Карина Ольга Витальевна, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии Балашовского института (филиала) ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского» (г. Балашов, Россия).

Кирдяшова Евгения Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева» (г. Саранск, Россия).

Киселева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии Балашовского института (филиала) ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского» (г. Балашов, Россия).

Ковалева Наталья Александровна, кандидат психологических наук, научный сотрудник Российского союза научных и инженерных общественных объединений «Саранский дом науки и техники» (г. Саранск, Россия).

Колесникова Инна Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (г. Ставрополь, Россия).

Константинов Всеволод Валентинович, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей психологии ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Коповой Андрей Сергеевич, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики профессионального образования Балашовского института (филиала) ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского» (г. Балашов, Россия).

Котлярова Любовь Николаевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры управления ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (г. Москва, Россия).

Крупник Иван Романович, кандидат психологических наук, преподаватель кафедры общей и социальной психологии Херсонского государственного университета (г. Херсон, Украина).

Кузнецов Олег Михайлович, директор ООО «Арокс» (г. Москва, Россия).

Кузьмичева Любовь Алексеевна, магистрант направления подготовки «Психология» (магистерская программа – «Кросс-культурная психология») ФГБОУ ВПО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия).

Куприянова Вера Николаевна, учитель начальных классов ГБОУ СОШ № 1221 (г. Москва, Россия).

Курков Владимир Михайлович, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева» (г. Саранск, Россия).

Лапшина Татьяна Васильевна, аспирант кафедры общей психологии ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Лилиенталь Ирина Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент, научный сотрудник Научно-образовательного центра психологического сопровождения личностно-профессионального развития ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет» (г. Ставрополь, Россия).

Логвинов Игорь Николаевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет» (г. Курск, Россия).

Маликова Наиля Рамазановна, доктор социологических наук, профессор, профессор Высшей школы современных социальных наук (факультет) ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова», действительный член / академик Академии военных наук (г. Москва, Россия).

Маслова Ольга Васильевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент-исследователь кафедры социальной и дифференциальной психологии ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов (РУДН)» (г. Москва, Россия).

Маслова Светлана Геннадьевна, магистрант ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет» (г. Курск, Россия).

Мельничук Марина Геннадиевна, старший преподаватель кафедры философии Харьковского национального университета радиоэлектроники (г. Харьков, Украина).

Миронова Татьяна Ивановна, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии и акмеологии ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова» (г. Кострома, Россия).

Михайлов Валерий Анатольевич, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики ФГОС

ВПО «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России» (г. Санкт-Петербург, Россия).

Михайлова Валентина Владиславовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики ФГОС ВПО «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России» (г. Санкт-Петербург, Россия).

Низамова Лилия Равильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань, Россия).

Новикова Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной и дифференциальной психологии ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов (РУДН)» (г. Москва, Россия).

Орличенко Екатерина Андреевна, студентка факультета управления и экономики высоких технологий ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (г. Москва, Россия).

Осин Роман Викторович, кандидат психологических наук, психолог частной практики (г. Пенза, Россия).

Петрова Наталия Павловна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет» (г. Краснодар, Россия).

Попович Игорь Степанович, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и образовательного менеджмента Херсонского государственного университета (г. Херсон, Украина).

Пшеничникова Наталья Анатольевна, магистрант кафедры педагогики ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева» (г. Саранск, Россия).

Ревенко Светлана Павловна, преподаватель кафедры общей и социальной психологии, ведущий специалист социально-психологической службы Херсонского государственного университета (г. Херсон, Украина).

Резник Александр, Ph.D., старший исследователь исследовательского центра RADAR (Regional Alcohol and Drug Abuse Research Center) Университета Бен-Гурион в Негеве (г. Беэр-Шева, Израиль).

Рогова Елена Николаевна, уполномоченный по правам человека в Пензенской области.

Рягузова Елена Владимировна, доктор психологических наук, заведующий кафедрой психологии личности ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия).

Салмин Михаил Алексеевич, Начальник Управления Федеральной миграционной службы России по Пензенской области, государственный советник Российской Федерации 2 класса (г. Пенза, Россия).

Сарычев Сергей Васильевич, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет» (г. Курск, Россия).

Силаков Александр Святославович, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет» (г. Курск, Россия).

Смирнов Виктор Михайлович, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры безопасности жизнедеятельности Балашовского института (филиала) ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского» (г. Балашов, Россия).

Смотрова Татьяна Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии Балашовского института (филиала) ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского» (г. Балашов, Россия).

Суворова Ирина Юрьевна, соискатель ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова» (г. Москва, Россия).

Султанова Аклима Накиповна, кандидат медицинских наук, доцент кафедры клинической психологии ГБОУ ВПО «Новосибирский медицинский университет» (г. Новосибирск, Россия).

Толбатовская Елена Геннадьевна, кандидат педагогических наук, заместитель директора по научной работе ФГБОУ ВПО

«Кубанский государственный университет», филиал в г. Геленджике (г. Геленджик, Россия).

Трошина Ирина Владимировна, студентка направления подготовки «Психология» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия).

Троянская Анна Игоревна, кандидат психологических наук, доцент кафедры экономики предприятия ФГБОУ ВПО «Ижевский государственный технический университет им. М. Т. Калашникова» (г. Ижевск, Россия).

Фетискин Николай Петрович, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры, заведующий кафедрой общей психологии и акмеологии ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова» (г. Кострома, Россия).

Фомичева Анастасия Евгеньевна, кандидат психологических наук, внештатный сотрудник кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования ГБОУ ВПО «Московский городской психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия).

Хухлаев Олег Евгеньевич, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования ГБОУ ВПО «Московский городской психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия).

Цой Гунвон, аспирант, стажер-исследователь Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований, ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"» (г. Москва, Россия).

Шанин Сергей Викторович, кандидат педагогических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный аграрный университет им. Н. И. Вавилова» (г. Саратов, Россия).

Шепелева Светлана Витальевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и акмеологии ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова» (г. Кострома, Россия).

Шиманчук Сергей Владимирович, студент направления подготовки «Психология» Кокшетауского государственного университета им. Ш. Уалиханова (г. Кокшетау, Казахстан).

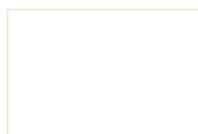
Шляхта Дмитрий Александрович, доцент-исследователь кафедры социальной и дифференциальной психологии ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов (РУДН)» (г. Москва, Россия).

Шустова Наталья Евгеньевна, кандидат социологических наук, доцент, декан социально-гуманитарного факультета Балашовского института (филиала) ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского» (г. Балашов, Россия).

Ярмашова Ксения Владимировна, магистрант направления подготовки «Педагогическое образование» ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет» (г. Ставрополь, Россия).

Ringblom Natalia, PhD, Stockholm University (Stockholm, Sweden).

Andrej Suchomlinov, Ph. D., Department of Anatomy, Histology and Anthropology, Vilnius University, Faculty of Medicine (Vilnius, Lithuania).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
<i>Алиева Т. И., Бучилова И. А.</i> ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ ИЗ СЕМЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ НА ИСТОРИЧЕСКОЙ РОДИНЕ	3
<i>Алишев Б. С.</i> БИЛИНГВИЗМ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ.....	8
<i>Арпентьева М. Р.</i> КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПСИХОСОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ	11
<i>Афанасьев С. В.</i> МЕДИТАЦИЯ В КОРРЕКЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК КЛЮЧЕВОГО ФАКТОРА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ	18
<i>Бабкина Н. Г.</i> СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ, ВОЛЕВОЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАТИВНОСТИ ГРУППЫ ПРИ ПРИНЯТИИ ГРУППОВЫХ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ АДАПТАЦИИ ПОДРОСТКОВ К РАЗВИВАЮЩЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ	24
<i>Беляева Е. В.</i> ЭТАПЫ И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ	31
<i>Блинова Е. Е.</i> СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ ИЗ УКРАИНЫ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	38
<i>Бузыкина Ю. С.</i> ПЕРЕЖИВАНИЕ ЛИЧНОСТЬЮ ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ И ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ К НЕЙ.....	44
<i>Гоголь С. С., Дубовицкая Е. А., Кузьмичева Л. А.</i> СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СТУДЕНТА ИЗ ИРАКА, ОБУЧАЮЩЕГОСЯ В РОССИИ	47
<i>Гриценко В. В., Смотрова Т. Н.</i> СООТВЕТСТВИЕ ДОМИГРАЦИОННЫХ ОЖИДАНИЙ РЕАЛЬНЫМ УСЛОВИЯМ ПРОЖИВАНИЯ КАК ФАКТОР УСПЕШНОСТИ АДАПТАЦИИ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ ИЗ УКРАИНЫ И КАЗАХСТАНА.....	53

<i>Дроздова И. И.</i> ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ВЫНУЖДЕННЫМ МИГРАНТАМ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ПСИХОЛОГА ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ).....	60
<i>Елисеева Ж. М., Трошина И. В.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ КАК ПОКАЗАТЕЛЯ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ ИЗ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ К УСЛОВИЯМ ВУЗА	64
<i>Журавлева Н. А.</i> ДИНАМИКА ЦЕННОСТНЫХ ПРИОРИТЕТОВ КАК СТРАТЕГИЯ АДАПТАЦИИ К НОВОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СРЕДЕ.....	69
<i>Кирдяшова Е. В., Пшеничникова Н. А., Курков В. М.</i> КУЛЬТУРА МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ИЗ СЕМЕЙ МИГРАНТОВ КАК ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА.....	75
<i>Киселева М. А., Шустова Н. Е., Карина О. В.</i> ПРОКРАСТИНАЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ.....	84
<i>Н. А. Ковалева, Ионова М. С.</i> СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ С ЭКСТРАВЕРТНЫМ И ИНТРОВЕРТНЫМ ТИПОМ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ	88
<i>Коповой А. С.</i> ВЛИЯНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ НА ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И ГРУППОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА.....	93
<i>Котлярова Л. Н., Кузнецов О. М., Орличенко Е. А.</i> ЛИЧНОСТНЫЙ РЕСУРС ТРУДОВЫХ ИММИГРАНТОВ-ЖЕНЩИН, РАБОТАЮЩИХ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА.....	98
<i>Крупник И. Р.</i> «ФЕМИННОСТЬ» СЕМЕЙНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ У МАЛЬЧИКОВ-ПОДРОСТКОВ ИЗ СЕМЕЙ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ.....	104
<i>Куприянова В. Н.</i> СТРАТЕГИИ АККУЛЬТУРАЦИИ ИММИГРАНТОВ-РОДИТЕЛЕЙ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА.....	109
<i>Латишина Т. В., Константинов В. В.</i> СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРИНИМАЮЩЕГО СООБЩЕСТВА И СПЕЦИФИКА ПРОЖИВАНИЯ МИГРАНТОВ	114

<i>Логвинов И. Н.</i> ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К МИГРАНТАМ КАК ОСНОВА ДЛЯ ИХ УСПЕШНОЙ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ	120
<i>Маликова Н. Р.</i> ДЕЗАДАПТАЦИЯ ИММИГРАНТОВ В ЕС: НЕГАТИВНЫЕ УРОКИ ЕВРОПЕЙСКОГО ОПЫТА ДЛЯ РОССИИ	125
<i>Маслова О. В., Шляхта Д. А., Агиляр К. Ю. О.</i> ОБ ОСОБЕННОСТЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ СТУДЕНТОВ В РОССИИ	133
<i>Мельничук М. Г.</i> ПСИХОСОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ ИЗ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ: РАЗРАБОТКА НОВОГО СКРИНИНГ-ИНСТРУМЕНТА	138
<i>Миронова Т. И., Фетискин Н. П., Шепелева С. В.</i> ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТОГЕННЫХ УСЛОВИЯХ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ	141
<i>Михайлов В. А., Михайлова В. В.</i> ПСИХОПЕДАГОГИКА ПРОЦЕССУАЛЬНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ В ПОДГОТОВКЕ МИГРАНТОВ К ЖИЗНИ И РАБОТЕ В РОССИИ	147
<i>Низамова Л. Р.</i> СОЦИАЛЬНОЕ ВКЛЮЧЕНИЕ МИГРАНТОВ И РЕГУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МАССМЕДИА	152
<i>Новикова И. А.</i> ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ВУЗА	157
<i>Осин Р. В.</i> УСПЕШНОСТЬ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ	164
<i>Петрова Н. П.</i> ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ В ВУЗЕ КРЕАТИВНОСТИ И ТОЛЕРАНТНОСТИ КАК ПОКАЗАТЕЛЕЙ АДАПТИРОВАННОСТИ СТУДЕНТОВ	170
<i>Попович И. С.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНЫХ ОЖИДАНИЙ ЛИЧНОСТИ В АДАПТАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ	174

<i>Ревенко С. П.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ К НОВЫМ УСЛОВИЯМ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	180
<i>Резник А., Израйловиц Р.</i> МОЛОДЫЕ ИЗРАИЛЬТЯНЕ ИЗ СЕМЕЙ ИММИГРАНТОВ: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ, РИСКОВАННОГО ПОВЕДЕНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ	187
<i>Рогова Е. Н.</i> ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СФЕРЕ МИГРАЦИИ	192
<i>Салмин М. А.</i> К ВОПРОСУ О МИГРАЦИОННОЙ ОБСТАНОВКЕ В ПЕНЗЕНСКОМ РЕГИОНЕ	196
<i>Сарычев С. В., Маслова С. Г.</i> СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГРУППОВОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНЧЕСКИХ ГРУПП	202
<i>Силаков А. С.</i> ФАКТОРЫ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ-МИГРАНТОВ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ	207
<i>Смирнов В. М.</i> ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ МИГРАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	212
<i>Смотрова Т. Н.</i> СПЕЦИФИКА СОВЛАДАНИЯ С ЧУВСТВАМИ ВИНЫ И СТЫДА У ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАНТОВ И ПРИНИМАЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ	215
<i>Суворова И. Ю.</i> СОЦИАЛЬНАЯ ЭКСКЛЮЗИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ МИГРАЦИИ.....	220
<i>Султанова А. Н.</i> АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ И АССОЦИИРОВАННЫХ АФФЕКТИВНЫХ РАССТРОЙСТВ У ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ И МИГРАНТОВ-СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ.....	224
<i>Рягузова Е. В.</i> ДИАДА «ПРЕПОДАВАТЕЛЬ – ИНОСТРАННЫЙ СТУДЕНТ» В ЗЕРКАЛЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ.....	231
<i>Толбатовская Е. Г., Колесникова И. А.</i> БИЛИНГВИЗМ: ПУТЬ К МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	238

<i>Троянская А. И.</i> РЕФЛЕКСИЯ КАК ОСНОВА ОРИЕНТИРОВАНИЯ И ГРАЖДАНСКОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ	242
<i>Фетискин Н. П.</i> СПЕЦИФИКА ДЕВИАНТНОЙ АДАПТИВНОСТИ КРЕАТИВНО ОДАРЕННЫХ ДЕТЕЙ К ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТНЫМ ЗАТРУДНЕНИЯМ.....	248
<i>Хухлаев О. Е., Фомичева А. Е.</i> ОБУЧЕНИЕ В СОТРУДНИЧЕСТВЕ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ИНТЕГРАЦИИ ДЕТЕЙ-МИГРАНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ.....	253
<i>Цой Гунвон</i> СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ И АККУЛЬТУРАЦИЯ СЕВЕРОКОРЕЙСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ	258
<i>Шанин С. В.</i> ВОСПИТАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ У ДЕТЕЙ-МИГРАНТОВ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОН.....	262
<i>Шиманчук С. В.</i> К ВОПРОСУ ОБ АДАПТАЦИИ К НОВЫМ УСЛОВИЯМ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ	267
<i>Ярмашова К. В., Лилюенталь И. Е.</i> ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ГОТОВНОСТЬ К БИЛИНГВАЛЬНОМУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБЩЕНИЮ	270
<i>Ringblom N.</i> LINGUISTIC CHOICES OF RUSSIAN-SPEAKING PARENTS IN SWEDEN AND THEIR JUSTIFICATION.....	273
<i>Suchomlinov A.</i> «OUR CITIZENSHIP IS IN HEAVEN». WHAT ABOUT THE BODIES? COMMON TRENDS IN BODY MASS INDEX OF CHILDREN OF MIGRANTS	276
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	284

Электронное научное издание

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ
МИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Материалы III Международной
научно-практической конференции

г. Пенза, 11–12 марта 2016 г.

Материалы представлены в авторской редакции

Компьютерная верстка *Р. Б. Бердниковой*

Подписано к использованию 10.03.2016. Формат 60×84¹/₁₆.

Объем 8042 Кб.

Заказ № 009029. Тираж 100.

Издательство ПГУ.
440026, Пенза, Красная, 40.
Тел./факс: (8412) 56-47-33; e-mail: iic@pnzgu.ru